

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1995, 1

Редакция благодарит нашего уважаемого соотечественника господина Эмзара Цурцумиа за оказанную помощь в издании журнала.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1995

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

АРЧИЛ СУЛАКАУРИ. Завещание. Фрагменты поэмы. Перевод Г. Орагвелидзе . . .	3
РЕЗО ЧЕИШВИЛИ. Картинки прошлого. Мо- нахово поле. Рассказы. Перевод Арчила Кутатели	9
РАМАЗ КОБИДЗЕ. Привет. Рассказ. Перевод Л. Татишвили	39
ШОТА НИШНИАНИДЗЕ. Лирика. Перевод Людмилы Букиной	46
ВЛАДИМИР ОСИНСКИЙ. Модельеры. Опти- мистическая антиутопия. Окончание . . .	50
ИРИНА ЗУРАБАШВИЛИ. Пустыня. Новелла	138
ВАЛЕРИЙ БРОЕВ (МАНДАСОР). Рассказы. Перевод Георгия Чарквиани	149
АМАРИКЕ САРДАРИ. Родина. Стихи	155
АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ В ГРУЗИИ	
ЗАЯВЛЕНИЕ Главы Государства Грузия . . .	156
—	
ИРИНА ЗУРАБАШВИЛИ. «И снится мне...» .	159

Редакция журнала «Литературная Грузия»
Учредители: Союз писателей Грузии

ПУБЛИЦИСТИКА

- ГЕОРГИИ ЛОМИДЗЕ. Нация 164
ГУРАМ КОПАДЗЕ. Государство и религия 168

ПОЛИТИКА

- АЛЕКСЕЙ БАСАЕВ. Коррупция. Юго-осетинский след. Зреет уголовный суперпроцесс постсоветской эпохи 172

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Исповедь. (Заметки по поводу «Чертова колеса» Гурама Панджикидзе) 178
МАРИНА КШОНДЗЕР. «Поэт» А. Церетели в переводе Б. Пастернака 184
ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО. Эволюционный метод. 189
МЕРАБ ДЖАНЕЛИДЗЕ. Мудрый суд 207

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ. Разговор о Мандельштаме. (Раздумья и наброски). Публикация Киры Вольфензон-Цыбулевской и Павла Нерлера 211

Завещание

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ

Подражание Франсуа Вийону

Судьбой играя, стал таков,
Что стыдно людям показаться.
Как прокормить нам столько ртов? —
Попробуй, братец, догадаться.
Где взять, что дать, чем запасаться,
Когда ты голоден, как волк,
И нищ, как мышь. Пора признаться:
От пустоты — порожний толк.

Не счесть поборников бахвальства,
Пройдох, лентяев, болтунов,
Что даже в крупных государствах
Такой не выудишь улов...
Бах! Это мост летит с быков.
Бах! Это дом лишился крыши.
Под причитанья беглецов
Разруха по пожарам рыщет.

Кичиться словом без прикрас?..
Но что нас ждет: кинжал иль плаха?
Скажи, что погубило нас,
Кто Грузию довел до краха?
Ведь не была она неряхой —
Был твердый дух, был гордый лик.
А вот теперь ты рвешь рубаху
И взором долу ты поник.

Стоим, ограбленные, с горем
Считаем дни. Прости мне, стих,
Мы, как собаки, лаем сворой,
Натравленные на своих.
О, Господи, уйми же их,

ПУБЛИЦИСТИКА

- ГЕОРГИИ ЛОМИДЗЕ. Нация 164
ГУРАМ КОПАДЗЕ. Государство и религия . 168

ПОЛИТИКА

- АЛЕКСЕЙ БАСАЕВ. Коррупция. Юго-осетинский след. Зреет уголовный суперпроцесс постсоветской эпохи 172

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Исповедь. (Заметки по поводу «Чертова колеса» Гурама Панджикидзе) 178
МАРИНА КШОНДЗЕР. «Поэт» А. Церетели в переводе Б. Пастернака 184
ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО. Эволюционный метод. 189
МЕРАБ ДЖАНЕЛИДЗЕ. Мудрый суд 207

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ. Разговор о Мандельштаме. (Раздумья и наброски). Публикация Киры Вольфензон-Цыбулевской и Павла Нерлера . . . 211

Завещание

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ

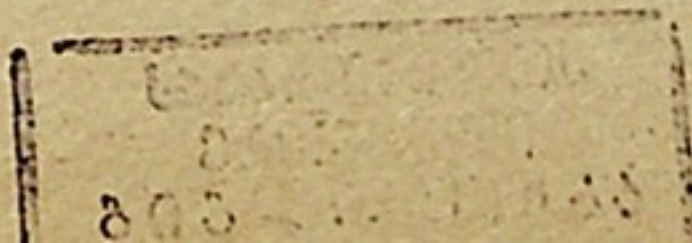
Подражание Франсуа Вийону

Судьбой играя, стал таков,
Что стыдно людям показаться.
Как прокормить нам столько ртов? —
Попробуй, братец, догадаться.
Где взять, что дать, чем запасаться,
Когда ты голоден, как волк,
И нищ, как мышь. Пора признаться:
От пустоты — порожний толк.

Не счесть поборников бахвальства,
Пройдох, лентяев, болтунов,
Что даже в крупных государствах
Такой не выудишь улов...
Бах! Это мост летит с быков.
Бах! Это дом лишился крыши.
Под причитанья беглецов
Разруха по пожарам рыщет.

Кичиться словом без прикрас?..
Но что нас ждет: кинжал иль плаха?
Скажи, что погубило нас,
Кто Грузию довел до краха?
Ведь не была она неряхой —
Был твердый дух, был гордый лик.
А вот теперь ты рвешь рубаху
И взором долу ты поник.

Стоим, ограбленные, с горем
Считаем дни. Прости мне, стих,
Мы, как собаки, лаем сворой,
Натравленные на своих.
О, Господи, уйми же их,

Тех, кто в пылу патриотизма
Тревожит мертвых и живых,
Сжигая на костре отчизну.

Той черной магии угар
По-прежнему питает души.
Вчера он правил здесь, как царь,
Сегодня нас оттуда душит!
Да видит глаз, да слышат уши,
Что бродит в песне Сатаны:
Что бродит в песне сатаны:
Бандит и блядь, и сукин сын...

Парламент наш (он самый модный)
Закон шлифует и декрет.
Но нету кворума сегодня
И средств к спасенью тоже нет.
Какой привет, такой ответ,
И всех куда-то жребий носит,
Хоть тут же фирменный брюнет
Забором садик свой обносит.

И кто-то чей-то топчет план,
Чернит его, юлит, клеветет.
И зреют зависть и обман,
И зубы лязгают зловеще.
Очки набрав в высоком кресле,
Об истине вещает лжец.
Страна, попав безумью в клещи,
Идет с безумцем под венец.

Глухим — концерт, спектакль — слепым,
Но я теряюсь, как невежда,
Пред этим сонмом гробовым
Фантомов в праздничных одеждах.
Народ их выбирал с надеждой,
Они же бьются в стенку лбом,
Отплясывая ловко между
Истерикой и кошельком.

Погода, видно, нам не светит,
Чтоб мудро дело разрешить.
Никто не хочет быть в ответе,

Но каждый гол забить спешит.
О, Боже, научи их жить:
Пусть пересмотрят свой регламент!
Абсурда вече?.. Может быть,
Но нужен Грузии парламент!

Есть партии черных, голубых,
Зеленых, красных, белых, желтых;
Кривых, косых, слепых, глухих...
И каждая — как перевертыш.
Что с нами сделали когорты
Той партии, что была одна?
Представь же, как нам жизнь испортят
Сто разношерстных... Чуешь, а?..

Откуда те, откуда эти?
Зачем пришли и кто есть кто?
На это может вам ответить
Лишь лидер ихний иль никто.
И днем, и ночью решето
Просеивает фраз наборы...
За партией партия, но то
Одни лишь партии раздора.

Кто краснобаев этих свел
Всех вместе именем народа?
Все короли, хоть каждый гол,
Все принцы, хоть и без породы.
И вновь галдеж стоит под сводом,
И крик, и визг, как кровь из вен...
Наш Эдзгверадзе — умный вроде,
Но чей же партии он член?..

Подумаешь — нутро немеет
От писка этих важных птиц.
Хвала нам, если совладаем
С сим плюрализмом без границ,
А, может, сто сановных лиц
Бы пригодилось в земледельи,
Иль на строительстве больниц
Да школ, иль просто в рукодельи?..

А между тем, банк потрошат:
В кредит берут, наличность множат.
Раз партией назвался, брат,
Без денег ведь прожить не сможешь.
И демократам и вельможам
Одна цена в базарный день.
Коль ложь на правду мы умножим,
То возведем тень на плетень.

Все — ловкость рук, когда ты лидер,
Приемов целый арсенал:
Легенды, мифы разных видов,
Да сплетни — тоже капитал,
Коль совесть Бог тебе не дал.
Кто помнит ныне ротозея,
Где прятался и где стоял
В ту ночь девятого апреля?

Еще: дай право поводить
Народ по улицам, как стаю.
Что президент забыл свершить,
Мы митингами наверстаем.
И он с женой про нас узнают,
Когда ворвемся в парк Ваке.
Там «Отче наш» мы почитаем,
Споем и спляшем налегке...

Взял слово знатный витязь ясный,
Как солнце, он сияет всем.
И знает с чем он не согласен,
А с чем согласен — не совсем.
Абсурд — прием, что глух и нем
В борьбе греко-батумской вольной.
Чего он хочет — нет проблем,
Но мне от этого лишь больно!

Изида, Ра или Амон
Помогут в этом деле святом:
Пусть оживет Тутанхамон,
Луи Восьмой или Десятый...
Монарх нам нужен, демократы,
Согласен с этим и народ!
Земля вращается покато,
Ей не опасен задний ход.

Баллада—танец юных лебедушек

Включаю первый микрофон:
Нам Тамрико оттуда скажет
И пояснит со всех сторон
Все то, о чем здесь знает каждый.
Но все равно я слушать жажду,
Что и рекомандую вам.
Душа однако молча страждет:
А где же прелесть юных дам?

Пусть променяют ум на честь,
Изауру вспомнив на досуге!
Здесь вечной женственности мечь
Оповещают феи в круге,
Где лебединые потуги
Диктует ныне танец сам.
Тут я опять взываю к другу:
А где же прелесть юных дам?

Три феи... Стоп! А где она,
Четвертая, чей дух высокий,
Которая идей полна,
Прочувствованных и глубоких.
Но вот она! Плышет к истоку
Вся в ритме танца. И не нам
О возрасте судить без проку:
А где же прелесть юных дам?

Мой принц, у нас танцуют феи,
Перекрывая визгом гам.
Но я теряюсь и робею:
А где же прелесть юных дам?
Пусть депутатов славит стих
В моем смиренном завещаньи.
Стараюсь обессмертить их,
А не себя. Но пониманье
Хочу извлечь из их старанья,
Благое дело совершить.
Но если Зло — их созиданье,
Придется Музе согрешить.

Пока машина занята
Подсчетом голосов, поверьте,
Бессмертье дам вам, господа,
Но стульям вашим нет бессмертья...
Что делать? Может знают черти,
Как ваши стулья закрепить
За вами даже после смерти,
Иначе, разве стоит жить?..

Как жаль! Опять подводит кворум.
Поставим спикеру в вину.
Самим же спеть осталось хором
Под барабан и под зурну.
А я в тетрадке поверну
Листок последний с кротким вздохом
И всех святых упомяну,
Заканчивая эти строфы.

Перевод Гиви ОРАГВЕЛИДЗЕ

Рассказы

Картинки прошлого

Короткометражный киносказ для неопытных
 и наивных кинорежиссеров

Раннее утро.

Сквозь прозрачную пелену тумана в лучах восходящего солнца начинает розоветь небо.

С бархатисто-зеленых склонов гор, с холмов, полей и чайной плантации, где развивается действие, поднимается едва заметный нежный пар.

Передвижная телевизионная станция — большой с легкими креслами автобус, — свернув с трассы, останавливается возле самой плантации. Сквозь плетень, кусты терновика и шиповника видны другие автобусы и легковые автомобили. Наряженные в чохи¹ и в нарядные платья хористы, сборщицы чая, представители местной администрации слоняются в этакую рань, на первый взгляд, без всякой цели и надобности. Панамы, чихтикопи², папахи, густые чубы и лысины мелькают среди кипарисов, среди растянувшегося вдоль речки ольховника и темно-зеленых кустов можжевельника.

А солнце поднимается все выше и светит все ярче. Сквозь розовую дымку зеленеют омытые росой ряды чайных кустов, виднеются движимые и недвижимые хозяйственные объекты: деревянные постройки, ларьки, походная кухня, парикмахерская, медпункт.

Возле автобуса обособленной кучкой стоят режиссеры, операторы, ассистенты, осветители. Здесь же

¹ Чоха — часть грузинского мужского костюма.

² Чихтикопи — женский головной убор.

устроили примерную и гардеробную. Хористки поправляют широкие пояса на платьях, мужчины помогают друг другу застегивать пуговицы на ахалухи¹, ловко управляясь с крючками и петлями; некоторые бреются и пудрятся.

На противоположной стороне съемочной площадки появляются наряженные то ли на праздник, то ли для работы колхозницы с корзинами в руках. По ту сторону маленького овражка, как раз напротив автобуса, занимают места члены бригады Шорены Окрешидзе. Ассистент оператора в обтягивающих джинсах измеряет экспонетром уровень утреннего солнечного света у самого носа Шорены Окрешидзе.

— Сколько?! — кричит издалека оператор.

— Сколько твоей душе угодно, Толя! — отвечает находящийся в отдалении ассистент.

— Хорошо!.. — доволен Толя. — Света достаточно, но все равно поставим щиты.

Осветители поворачивают оцинкованные щиты к солнцу, чтобы отраженные лучи падали прямо на бригаду Шорены Окрешидзе.

— Заза, если хочешь, начинай!

— Если хочешь, хорошо сказано!.. — говорит стоящий к нам спиной молодой режиссер. До сих пор он был неподвижен и, засунув руки в карманы, взирал на объект; теперь проявил некоторую активность: закурил сигарету, затянулся, выпустил изо рта дым, протер сощуренные от дыма глаза, подошел к оператору и заглянул в глазок кинокамеры; так продолжается некоторое время: режиссер курит, прикинув к глазку кинокамеры.

— Заза, ты звал меня?! — спрашивает стоящий на холмике журналист в войлочной «сванке»².

— Кто его звал? У всех вас уже слуховые галлюцинации на свежем воздухе начинаются... — говорит режиссер, отходит от кинокамеры, смотрит на журналиста. — Не звал я вас, уважаемый Иасэ, но, по-моему, вам пора спускаться, разумеется, если это вам не трудно!

— Можете начинать! — кричит оператор.

— Заза, начнем?!

¹ Ахалухи — надевается под чоху

² Имеется в виду сванская шапка.

— Начнем. Жора там?!

— Я-то здесь, а вот Бичико нет... — отвечает, высовываясь из открытой двери автобуса, чернявый Жора.

— Куда он к черту запропастился! — кипятится режиссер.

— Да здесь он где-то, — успокаивает его Толя. — Жора, позови его, будь добр!

— Сам зови, если хочешь! — с этими словами звукооператор Жора скрывается в автобусе.

Бригадир Бичико сидит в «газике» с приоткрытой дверцей в тени ольховника и беседует с каким-то бледным узкоплечим парнем. За рулем развалился небритый шофер. Где-то в кустах боярышника поет дрозд. Слышится мерный рокот речки и неумолчный стрекот кузнечика.

— ...Многие сегодня же уедут, но некоторые напьются и останутся, и где только разместить такое стадо?.. Распределим по семьям, но надо предупредить народ заранее, и вообще, чем раньше сядем за стол, тем лучше, — наедятся и быстро уберутся...

— Вообще-то ты прав, но не надо перебарщивать, я думаю вот о чем, поместимся ли мы все под навесом... — Бичико смотрит вверх. — Вообще-то можно было бы вынести столы и во двор, дождя, по-моему, не будет... Ни одной тучи не видать; но нужно дожждаться полудня... Сейчас еще бригаду поэтов привезла та женщина, чтоб ей пусто было!..

— Нам только поэтов не хватало, Какитич!

— Бичикна! — кричит кто-то издалека.

— Какитич, тебя зовут! — зеваает, опершись подбородком на руль, небритый шофер.

— Крикни, что сейчас буду...

— Ну как ты думаешь, докричусь я до них отсюда?! У меня после вчерашнего горло ни к черту, даже зевать больно...

Ассистент в джинсах покрывает лицо Шорены Окрешидзе коричневой пудрой и подкрашивает веки в кирпичный цвет, проводит по лицу маленькой мягкой подушечкой. Певцы (мужчины и женщины) спускаются сверху, словно водопад, устремляющийся по склону вниз, и располагаются по флангам и флешам.

— Бичико пришел? — спрашивает режиссер за кадром.

— Пришел.

— Где же он был, черт его побери?.. Вы готовы, уважаемый Бичико?

— Честь имею, — издаликает приветствует всех Бичико, снимая свою жокейскую кепочку. Иасэ в сванской шапке, с микрофоном наготове приближается к Бичико.

Иасэ: — Уважаемый Бичико, если можно, расскажите нам, пожалуйста, как вы повысили в текущей пятилетке производительность труда?

Бичико: — Мне читать по бумажке?

— Не надо! — кричит режиссер. — Говорите своими словами, уважаемый Бичико, мы же так с вами договорились... (оператору): Толя, женщины пока не снимай, идет фоном лес...

— Но они уже собирать начали.

— Ничего, пусть пока побалуются, поехали!!

Бичико (начинает): Производительность труда мы повысили благодаря интенсификации труда и комплексному подходу к вопросам уборки чая...

Иасэ (в сванской шапке): — А в чем выражается, уважаемый Бичико, если это, конечно, не секрет, комплексный подход... Уже записываем?..

— Жора! — кричит режиссер-постановщик.

— Што такое?! — из открытой двери автобуса высовывается чернявый Жора.

— Запороли?

— Ничего, «записываем» сотру, паузу растяну... — Жора скрывается в автобусе.

— Мне понравилось, хорошо, уважаемый Иасэ, только лишнего говорить не надо, прошу вас, немножко отодвиньтесь назад, если можно, еще немножко...

— Заза! — хрипит оператор.

— Чего тебе?

— Тебе разве нравится лес на заднем плане? Может, все-таки женщин снимем?

— Я же тебе сказал, не надо женщин, делай-ка лучше свое дело; отставить «комплексный»... Начнем с подхода.

Иасэ (в сванской шапке): — Подхода?

Бичико (скороговоркой): — Членов ведущих звеньев, ну конечно же, не только их; но и других, мы избавляем от каждодневных забот и создаем все условия для работы: на месте организуем порционное питание, сюда же привозим передвижную баню, парикмахерскую... На месте взвешиваем и производим сортировку

чая, так же, как и сегодня, приглашаем художественные коллективы, ансамбли песни и пляски...

Иасэ (подсказывает): — Насколько нам известно, у вас прямо здесь, под открытым небом проходят концерты...

Бичико: — Да-да, обязательно. Сборщицы без отрыва от производства слушают, как говорится, песни, смотрят танцы, спектакли. Сюда приезжают поэты, артисты. Только в этом месяце три раза нас посетил Государственный театр миниатюр...

Иасэ (вежливо прерывает): — И все это помогает повысить производительность труда, не так ли?

Бичико: — Да.

Иасэ (с любопытством): — Мы здесь заметили также приветливых людей в белых халатах...

— Бичико: — Да. Медпункт мы перенесли сюда. Наш медперсонал очень нам помогает. Прямо на работе проверяется состояние здоровья трудящихся, у членов передовых бригад берут кровь и другие анализы...

Иасэ (помогает): — И все это происходит во время работы, не так ли?

Бичико: Да. Во время работы.

Иасэ: Есть ли еще какие-нибудь новшества в вашей деревне?

Бичико: Да, есть. Провели холодную воду. Расширили клуб. Провели в свинарник свет. Вырыли канавы для стока воды и сделали многое-многое другое, всего не перечесать...

Иасэ (кивает): Ясно. Может, вы на что-то жалуетесь, или у вас наблюдаются отдельные недостатки?

Бичико: Да. Есть и отдельные недостатки. В июле, особенно во второй половине месяца, у нас дожди, и в лесу становится грязно, а в августе в поле жарко...

Иасэ: А зимой, наверное, холодно?

Бичико: Да. Особенно в январе.

— Отлично, гстово! — скрещивает руки над головой, держа сигарету в зубах, безбородый режиссер. — Конец не нужен, Жора, остальное в порядке! Уважаемый Бичико, не уходите, заодно и финал снимем. Толя, снимем вечер; можно?

— Можна, канэчна! — отвечает согнутый, словно радикулитом, оператор. — Только уберите эти щиты, больше не нужно столько света. Вы готовы?

— Да, готовы, что осталось — пустяк... — всматривается в свою бумажку Иасэ.

Осветители уносят оцинкованные щиты.

Бичико (в нахлобученной на лоб «жокейке», весь взмокший): К концу рабочего дня бригада Шорены Окрешидзе перевыполнила...

— Подожди, эй, куда гонишь... — из окна автобуса кричит чернявый Жора с напяленными на голову наушниками. — С конца начинайте, с недостатков, мне же надо как-то связать части... — Скрывается в автобусе.

— Поняли.

Бичико (откашлявшись): Да, в июне идет дождь, в августе жарко, а в январе холодно опять же...

— Этот идиот заставил нас начать сначала, я же убрал эти слова, они мне не нужны! — режиссер нервно тушит окурок.

— А мне они как раз нужны! — из динамиков слышится голос Жоры.

— Да продолжайте вы! — закуривает новую сигарету режиссер.

Бичико: ...Бригада Шорены Окрешидзе к концу рабочего дня значительно перевыполнила план. Вместо запланированных четырех тонн собрала семь тонн первосортного чайного листа.

— Заза, записываем?!

— Ясно, записываем, не козлов же кастрируем!

— Толя, что делаем?

— Снимаем.

Бичико (стоит под солнцем): Бригада Шорены Окрешидзе к концу рабочего дня...

— Хор готов? — кричит кто-то в мегафон.

— Готов, готов, зачем кричать!... — невозмутимо отвечает улыбающийся толстый дирижер, расправляя свои пышные усы.

Склон горы заполнен хористами. Сейчас они располагаются по росту, телесной фактуре, полу и голосу. Режиссер-постановщик берет мегафон у худосочного ассистента, который только что проверил готовность хора, и внятно, внушительно произносит:

— Внимание, начало и финал мы отсняли, начнем снимать главное, если можно так выразиться, прямой репортаж с места событий. В кадре и хор, и сборщицы чая: одним полагается петь, другим работать. Точно

так, как это бывает в жизни... Уважаемая Шорена, у меня к вам есть одна просьба, в нашу сторону не смотрите, продолжайте работать, не обращайтесь на нас ни какого внимания, это касается всех, и вас, и членов вашего звена или бригады, или как там у вас, в общем, всех. Где Татия?

— Я здесь, — отвечает дикторша и, спотыкаясь, пробирается сквозь ряды чайных кустов, останавливается около сборщиц и смотрит на режиссера, рукой прикрывая от солнца лицо.

— Мотор! — кричит ассистент, щелкая хлопушкой.

Татия: Сейчас мы побеседуем с передовой сборщицей чая, бригадиром второй бригады Шореной Окрешидзе...

— Уважаемый Заза, я пойду, у меня кое-какие дела, скоро вернусь... — шепчет Бичико режиссеру.

— Да-да, пожалуйста, только вы нам еще понадобитесь в последней сцене, мы вас еще раз побеспокоим, уважаемый Бичико...

— Вернусь, дорогой... — Бичико будит спящего за рулем водителя, приглашает узкоплечего мужчину сесть в машину. Садится. Уезжают.

— Куда он уехал? — спрашивает в мегафон ассистент.

— К чертовой бабушке!

В автобусе, где идет звукозапись и проверяют качество съемки, мигают телеэкраны. На контрольном экране замученный Бичико говорит:

— ...Бригада Шорены Окрешидзе к концу рабочего дня значительно перевыполнила план. Вместо запланированных четырех тонн собрала семь тонн первосортного чайного листа.

А «на натуре» в самый солнцепек Шорена Окрешидзе быстро собирает чай и без запинки говорит в микрофон, протянутой дикторшей:

— У нас созданы все условия для работы и отдыха. Здесь нам готовят горячую пищу, сюда же приносят холодную воду, мы чувствуем постоянное внимание со стороны медицинского персонала, представителей комбината самообслуживания. Во время работы мы отдыхаем, во время работы развлекаемся...

— Достаточно! — кричит режиссер. — Татия, выйди из кадра, куда делся уважаемый Бичико?!

— Все готовы?! — спрашивает оператор.

— Готовые к груду и обороне... — тихо отвечает дирижер, чмокая, — то ли жуя что-то, то ли влодая.

— Уважаемая Шорена, продолжайте работать, это касается всех, конечно же... Работайте. В нашу сторону не смотрите, нас нет, нас не существует, есть только вы и хор...

Татия (с улыбкой): ...Сейчас рядом с передовой бригадой мы видим пятьсот человек — это хор под руководством Бидзины Корбоулашвили, солист—лауреат премии капитана Какабадзе Амиран Бехлецашвили. Будет исполнена старинная народная песня «Бондоука парень».

— Бондоука парень... — запеваает, взмахнув руками, полный пышноусый дирижер Бидзина Корбоулашвили. «Парень, — парень — парень», — повторяет он в разных тональностях.

Амиран Бехлецашвили, стоя на траве в потертых мягких сапожках, переминается с ноги на ногу, то ли очищая подошвы, то ли отыскивая место поустойчивее...

— Парень — парень — парень... — высоким голосом задает тон дирижер.

— Бондоука парень! — неожиданно громовой и хриплый голос вырывается изо рта солиста.

— Парень — парень — парень! — подхватывает хор.

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Хор: Парень — парень — парень...

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Женщины: Парень — парень — парень...

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Хор: Парень — парень — парень...

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Триста женщин: Парень-парень-парень-парень...

Парень-парень-парень-парень...

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Хор: Парень — парень — парень...

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Хор: Парень — парень — парень...

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Триста женщин: Парень-парень-парень...

Парень-парень-парень... Парень-парень-парень...

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Все пятьсот певцов: Парень-парень-парень...

Бехлецашвили: Бондоука парень...

Хор: Не кирпич, а камень!

Все вместе: Не кирпич, а камень!

— Прекрасно! — восклицает режиссер. — Прекрасно, это отсняли. Последняя сцена — фон и картинки для переходов. Вы пойте, а вы работайте, вы свободны, а где наш Бичико?

Хор исполняет другую песню, бригада работает.

В автобусе на мониторах снова возникает Бичико, перед которым улыбающаяся Татия держит микрофон.

Татия: Вы довольны, уважаемый Бичико, сегодняшними результатами?

Бичико (уже без жокейской кепки): Да. Бригада Шорены Окрешидзе вместо запланированных четырехсот тонн и принятых по обязательству пятисот тонн собрала семьсот тонн первосортного свежего зеленого чайного листа. Как видите, благодаря новаторскому подходу почти в один-два раза выросла производительность труда... Сэкономлены десятки тысяч рублей. Как говорится, факт налицо... Сейчас членам бригады Шорены Окрешидзе и самой уважаемой Шорене подарки и вымпелы передадут: председатель совхоза Видли Мамагелашвили, председатель ревизионной комиссии Боидо Мамагелашвили, директор Дома культуры Шота Мамагелашвили, заместитель председателя сельсовета Нугзар Джангиани, члены правления Валико Алавидзе и Гиви Мамагелашвили...

Под музыкальный аккомпанемент и аплодисменты раздают вымпелы, подарки и дипломы.

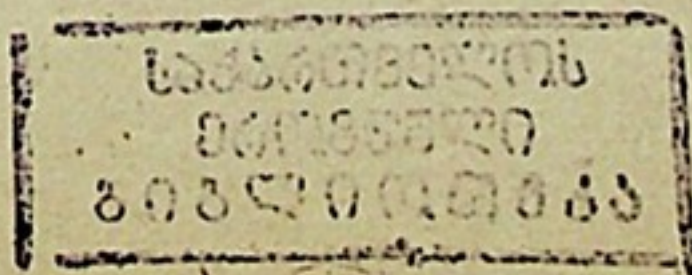
Чайная плантация. Окрестности. Вечер. Прохлада. Коричневое шоссе. Зеленая мурава. Речка, скрытая ольховником. Голубоватые горы. Согнувшиеся женщины собирают чай. Певцы, музыканты, члены съемочной группы, повара, врачи, члены ревизионной комиссии и представители координационного совета, те, кто принимал участие в раздаче подарков, и многие, многие другие с веселыми разговорами, смехом, шутками и выкриками уходят.

— Как думаешь, все поместятся? — говорит идущий впереди Бичико бледному узкоплечему человеку.

— Откуда я знаю... — тот украдкой поглядывает назад, — все остаются, Какитич. Что делается...

— А кому сейчас охота обратно ехать... А где поэты?

— Никандро увел, дай Бог ему здоровья!..

— Хоть полегче немного стало, да ты иди вперед, иди; я их сам приведу... — с улыбкой смотрит назад Какитич — на скромно идущих в первых рядах режиссера, оператора, ассистентов, Бидзину Корбоулашвили, Амираана Бехлецашвили.

— Сосо́йа! — доносится издалека.

— Сосо́йа!

— Кто такой Сосо́йа? — вглядывается вдаль Би-
чко.

— Сосо́йа?

Все смотрят друг на друга, желая узнать, кого зовут.

— Сосо́йа! — продолжает горланить кто-то. —
Чтоб ему так в жизни везло!

— Ему-то повезет, а вот тебе чтоб пусто было!

— Кому повезет-то?

— Как всегда, дураку!

Не спеша, с улыбками на лицах, с шутками и прибаутками гости приближаются ко Дворцу бракосочетаний.

Солнце заходит. Все вокруг окутано красноватой пеленой: голубые горы, зеленые холмы, ряды чайных кустов. Мыча и звеня бубенцами, возвращается с пастбища скот, хлопая крыльями, взлетает на дерево курица; то тут, то там над крышами нарядных домиков, утопающих в зелени, взвиваются струйки дыма из печных труб.

Монахово поле

Кинорассказ

Вблизи местечка Окриба небольшой, с ноготок, клочок земли по сей день называют Берсатриэли — Монаховым полем. Здесь должно быть захоронение монаха, но могилы уже не видно. Шоссе провели по полю, а может быть, и по самой могиле. Покрытое папоротником, колючим кустарником, разорванное на две неравные части поле то вспахивали, то превращали в пастбище, а потом вновь предоставляли папоротникам да сорнякам. Заброшенная дорога как бы растворилась, зато полю вроде бы вернулся первоначальный вид. Но могилу монаха так и не нашли, исчезла навсегда.

А ведь совсем недавно, до войны, да и после нее, путники бросали хворост на могилу, приговаривая: «Вечное блаженство монаху, да и нам бы не дать маху!».

Известно, что Бог не может даровать вечного блаженства одному, не лишая рая кого-то другого. Меркантильное же выражение — «вечное блаженство монаху, да и нам бы не дать маху» ставит под сомнение вышесказанное, если не отрицает его полностью. Тамошние жители блаженству (в которое нынче уже не верят) и раньше, надо признать, явно предпочитали достоинство, хотя сейчас никто не помнит ни о блаженстве, ни о достоинстве в семантическом (а не экономическом) значении этого слова.

Так было или не так, предание преданием, память памятью, а на могилу монаха прохожие бросали хворост. Еще на моей памяти, свернет, бывало, одинокий путник с аробной дороги, подберет сухую хворостину, положит на могилу и обязательно скажет те слова, которые я только что произносил. Гора хвороста росла с каждым днем, деревья постепенно желтели, ворохом оседала жухлая листва на холмик, приближалась зима: поросшее папоротником, колючим кустарником поле покрывалось белым саваном, и продрогшие пастухи жгли часть хвороста, лежащего на могиле, согревая одеревенелое от холода сердце у разгоревшегося огня и, возможно, прося благословения у монаха. С появлением первых фиалок на могилу снова начинали бросать хворост — и так далее.

Какая связь у этой истории с нами (почитай, никакой), у монаха — с Монаховым полем, у круговорота времени — с памятью, об этом ниже, а пока помянем Господа Бога.

За полем, покрытым ковром из желтых цветов, виднеются поросшие лесом холмы, еще дальше — голубые горы, покоящиеся в прозрачном воздухе. Над желтыми цветами кружится дикая пчелка. Кружится, жужжит пчелка в тишине, в желтизне, в прозрачном воздухе.

Солнце всходит. Поле становится еще более желтым и ярким.

Сквозь дебри папоротника, в мокрых от росы чохах, неся с собой молот и колья, пробираются два человека.

Выбравшись из зарослей, они выходят на желтое поле, осматривают его, внимательно вглядываясь в каждую пядь земли.

Высокий худощавый мужчина втыкает один за другим заостренные колья в мягкую землю. Пройдя поле до конца, он возвращается, садится на камень, достает из кармана ахалухи кисет, выгребает из кисета щепотку табака, ловко скручивает самокрутку и чиркает огнивом.

Его напарник с всклокоченной бородой, по пояс раздетый, держит наготове молот. Поплевав на крепкие, словно кремь, ладони, с сильным выдохом он начинает вбивать воткнутые колья. Выструганный из букowego дерева, сырой, заостренный кол надежно вращает в землю. Полюбовавшись своей работой, мужчина с всклокоченной бородой так же старательно вбивает остальные. «Вах!» — вскрикивает он, потный, усталый, но с горящими глазами, всем своим видом выражая глубокое удовлетворение. Становится жарко. В зной вплетается стрекот цикад. Стук молота и вздохи потного человека растворяются в непрерывном стрекоте. Извилистый ряд кольев тянется по полю.

— Михо! — кричит мужчина с всклокоченной бородой. — Помоги, а то не успеем, посмотри, солнце куда уже забралось!

— Сейчас помогу... — обещает худощавый, дымит, пряча огниво. — Помогу, отчего же не помочь, я вместо тебя буду кричать, а ты вбивай!

— Чтоб тебя! — злится человек с молотом и в сердцах с громким выдохом опускает молот на очередной кол.

— Я же тебе сказал, что «вах!» я буду кричать, а то с двумя делами ты все равно не справишься. Жалко мне тебя! — не отстает Михо.

— Да провались ты со своим «вах!» — раздается в зное, в желтизне, среди треска цикад.

На сухом как бы раздвоенном дереве рыжий человек установил огромных размеров подзорную трубу. Смотрит в нее: в объективе возникает частокол. Мужчина с молотом добрался уже до опушки леса. Дуло подзорной трубы скользит по склону, приближаясь к зарослям папоротника. Два незнакомых человека появляются в зарослях как раз в том месте, откуда начинался частокол из кольев. В одном конце вбивают колья, в другом их выдергивают. Вначале трудно разобратъся, кто что делает, но постепенно картина в объ-

ективе проясняется. Частокол с одной стороны быстро растет, с другой — так же быстро тает.

А на поле тем временем собирается народ. Сверху спускаются жители верхних деревень, снизу поднимаются из нижних. Народом заполняется не только поле, но и лужайки, поляны, опушки леса. Худые, бородатые люди одеты в ободранные чохы, изношенные ахалухи, выцветшие кители. На их головах папахи, шляпы, войлочные шапочки, старомодные фуражки. Там и сям выделяются вооруженные с ног до головы дворяне. Можно заметить даже нескольких князей. Некоторые болочат за собой по земле сабли, другие — ножны. Юноши в гимназической форме и длинноволосые социалистические элементы держатся особняком. Они стоят группами, разговаривают, смеются, спорят, галдят. На углях, где пастухи готовят себе обед, жарят тыкву, початки кукурузы, вокруг костра на корточках сидят представители невыясненных партий. Только товарищ Филимон восседает на камне и длинной палкой чертит что-то на золе. «Не будет больше границ», — вдруг заявляет он во всеуслышанье.

— Почему, дорогой, почему? — изумляется кто-то.

— Не будет и все! Сотрут, исчезнут с лица земли!

— Товарищ Филимон, — теряет терпение один из слушателей и спрашивает, ладонью выравнивая расчерченную палкой золу: — а построенная во времена царицы Тамары городская стена?! Что с ней станется?

— Разрушится, уничтожится, сровняется с землей, растворится... — Филимон сам трамбуется золой и принимается чертить снова. — Эта граница аннулируется, эти земли перейдут в общее пользование, эту часть отдадим нижним деревням, ту часть вернем тем, кто по ту сторону реки живет, это подарим верхним, это уступим во временное пользование им, это тем...

Поле кишит людьми. Сверху видна пестро разодетая толпа. Какой-то верзила тащит из лесу только что срубленную дубину, шатаясь, идет он по следу выдернутых из земли кольев, прорывает без спросу цепочку «верхних». Кудрявый молодой человек вежливо останавливает его, видимо, спрашивает, куда тот направляется, но вдруг с улыбкой на лице выхватывает дубину и изо всех сил бьет по голове обернувшегося к лесу верзилу. От треска переломившейся дубины и от воплей

пострадавшего засуетились «нижние», бросились на «верхних».

...И начались крики, давка, драка, свалка, вопли, стоны, треск сухих кольев.

На приготовленных наспех носилках покоится верзила. Его собратья волокут носилки в гору, к расположенной в тени дуба палатке красного креста. Возле палатки суетятся женщины в белых халатах (похоже, что это не желавшие отстать от моды аристократки), они готовят микстуру, примочки, целебные мази.

— Уважаемая Аграфена, обратите на нас внимание, если можно! — восклицает один из носильщиков, с трудом переводя дыхание.

Высокая, с худым лицом Аграфена осматривает потерпевшего, лежащего на устланных листьями носилках, длинными, унизанными перстнями пальцами проверяет, целы ли у него кости, затем снимает с верзилы шапку, прикрывающую лицо.

— Опять тебе голову проломил, несчастный? — спрашивает она низким, басовитым голосом. — И зачем тебе только чужую землю мерить — не понимаю!

А внизу продолжается драка. Доносится крик, брань и плач. Кто дерется, кто разговаривает, кто чертит на золе, кто проповедует. По всему видно, что люди привыкли к такому времяпрепровождению — гвалту, стычкам, мордобою.

Драка постепенно утихает. Теперь кто-то ищет потерянную шапку, кто-то оторванный подол чохи, кто-то проверяет свой шатающийся зуб и сплевывает.

Молодой чернобородый монах стоит поодаль, безмолвно взирая на эту сцену. Оказывается, он никогда ничего не говорит. Ни хорошего, ни плохого, не появляется на его лице ни радость, ни изумление.

На опушке леса, усеянной ромашками, девочка-сиротка пасет корову цвета спелого кизила, с белым пятном на лбу. Корова с аппетитом жует сочную траву, сиротка с каштановыми кудряшками волочит за ней веревку, бредет босиком среди ромашек по желтому полю.

— Почему не снимешь с него штаны?! — сердито говорит Аграфена девушке в белой косынке. Юная сестра милосердия брезгливо морщится.

— Почему не снимаешь, отвечай?!

Верзила с проломленной головой сейчас лежит

лицом вниз, его голова уже надежно перевязана бинтом, но, как выясняется, обязательно надо снять штаны, хотя явно болит голова, а не заднее место.

— ...Почему вы не прислушиваетесь к моим наставлениям... Я вас пытаюсь вразумить, учу: главное забыть о брезгливости. На передовую вас надо... А ну как попадете в ситуацию потрудней, что тогда?

Сестра милосердия не отвечает, сверкает черными глазами, видимо, не имеет представления о том, что бы она предприняла, попав в ситуацию потрудней.

Товарищ Филимон роется в золе. Что-то чертит и стирает. На виду у изумленных собратьев он вновь и вновь уничтожает границы. Дворянин в сбившейся набекрень папахе, в мягких кавказских сапожках стоит у него над головой и, прищурясь, всматривается в золу. Филимон и его друзья не обращают никакого внимания ни на драку, ни на споры ни во что не ставя и дворянина в папахе.

— Это дадим им... Это тем... Это... — подсчитывает Филимон.

— Слушай-ка, дружок, это ты даешь этим, а почему же у тех отбираешь, какое же это равенство? Ты же сам говорил, что все должно быть общим, — решается наконец вступить с ним в спор один из слушателей.

— Сперва раздадим, потом отнимем, а потом объединим... А пока это перейдет сюда, а это туда, это отдадим тем...

— Многоуважаемый Филимон... — спокойно спрашивает дворянин в папахе. — Я, конечно, извиняюсь, но чьи земли вы раздаете?!

Филимон не удостаивает его взглядом и ответом, продолжает демонстративно рыться в золе.

— Товарищ Самсон Тавшавадзе, сколько раз мы вас предупреждали, не вмешивайтесь в чужие дела! — делает ему замечание один из присутствующих.

— Это я вмешиваюсь в ваши дела, или вы вмешиваетесь в мои? Чьи это земли вы тут раздаете? Я сейчас покажу вам, какой я товарищ. Как вас земля носит! — Самсон набрасывается на социалистов, размахивая саблей и угощая их пинками.

— Господин Самсон дерется, господин Самсон дерется!.. — со всех сторон сбегаются крестьяне.

— ...И тех, кто вас сюда прислал, и тех, кто вас породил! — рычит Самсон.

Один из прибежавших крестьян бросается к нему, удерживает, не дает размахнуться.

— Меня заруби, господин Самсон, меня заруби, меня убей!

Вымазанный золой бородач выхватывает наган из кармана брюк.

— Отойдите от этого кровососа, я ему сейчас кровь пушу...

— Не делайте этого, не надо! — кричат ему с разных сторон.

— Пока не надо! — тихо предупреждает Филимон товарища с наганом и стряхивает золу с коверкотовой тужурки. — Спрячь, я тебе говорю, и занеси его в список, уже пора, хватит, сколько мы терпели и носились с ним!..

Бородатый тайком достает записную книжку, слюнявит кончик химического карандаша и что-то коряво пишет.

Разъяренного Самсона Тавшавадзе уводят крестьяне. Самсон брыкается, издалека грозитя и постепенно удаляется из виду.

— С ним покончено! — говорит бородач, пряча книжку и карандаш в верхний карман темной косоворотки.

Звук шарманки ласкает слух.

Впряженные в фаэтон, взмыленные кони останавливаются в поле возле дуба. На козлах рядом с фаэтонщиком сидит расхристаный молодой человек с расстегнутым воротом и охрипшим голосом поет; позади него сидят шарманщик и два собутыльника.

Молодой парень, каким-то чудом удерживая равновесие, покачивается на козлах, время от времени он прерывает сиплое пение, для того чтобы презрительным взглядом окинуть местное общество.

— До сих пор договориться не смогли, провались вы со своей жадностью! Михако, старина!.. — окликает он мужчину с колом. — Михако, голодранец, воткни этот кол в пасынка твоего отца Аслания Мамрикишвили!

— Чтоб тебе пусто было!.. — сплевывает Михако, сидя и покуривая возле груды кольев с присохшей к ним грязью.

— Михако Палоевич¹, твое время наступает, Михако, твое время, чтоб ты провалился!

— Чтоб ты не дожил до рассвета!

— Не зевай, Михако! Рассвет уже близок! Восстань, Михако, восстань, и твои труды будут вознаграждены!

— Будуна, несчастный, оставь нас в покое, ты же урвал себе куш! — кричит ему один из дворян.

— А что у вас было, чтобы я мог урвать? Как вы опустились, еще благородными людьми называетесь! Целую всех, ваш Будуна Мхеидзе, сын Ягора!..

— Не свались, несчастный! — заботливо предостерегает Аграфена.

— Не упаду, тетушка Аграфена, назло некоторым не упаду! Михако, дорогой, и ты не бойся, я не упаду! Михако Палоевич, если можно, выделите один кол и для товарища Филимона.

— погоди, мы и до тебя доберемся... — про себя грозитя товарищ Филимона, украдкой вытаскивая из кармана записную книжку и химический карандаш.

— Поехал я, тетушка Аграфена, поцелуй дядю Васю! А я сыграю и спою... Рассвет уже близок, восстань, Михако, восстань!

— Эх ты бедолага! — сочувственно вздыхает Аграфена.

Под звуки шарманки, крики и возгласы Буду уезжает. Окутанный клубами пыли фаэтон исчезает вдали, и все вокруг затихает.

Солнце заходит. Поле становится темно-желтым.

Группами или в одиночку, пешком или на арбе, на лошадях и на осликах движутся крестьяне к своим селам.

Девочка-сиротка погоняет бурую корову. Стуча деревянным колокольчиком, корова с разбухшим выменем приближается к деревенской околице.

Чернобородый монах идет один по безлюдной тропинке. Удаляется в сторону гор.

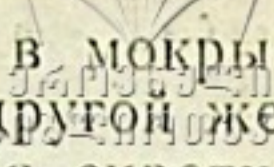
Рассветает.

Восходит солнце. В пожелтевших кустах жужжит пчелка. Людские голоса постепенно заглушают жужжание насекомых.

---

¹ Пало — по-грузински «кол».

Из зарослей папоротника выходят двое в мокрых от росы чохах. Один (Михако) несет колья, другой же — железный молот. Гонит бурую корову босоногая сиротка с распущенными каштановыми кудряшками. Монах идет со стороны Лысой горы. «Верхние» спускаются сверху, «нижние» поднимаются снизу.

Идут пешком, едут на лошадях, на арбах, даже на фаэтонах.

Солнце припекает. Стрекот цикад сливается с усиливающимся шумом. Рыжий человек установил на раздвоенном дереве подзорную трубу и внимательно наблюдает за частоколом. Ряд кольев растет с одной стороны, укорачивается и усекается — с другой. Одни втыкают, другие выдергивают.

Несколько человек, сгрудившись на вершине холма, вглядываются вдаль.

— Несут, несут! — раздается звонкий голос мальчика, забравшегося на дерево. Появляется втиснутый в седло и вместе с седлом поднятый на руки старец с трясущейся головой, седая борода старца достает до пояса. С благоговением наблюдают за этой картиной «верхние» и «нижние», потусторонние и поэтусторонние, все от мала до велика, женщины и мужчины. Седло-престол устанавливают на деревянный помост посередине поля, ореховой веткой отгоняют пчел. Через некоторое время к «престолу» приближаются предводители. Представительный мужчина, облаченный в рыжую чоху, отделяется от предводителей, кладет руку на грудь и почтительно склоняет голову.

— Мудрый Гига!

— Ну!.. — наконец приходит в себя мирно дремавший старик.

— Мудрый Гига, где лежит граница между «потусторонними» и «поэтусторонними», точнее, между «нижними» и «верхними», и еще точнее, между нами и ими?

— Между кем и кем?! — старик подносит ко лбу ладонь, прикрываясь от солнца.

— Между «потусторонними» и «поэтусторонними», между нами и ими! — втолковывает человек в чохе. — Я внук Амириндо Хецидзе.

— Чей ты?

— Амириндо Хецидзе.

— Умер Амириндо?

— Скончался шестьдесят лет тому назад.
— Шестьдесят лет назад?
— Да, чтоб унес он ваши беды, он умер, и мы остались без границы!

— Без границы?

— Без границы. Вот теперь этим ее установить.

— Границу хотите установить? — старец прикладывает ладонь к уху. — Какую границу?

— Нет никаких границ!.. — доносится громовой голос Филимона, взобравшегося на дикую грушу. Он в черной косоворотке, с башлыком на плече. — Не будет больше границ, земля одна, народ один, язык один; не будет больше твоего и моего, сотрутся рубежи, пропадут имена, государства, нации, будет один язык, одна земля!..

— Филимон-антихрист, спускайся вниз, а то я тебя скину, как ворону! — какой-то человек показывает ствол берданки из-под полы. Он и сам, словно ворон, устроился поодаль и, несмотря на жару, закутался в бурку.

— Внесем его в черный список? — смотрит на человека в бурке товарищ Филимона, тайно посящий при себе паган.

— Он и так, считай, готов, но все равно внеси... — тихо, как будто обращаясь к кому-то другому, говорит Филимон, отряхивая свою коверкотовую тужурку.

Тем временем старец уснул.

Гига спит. Все ждут его пробуждения. Молчат.

— Не спи ты! Рассвет близок! — издалека доносится хриплый голос Буду. Фаэтон уносится вдаль, пение Буду, звук шарманки, цокот копыт растворяются в оркестре цикад.

Михако принес желтые лютики. Вопросительно поглядел на внука Амириндо Хецидзе. Тот кивает головой в знак согласия. Михако цветком щекочет в носу у Гиги. Гига чихает.

— Будь здоров! — кричит кто-то издалека.

— Граница? — пробуждается Гига.

— Да, граница, граница...

— Граница, где граница?

— Мудрый Гига... — терпеливо начинает повторять Хецидзе. — Дед твоего отца, большой Гига...

— Умер сто двадцать лет тому назад, помню, я был тогда совсем маленьким...

— Большой Гига оставил пограничный знак здесь, в поле...

— Куда он делся, не вижу, глаза уже слабы... — старик прикрывает ладонью лицо и снова впадает в дремоту.

— Не увидишь...

— Не увижу? — вновь просыпается старик.

— Не увидишь, нет его больше, время, дурная погода, веяния времен вырвали его из земли. Кроме тебя, Мудрый Гига, не осталось никого, видевшего этот знак своими глазами. Где он был?

— Этот знак?

— Да, знак.

— А где он был?

— Вот именно! Где он был?

— Который установил большой Гига?

— Который установил большой Гига, где он был, этот знак, Мудрый Гига?!

— Там! — Старик указывает рукой вниз.

Старца поднимают вместе с седлом и с торжествующим криком мчат к указанному месту.

«Нижние» с трепетом пятятся назад, со страхом ожидают, куда ткнет своим сухим, вытянутым перстом старец. А Мудрый Гига и рукой пошевелить не собирается, наверно, уже уснул.

«Верхние» вприпрыжку несут Гигу в седле. Отступают назад «нижние», и в их рядах растет недовольство. «Мы погибли!» — кричат некоторые, видя, как прямо на глазах уменьшаются, исчезают их владения. Верзила, которому накануне проломил голову, раскидывает руки, пытаясь остановить необычную процессию. Другие сбиваются в кучки и стараются перекрыть дорогу, уже и Гигу ни во что не ставя. Давят друг друга, отталкивают. Как назло, старец не опускает руки. «Вперед, вперед», — знай твердит он. Потеряв терпение и всякое уважение к старцу, один из «нижних» изо всех сил трясет седло, кто-то с кем-то сшибается, кто-то падает в давке, кто-то кого-то уже дубасит, трон из ишачьего седла содрогается, и Мудрый Гига падает на сухую землю.

Сперва бросаются врукопашную. Через некоторое время хватаются за дубины. Начинаются крики, ругань, вопли, стоны, летят клочья волос, обломки кольев. Изрядно помятого Мудрого Гигу с покоящейся на гру-

ди белой бородой, словно непреклонившееся знамя, на руках, торжественно выносят с поля боя.

Полдень.

Жарко. Буренка, лежа на поле в тенечке, неторопливо жуёт траву, рядом с кучей кольев спит, открыв рот, Михако. Сиротка прядет шерсть. Крутится веретено, тянется нить из пряжи. Чернобородый монах стоит на холме, печально смотрит на разоренную поляну, на усеянное камнями, обломками кольев, глиняными черепками поле.

У кибитки суетятся сестры милосердия, раненым и покалеченным в схватке прикладывают к ранам листья подорожника. У подножия большого дуба на земле расстелена циновка, там готовятся к трапезе, молча и деловито расставляют миски, раскладывают хлеб. А у потухшего костра «социалисты» по-прежнему роются в золе. Это товарищи Филимона палкой чертят и стирают границы. Откуда-то доносятся приглушенные звуки шарманки, смешанные со стрекотом цикад. Под звон бубенцов подъезжает путник верхом на еле плетущемся муле.

По одежде и выражению лица невозможно определить, кто это: священнослужитель, бывший чиновник, стрелочник на железной дороге или отставной ефрейтор. К седлу прикреплена лампада или обыкновенный фонарь, которым пользуются железнодорожники.

— Едет! — кричит звонким голосом забравшийся на верхушку дерева мальчишка-дозорный.

— Едет, едет!.. — подхватывают остальные, и с разных сторон доносятся перекликающиеся друг с другом голоса.

Брошенное уснувшее поле мерно колышется, напоминая хлебную ниву. Ставший привычным звук шарманки прерывается, и голоса раздаются явственней.

— Едет, едет!

— Слава тебе, Господи!

— Прислали!

— Услышали наши молитвы!

Прибывшего на муле торжественно встречают, с благоговением склоняют головы, почтительно приветствуют издалека.

— Да будет благословен ваш приход, уважаемый Шашо! — снимает шапку внук Ачириндо Хецидзе, одетый в рыжую чоху.

Гостя обступают с разных сторон. Кто держит стремя, кто уздечку, кто хвост умного животного.

— Рассуди нас, уважаемый Шашо!

— На тебя надеемся, дядя Шашо!

— Дай Бог тебе счастья!

— Козла заколем, уважаемый, в твою честь!

— Рассуди и помоги!

— Мы высушили семечки нашей тыквы, которая вам в прошлый раз понравилась, и сохранили их для вас...

— Это хорошо!

Шашо с мулом стоят на самом солнцепеке. Прикрываясь ладонью от солнца, он осматривает спорные земли, все скрупулезно мерит и расчерчивает.

Народ не сводит с Шашо глаз. Кто смотрит с надеждой, кто нахмурившись, а некоторые даже с насмешкой. Но большинство, как выясняется, надеется на чудо.

— Все в твоих руках, ты должен разрешить неразрешенное, установить неустановленное, мы подчиняемся твоему слову, ты многих рассудил и нас рассуди, дай нам по справедливости! — говорит Самсон Тавшевадзе, с огромной парадной саблей на поясе.

— Сперва нужно найти центр! — объявляет после долгих раздумий Шашо.

— Чего, чего?... — спрашивают друг у друга «верхние» и «нижние».

— Что-то нужно найти...

— Что вы сказали, уважаемый?

— Центр. — Шашо наконец решается слезть с мула, ему помогают, придерживают стремя, подают руку.

— Центр, — повторяет, ступив на землю, Шашо и снимает с седла фонарь.

— Вы сказали «центр», нам не послышалось? — напрягает слух наклонившийся к Шашо Хецидзе.

— Да, центр...

— Центр, центр... — шепотом повторяет народ.

— Воистину прав этот человек...

— Что за центр?!

— Зачем нужен этот центр?

Шашо зажигает лампаду (обыкновенный фонарь), поднимает фитиль, неторопливо протирает тряпочкой стекла и так же неторопливо начинает шагами мерять поле. За ним покорно бредет мул, волочащий по земле

уздечку. За мулом следует толпа, попутно спрашивая друг у друга, что означают действия почтенного Шашо.

Шашо шатается взад и вперед с зажженным фонарем. Ищет ли он знак, оставленный Большим Гигой, центр земли или какой-нибудь меридиан — понять трудно. В конце концов Шашо останавливается в одном месте и погружается в раздумья. Притихший народ с упованием ждет. Разумеется, кто-то продолжает иронически улыбаться, кто-то смотрит с явным недоверием, но все равно все на что-то надеются.

— Нашел, начальник?! — бессмысленно таращится Михо, притащивший на спине, словно вязанку дров, новую партию кольев.

— Нашел! — коротко отвечает Шашо.

«— Нашел, нашел», — эхом доносится со всех сторон. Стоящие впереди сообщают народу радостную весть. Звуки шарманки сливаются с криками радости и ликования. Внимание собравшихся привлекает голос Буду. Он, как и прежде, стоит на козлах остановившегося возле большого дуба фаэтона.

— Опять явился этот ненормальный! — сетует кто-то.

— Нашел-таки Шашо, молодец, ну давай, Михако, действуй, вколачивай, настал твой час!

— Будуйя, несчастный, оставь нас в покое, здесь тебе ничего не перепадет, отстань, сколько можно говорить?! — заводится верзила с перевязанной головой.

— Ты мешаешь человеку, он должен установить границу! — кричит кто-то.

— Не существует больше границ, исчезнут все границы, рубежи, крепостные стены, не будет больше государств, не будет разных языков, народ один, язык один, долой границы! — вопит забравшийся на дерево Филмон с накинутым на плечи башлыком. Его тащат за ноги, пытаются сбросить. Шашо, величественно подняв руку, требует тишины.

— Скажи ты нам, наконец, где этот центр, не мучай! — взмолился верзила.

— Там, где я оставил свою калошу!

Все только сейчас замечают, что преподобный Шашо гордо стоит перед народом с фонарем в руках в одной калоше.

— Потерял или специально оставил? — интересуется кто-то.

— Оставил, наверное.

— Тогда пусть скажет, где оставил, чего он нас мучает!

— Небось, где-то потерял в грязи.

— Да какая грязь в такую жару!

Все разбредаются по полю в поисках калоши.

И, действительно, в грязи валяется остроносая, с красной подкладкой, калоша. Ее находит Михако.

— Никогда, ни в хорошую, ни в плохую погоду я здесь грязи не видел, — заявляет он.

— Ну, в плохую погоду — это слишком, а в хорошую и я, по правде говоря, не видал. Конечно, я не искал, но и не находил, соответственно... — чешет ухо удивленный напарник Михако, который по утрам, обычно, вбивает колья.

— Слава тебе, Господи! — крестится, услышав, что нашли центр, оборванный старец.

— Воткните шест! — приказывает Шашо, тушит фонарь, протирает стекла тряпочкой и вешает его обратно на седло.

Длинную обструганную жердь втыкают в глинистую почву. Тень от жерди ложится рядом с лужей, в которой Шашо оставил свою калошу. А сам Шашо уже взбирается на мула и собирается уезжать. Один крестьянин придерживает стремя, другой ногу Шашо, третий надевает на ногу потерянную калошу.

— Центр ты нам нашел? Нашел, дай Бог тебе счастья! Мы теперь твои вечные должники. Ну, а теперь что нам делать, уважаемый Шашо?! — робко спрашивает Хецидзе в рыжей чохе.

— Главное, что у вас уже есть центр... — поудобнее устраивается на муле Шашо. — Сейчас расходитесь, а завтра с восходом солнца возвращайтесь, выведите по одному борцу-богатырю, с верховья и с низовья, если точнее — одного «верхнего», другого «нижнего», одного тутошнего, другого тамошнего, сведите их, и пусть победитель протащит побежденного, живого или мертвого, от центра в сторону противника, и где он остановится, пусть там и пройдет граница, ныне и присно и во веки веков... Так поступали, так и поступайте, так было и так будет. Таков наш обычай, наш закон...

— Что за закон? — удивляется кто-то.

— Наш закон, уважаемый! — вызывающе отвечает второй.

— Что-то я не слыхал о таком законе...

— Раз не слыхал, выслушай сейчас...

— Люди, что это за закон?!

— Есть, есть такой закон!

— Не было!

— Был!

— Не верьте, невежды, бреду посланцев тьмы! — машет башлыком Филимон.

— Это я посланец тьмы? — прикладывает руку к груди удивленный Шашо.

— Ну что вы, уважаемый, кто его слушает!..

— Завтра или послезавтра не будет границ, все будет общим, исчезнет частная собственность, исчезнет ваш язык, будет один народ и один язык!

— Ты спустишься или тебя скинут? — из-под бурки человека-ворона, стоящего на краю поляны, высвобождается ствол берданки.

Шарманка играет плясовую, и Буду танцует на козлах. Гримасничает, покачивается, чудом удерживается, заставляя трепетать чуткие женские сердца; танцует, кричит и поминает Михако.

— Почему тебя еще в материнской утробе не удушили, будь ты трижды неладен! — ругается Михако.

— Свалится ведь этот бедолага! — на непроницаемом лице Аграфены появляется тревога.

К седлу мула для Шашо привязывают бурдюк, козлиную шкуру, мешочек с тыквенными семечками и провожают преподобного с извинениями и благодарностью. Звенят бубенцы, постукивает по седлу фонарь, удаляется на муле с дарами Шашо. Судья ли он, бывший священник, железнодорожный стрелочник или ефрейтор в отставке — никто так и не разобрал.

Солнце восходит.

Пожелтевшее поле озарено его яркими лучами.

Еще до восхода солнца на поле собрался народ. С одной стороны стоят «верхние», с другой «нижние». Высокий кол, воткнутый в землю, еще не отбрасывает тени. Большая подзорная труба покоится на раздвоенном высохшем дереве. В объективе виден по пояс оголенный «великан». Постепенно круг сужается, и в объективе он остается один. У бритого наголо, с грозным выражением лица «великана» на лбу огромная, похожая на рог, бородавка. «Великан» стоит напыжившись и

хмуро поглядывает затерявшимися в густых бровях маленькими глазками на обескураженных «нижних».

Борец «нижних», высокий парень с тонкой талией и широкими плечами, как видно, отказывается бороться. Тщетно взывает он к сородичам: «Выведите человека, я не могу бороться с этим животным!» Бледный и опозоренный, он явно стесняется взглянуть в глаза собратьям. Его сторонники молчат, погрузившись в раздумье.

Буренка больше не щиплет траву, стоит в растерянности, время от времени нюхая воздух. Девочка-сиротка держит веревку и удивленно озирается по сторонам. Зловещая тишина пугает ее больше, чем привычные для слуха крики, вопли и треск ломающихся кольев.

Молчаливый чернобородый монах, как всегда, стоит в стороне от всех, пропуская сквозь свои длинные пальцы черную как смоль бороду. Сидящий на козлах фаэтона Буду словно язык проглотил. Молчит и окаменевшая шарманка.

Гордая суровая Аграфена в черном платье, в платке, угрюмо смотрит вниз. Сестры милосердия не смеют даже перешептываться. Молчит и Филимон. Молчит товарищ Филимона с записной книжкой и наганом, молчат другие товарищи. Нет желания разговаривать и у дворян, увешанных книжалами и саблями. Михако носится по кругу с длинной дубиной, которой он обычно забивает колья, и нехотя покрикивает: «Посторонись!» — пытаюсь, как ему кажется, расширить арену для борьбы. Кто-то толкает его и подбрасывает, словно мышонка, «циклопу» с бородавкой на лбу. Разъяренный борец пытается ухватить Михако, но тот ловким движением сует ему в руку дубину и ускользает.

Проползши на четвереньках сквозь толпу, дрожа как в лихорадке, Михако садится поодаль. Грусть снова охватывает народ, который на миг развеселила эта картина. Все вокруг окутывает тишина.

Солнце припекает, цикады трещат, обритая голова борца с бородавкой на лбу блестит на солнце. Забравшиеся на дерево мальчишки бросают в него собранными камушками. «Великан» трясет головой, непроизвольно отмахивается рукой, как будто отгоняет мух. Обнаглевший Михако дубиной пытается стянуть брюки с великана, тот дает ему пинка, и на этот раз Михако,

не удержавшись, кубарем скатывается по склону. Враги злорадствуют, друзья веселятся, но делу это не помогает.

— Погибли мы! — восклицает громко один из «нижних».

— Осрамились! — соглашается верзила с перевязанной головой.

Один из «верхних» раскачивает жердь.

— Сейчас начнем мерить поле этой жердью и, пока не устанем, будем идти вперед! — заявляет он.

— Почему? Объясни, почему?! — спрашивает кто-то из «нижних».

— Таков закон!

— Что это за закон?

— Наш закон, уважаемый!

— Победитель меряет себе землю без усталости...

— Почему, объясни, почему? — недоумевает кто-то, по всей видимости, не верящий в законы и обычаи.

— Мы победили! — кричат «верхние».

— Каким образом? — возражают «нижние».

Борец с бородавкой совсем некстати ухмыляется.

Восторженные возгласы слышатся сверху, охи и ахи снизу. И тут на авансцену выходит чернобородый монах, доселе ни в чем не принимавший участия. На глазах удивленных «верхних» и «нижних» идет он по желтеющему полю.

Коршун кружит над полем, которое вскоре назовут «Берсатриэли»¹. Рев толпы отдается эхом в скалах Накерали.

Сверху видна поделенная надвое и одновременно будто стянутая обручем толпа, перекатывающаяся слева направо.

Крутится живое колесо, круг то поглощает, то снова выталкивает борющихся.

Монах лежит лицом вниз, двумя руками ухватившись за куст можжевельника. Весь взмокший, «великан» изо всех сил тянет его за ноги. Вот-вот выдернет с корнями куст или разорвет монаха на части. С ног монаха спадают башмаки — и потерявший равновесие человек-гора падает наземь. Теперь вскочивший с быстротой молнии монах тянет за ноги «великана»; из

¹ Берсатриэли — «бери» (монах), «трева» (тащить).

последних сил тянет за собой огромное тело. Уже «великан» цепляется за камни, кусты, деревья.

Все кричат, подбадривая монаха, но у него нет больше сил. Сколько протащит соперника, настолько передвинет границу, у одних отнимет — другим отдаст славу, пахотную землю, пастбища, охотничьи угодья. Руки не подчиняются ему, колени слабеют. Человек-гора дергает ногами, высвобождает одну и бьет соперника по спине.

Тяжело дыша, монах лежит на земле.

Человек-гора тащит монаха.

Монах вгрызается в землю. Окровавленными пальцами, зубами цепляется за колючие кустарники, за комья земли, корни растений, не выпускает из рук выдернутый из земли пень. Но «великан» продолжает тащить облепленного грязью монаха, не выпускающего из рук пень. Он стремится вперед, ничего перед собой не видя.

— Сюда, сюда! — окликают его, но он, с помутившимся рассудком, ничего не слышит, ничего не видит.

— Куда, осел, куда ты его тащишь?! — кнутом подгоняет «великана» человек в рыжей чохе.

— Давай, давай, дурак!

— Туда, туда, тащи, это и так наше!

— Погубит нас этот сукин сын!

Человек-гора ничего не видит, не разбирая дороги, описывает круги, поднимается вверх, спускается вниз, при этом голова монаха рассекается о камень.

Возбужденный народ продолжает реветь. Кто-то собирается помочь, кто-то требует разнять. Друг друга сдерживают, успокаивают и тут же сами рвутся в бой. Крик достигает неба, сталкивается с голыми скалами и эхом возвращается обратно.

Человек с глазами, налитыми кровью, с выступившей на губах пеной, неожиданно останавливается как вкопанный, не двигаясь ни вперед ни назад. С изумлением трясет он безжизненные ноги монаха, опускает их и, остолбенев, пораженный, озирается по сторонам.

В наступившей тишине чувствуется замешательство и тревога.

Кто-то прищипывает ухом к груди монаха.

Опечаленный, встает, снимает шапку, осеняет себя крестным знаменем.

— Отныне и навеки здесь будет пролегать граница,

аминь! — примирительным тоном объявляет один представительный почетный дворянин.

— Да ведь она как раз тут и проходила, — со вздохом замечает кто-то.

Они вернулись к той жерди, к тому центру, откуда начинали поединок. Тень от жерди, воткнутой Шашо, значительно удлинилась.

На холмах, склонах, пригорках стоят пристыженные, удрученные люди с непокрытыми головами. На покоящегося в поле чернобородого монаха падают алые лучи заходящего солнца, раздается звон колоколов, должно быть, звонят к вечерне в окрестных деревнях.

Мычит Буренка. Требует, чтобы оставшаяся на опустевшем поле хозяйка отвела ее домой. Босоногая сиротка укладывает хворост на свежую могилу. Укладывает аккуратно, старательно, чтоб не затерялась она, чтоб не затоптала ее скотина. Приносит сиротка и покинутое птицами гнездо, кладет вместе с хворостом, а сама скрывается в желтых сумерках, исчезает.

Действительность часто перерастает в легенды; легенды уважают во все времена и у всех народов. В преданиях и сказаниях наша история. В исторических произведениях так же, как и в других жанрах, я ценю правду, то есть достоверность. Выцелзложенная история произошла на самом деле. Шел спор о земле, и в этой тяжбе погиб не известный нам монах. Победил его житель Риони, которого звали Беко, у которого на самом деле была огромная бородавка на лбу. Вот все, что сохранила народная память, передавая эту историю из поколения в поколение.

Недалеко от Берсатриэли есть поле, которое по древнегрузински называется «Сарбиэли», то есть — место для бега. А место для бега само собой ассоциируется с состязанием, и отсюда заинтересовавшееся лицо может получить какую-то информацию. Я лично о «Сарбиэли» не вспомнил, но вернулся к истории «Берсатриэли». Несмотря на это, кто-то другой (что совсем не исключено) или я сам, опираясь на новые сведения, расскажет об этом заново, со всей точностью, правдивостью, строгостью, как полагается, ибо в настоящем рассказе, как нетрудно догадаться, я был скован жанром, замыслом, о многом не сказал вообще, многое изложил иначе, кое-где действовал со связанными руками,

а кое-где с развязанными, одним словом, приделывал к глиняному горшку ручку по собственному усмотрению.

Случился этот спор из-за земли в Окриба (деревни Риони, Зарати, Чолеви, Лекерети, Оджоли), как я и отметил вначале. Недалеко отсюда, правда, есть монастыри Гелати и Моцамета, но все равно непонятно, откуда появился здесь монах. В близлежащих селах (я имею в виду вышеупомянутые деревни) монастырей нет, одно местечко называют «монашьим», но больше, насколько я знаю, ничего здесь с монахами не связано.

И все же читатель может спросить, в конце концов, — что же здесь произошло? Действительно, что произошло? Спорщики хотели установить границу, которая, как выяснилось, была давно установлена. Они пошумели, подрались, покричали, побузили, убили человека. И вернулись к тому, с чего начали. От глупости до мудрости, от смешного до печального — один шаг.

Перевод Арчила КУТАТЕЛИ

ПРИВЕТ

РАССКАЗ

Привет...

Нет, я не здороваюсь с вами, я просто называю предмет нашей беседы, тот широко распространенный, краткий, порой весьма впечатляющий, порой же довольно бесцветный акт, без которого непредставимы нормальные отношения между людьми.

Впрочем, почему краткий? Был у нас в университете один профессор, так он еще с ворот, завидя нас, собравшихся возле основного подъезда студентов, начинал свое ласковое кивание. Кивая головой, он поднимался по асфальтированному подъему — от ворот к подъезду ведь ведет небольшой подъем — и, так и не останавливая головы, скрывался за огромными желтыми дверями. При чем выражение лица у него было такое, словно мы были маленькими детишками, а он не здоровался с нами, а раздавал сладости и при этом хитро спрашивал: «Вот я даю тебе конфетку, а ты, мальчик, что мне дашь?..»

При виде старого профессора мы невольно подтягивались, расправляли плечи, прятали папиросу в кулаке и провожали его вежливым поклоном.

А ведь он был очень суровым, просто безжалостным экзаменатором. Кроме двух или трех отличников-шизофреников, на курсе не осталось студента, которого он бы не «срезал», причем, несколько раз, не выпроводил всн, горевшего от стыда, бегая при этом по комнате и громко причитая:

— Как это можно, любезный? Что вы делаете? Вы только начинаете жить! Ежели вы не будете учиться сейчас, потом для этого у вас не будет времени. Вы ведь не знаете, как сложна жизнь! До свиданья, голубчик, до свиданья!.. Не усложняйте себе жизнь, не много больше усердия, друг мой, больше труда и са-

моотверженности... Когда? Послезавтра? Хм... Хорошо, приходите, а там увидим. Будьте здоровы, до свиданья, до свиданья!

«Послезавтра» обычно повторялась та же картина. В результате всего этого предмет нашего любезного профессора мы знали назубок, а один из нас продолжил его изучение в аспирантуре.

Профессор наш жив по сей день. Он заметно постарел, облысел, сгорбился... Кивать же головой по-прежнему начинает с ворот (которых, впрочем, уже нет), создавая вокруг себя ту же атмосферу тепла и доверия: «Вот я даю тебе конфетку! А ты что мне дашь?..»

Привет...

Сколько людей на свете, столько и приветов. Хотя, в то время существовала и особая категория людей, которым, всем без исключения, была свойственна одинаковая манера здороваться. Я имею в виду бывших партийных работников. Кем бы они ни числились — парторганизаторами ли захудалой конторы, секретарями райкома или ЦК, они здоровались с вами не как с конкретной личностью, но как «с достойным представителем широких масс трудящихся, строящих коммунизм». А в их суровых глазах постоянно читались одни и те же лозунги: «Вперед! К победе коммунизма!», или: «Большевик, будь бдителен! Враг не дремлет!»

Вы помните, наверное, мы всем своим существом откликались на этот призыв. Находили врага там, где, по правде говоря, ему и делать было нечего.

Теперь эта категория людей переместилась в другую сферу деятельности. Соответственно изменились и форма и содержание их приветов. Теперь они в каждом из нас видят конкретных людей.

— Здравствуй, христианин! — с улыбкой приветствует меня один из них. — Что поделявает моя любимица Кетино? Привет милой Аделаиде! Мы, благодарение Господу, дышим, не забывай...

Бога поминают почти на каждом шагу. Но действительно ли они изменились внутренне? Аллах ведает! Нельзя же судить о человеке по его приветам. Где гарантия, что приди коммунисты снова к власти, мы вновь не превратимся в «представителей широких

масс трудящихся» и не будем находить замаскированных классовых врагов в каждом подъезде или какой-нибудь норе?! Известно ведь, не отучай от привычного и не приучай к непривычному. Мы же привычны к тому, чтобы немедленно бежать в соответствующие органы, как только услышим, что кто-то, скажем, за празднично накрытым столом в какой-нибудь уважаемой семье неуважительно отозвался о «нашей великой партии» или очередном ее вожде. Мы даже не задумываемся, а может в 37-м расстреляли отца или брата этого человека? Или месячный оклад едва ему хватает на неделю и семья его голодна и неодеята? Нет! Это не наше дело! Это дело соответствующих органов!

Привет...

Знал я одного молодого человека. Вот кто умел здороваться! Уже издали, широко раскрыв руки, он с громкими возгласами приближался к тебе.

— Ну как ты, брат? Все в порядке? — схватив за плечи, он ел тебя глазами. — Лучшей новости ты сообщить мне не мог! Скажи еще что-нибудь, порадууй! Может, тебе что-нибудь нужно? Ты же знаешь, где я нахожусь! Приходи, не стесняйся!

Прощаясь, он крепко жал твою руку, не спуская с тебя глаз. Кто знает, возникни нужда, может, он и в самом деле помог бы мне. Но он как-то незаметно исчез из нашего утопающего в зелени городка. Поэтому я узнал причину этого внезапного исчезновения.

Он не был уроженцем наших мест. В город приехал по распределению и начал работать заместителем заведующего отделом культуры. А заведующим был добряк Кукуша Мигатавриа. Кукуша подумал, молодой человек одинок, в общежитии жизнь не сахар, некому за ним присмотреть, обед приготовить, постирать-погладить, вот он и решил позаботиться о нем, каждый день звать к себе обедать, а там, глядишь, все в норму войдет, может, и приглянется ему кто-нибудь из городских девок, женится и осядет здесь. И действительно, каждый день он приглашал его к себе на обед. А приветливый молодой человек, поев от души, строчил письма в соответствующие органы: Мигатавриа, мол, меня кормит обедами, интересно,

откуда у него такие возможности. Терпели соответствующие органы, терпели, собирали его письма, а потом вызвали Кукушу Мигатавриа и сунули их ему под нос: это хорошо, что ты человек добрый и хлебосольный, но пора уже научиться, с кем хлеб делить.

Приветливый молодой человек вынужден был убраться из города. Позднее мы узнали, что его пощадили, как-никак государство потратилось на его воспитание-образование, и назначили на ту же должность в более важном административном центре. Вообще у нас радеют об авторах подобных писем, на гибель не обрекают.

Привет...

Я уже говорил, сколько на свете людей, столько и приветов. Мне не под силу объять необъятное. Говорят, к примеру, что королева Английская владеет 517-ю способами приветствовать своих подданных и приблизительно столько же припасено для иностранцев. Английскому фельдмаршалу, награжденному за победу над фашистской Германией орденом Бани, она кивает совсем не так, как награжденному за то же и тем же орденом русскому маршалу. В первом случае королевский подбородок почти упирается в королевскую же грудь, во втором — этого не происходит. Совершенно по-разному приветствуются джентльмен, поднявший с ковра специально оброненный королевой платок, и джентльмен, поднявший платок, оброненный случайно. Огромное значение имеет и цвет платка. Если платок нежно-розового цвета, королева одаривает джентльмена милостивой улыбкой, если платок голубого цвета, улыбка королевы будет так же милостива, но уже подернута дымкой печали. В случае же, если платок темно-синего цвета, королева вообще может показать джентльмену спину и платок принимает у него одна из придворных дам. И т. д. Поговаривают, что английский парламент готовится к принятию нового регламента по этому вопросу — число улыбок и приветствий, возможно, будет сокращено до четырехсот, и таким образом хоть как-то облегчится выполнение Ее величеством государственных обязанностей. Но Англия — консервативная страна, проведению в жизнь этого мероприятия отчаянно сопротивляется палата лордов, которые убеждены, что

измена многовековым правилам и традициям окажется губительной для Великобритании, которая ныне, между прочим, переживает серьезные экономические трудности.

Каково в этом отношении положение в Грузии? Наивно было бы полагать, что в стране с поразительным многообразием песен и танцев существует всего лишь несколько типов привета. Приветствие грузина так же многокрасочно, самобытно и неповторимо, как и его песни и танцы. Правда, случается, приветствие приводит к непредсказуемым последствиям.

В проселке одного большого грузинского села я повстречался со средних лет мужчиной и поприветствовал его. Он молча бросил на меня взгляд исподлобья и продолжал возиться со своим делом — менял колесо машины. Развинтив болты, снял домкрат, положил его в багажник и принялся вытирать руки тряпкой.

— Будь здоров! — наконец удосужился ответить он.

Похоже, прокол покрышки испортил ему настроение.

— Не подскажете, где находится правление колхоза?

Какое-то время он продолжал чистить руки тряпкой, а потом махнул ею куда-то вправо, в сторону домов, покрывавших тенистый холм приблизительно в километре от того места, где мы стояли. Отсюда дома, как близнецы, походили друг на друга. Трудно было понять, в котором из них находится правление. Но я не осмелился задать еще один вопрос и продолжил свой путь. Через несколько минут, услышав рев машины, я перешел на обочину. Машина остановилась в нескольких метрах впереди, и мужчина, высузившись из окна, спросил:

— Кто тебе нужен в правлении?

— Председатель.

— Садись.

Я сел. Какое-то время мы молча ехали по хлябкой после дождя дороге. Вдруг, не глядя на меня, мой шофер спросил:

— А что за дело у тебя к председателю?

— Хочу попросить саженцы.

В ответ — молчание. Метров через сто ^{снова во-}прос:

— Какие саженцы?

— А какие будут — лозы, груши, инжира...

Молчание.

Машина подкатила к крайнему дому. На калитке желтела вывеска, корявыми буквами на ней было выведено: «Правление колхоза имени Карла Маркса». Мальчишка в брезентовом дождевике выбежал из будки и принялся открывать ворота. Машина остановилась у самых лестниц. Мужчина молча вышел из машины и стал подниматься по лестнице. Дойдя до середины, остановился и крикнул мне:

— Поднимайся.

Я поднялся. Он открыл ключом двери и вошел в комнату. Не зная, как мне быть, я замялся на месте.

— Заходи! — крикнул он изнутри.

Я вошел.

— Председатель правления — это я. Так, значит, какие вы хотели саженцы?

— Какие у вас найдутся... лозы, персика, инжира...

— Таковых у нас нет. Лозу может быть найдете у крестьян. Да...

Он опустил на стул и забарабанил пальцами по столу.

На долгое время воцарилось молчание.

— Могу предложить тебе саженцы миндаля.

Он снова перешел на «ты».

— В прошлом году я посадил два саженца, ни один не привился.

— Ну и что! В прошлом году не привился, в этом году привьется! Что может быть лучше миндаля! Опрыскивать его не нужно, да и вообще... Бери, если привьется, счастливее тебя человека не будет. Вкусно, красиво, питательно!

Он встал, вышел на балкон и крикнул: «Тэдо!» В комнату вбежал давешний парнишка.

— Выбери-ка десять хороших саженцев миндаля для этого человека и неси сюда.

Мальчишка бросился вон. Председатель повернул-

ся к стене и постучал по ней кулаком. В комнату
вплыла пожилая дама.

— Нато! Познакомься, это уважаемый товарищ...
А это наш бухгалтер... да... Я послал Тэдо за сажен-
цами, он выберет десять штук. А ты выпиши и по-
лучи с него.

— Пожалуйста со мной.

Что мне оставалось делать? Женщина выписала
квитанцию, сделала запись в своем гроссбухе, взяла
у меня шестьдесят рублей и выпроводила вон. Тэдо
пришлось ждать еще полчаса. Все это время предсе-
датель стоял на балконе и взирал на село. В мою
сторону ни разу не глянул. Только тогда, когда я взва-
лил на плечо связку саженцев, он изволил обратить-
ся ко мне:

— Сажать-то умеешь? Наверное, умеешь... При-
вется, почему бы не привиться... Воды не жалея...

Я не ответил. В тот день председатель прибавил к
сумме, хранящейся в колхозной кассе, шестьдесят
рублей. Я посадил саженцы на своем садовом участ-
ке и с волнением жду наступления весны. Приживут-
ся ли они? Не приживутся?

Кто-то может возразить мне, что такое случает-
ся не только в Грузии. Безусловно! Такое, и еще бо-
лее удивительное, может случиться везде. Недаром
говорится, сколько на земле людей, столько и при-
ветов.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Известному грузинскому прозаику Рамазу Коби-
дзе исполнилось 70 лет. «Литературная Грузия»
поздравляет г-на Рамаза с замечательной юбилей-
ной датой и желает ему здоровья и творческих
успехов!

Лирика

* * *

Среди платанов темных остов света
 беззвучно рассыпается... И снова
 затихшая на время страсть поэта
 меня окутать, охватить готова.
 Неясный шелест... Гул неуловимый...
 На волю вылетает луч из улья,
 освобождаясь с воплем... Муравьиный
 язык понятен мне... Словно колдун, я
 всей кожей слышу: тихо шепчут корни...
 Неясные, далекие виденья
 ко мне толпой стекаются покорной,
 я чувствую их тайные движенья.
 И, новой жизнью одухотворенный,
 на солнце нежусь я, как полотно сырое.
 Осколок вечности... И, вечностью рожденный,
 благословляю тайный миг покоя.
 Я весь — желание, волненье, ощущение, —
 они не помещаются во мне.
 Я отпускаю людям прегрешенья,
 летая добрым духом в тишине.
 Я и не-я, сливаясь воедино,
 мне позволяют Бога лицезреть.
 И в этом перевоплощеньи дивном
 я чувствую рожденье, а не смерть.
 Я — мыслящее существо земное.
 Кто даровал мне эту благодать?
 Всего лишь червю — бытие иное
 и мир непостижимый созерцать?

* * *

Во сне и наяву,
 всегда, во всем, везде,
 в рисунках, книгах, в размышленьях праздных,
 в сиянье солнечном, в мерцающей звезде,

и в будущем, и в прошлом — ежечасно
я одержим движением прекрасным:
в пространстве и во времени дорогу
прокладываю, приближаясь к Богу.

* * *

Э то дыма клочок на забор занесло,
или белая цапля поправляет крыло?
Золотятся стога кукурузных стеблей...
Омывали их сотни осенних дождей,
сотни раз их окуривал горький дымок.
Как парчовый шатер, возвышается стог.
Дамбу нивы осенней водой прорвало.
Шелк зеленых лугов летним зноем сожгло.
Крылья сунув под мышки, как два костыля,
цапля молча стоит. Остывает земля.
Дождь идет. Грязь блестит. Смолкли птиц голоса —
ветер северный их загоняет в леса.
И остатки травы под забором
щиплет белый козленок упорно.
Рябью солнца изъедены листья...
Осень красит их огненной кистью.
Покрывает их чернью вода,
оставляя следы навсегда.
Листья плавают в лужах, мерцая,
словно рыб серебристая стая.
Мелким дождиком небо объято...
По проселку с собакой лохматой
кто-то к мельнице дальней бредет.
С гор туман пеленою ползет.
Выйду из дому, дров наколю
и сухую листву подпалю.
Как хочу я найти утешения слово
милой бабушке, ждущей у дома родного,
до того, как она переступит черту
и уйдет навсегда, в пустоту..
Неба зеркало солнцем разбито...
Листья, падая, шепчут молитву...
Хворостинкою ветра слегка подгоняя,
осень гонит на юг перелетные стаи.

* * *

Цветущий персик сеет лепестки —
ниспослан белый дождь, как Божья милость
Летят среди деревьев мотыльки.

Птенцом фазана утро притаилось.
И солнце — словно узелок с едой,
    подвешенный на острие мотыги.
Идет апрель глубокой бороздой
    читать полей развернутые книги.

* * *

Он свечи делал сам и торговал,
    ссылаясь на святое имя Бога.
И терпкий запах ладана стоял,
когда он появлялся на пороге.

А души, потерявшие тела,
не знали, почему так пахнет воском
от петли, что навощена была
рукою палача, писавшего доносы.

* * *

Зубьями блестит на ярком солнце
    крепостная древняя стена.
Тропка за развалинами вьется —
    словно след улиточный она.
Хмурится ущелье тучей черной
и повис над пропастью утес.
Кажется, что в петлю тропки горной
    висельник несчастный прочно врос.
Брюхо скал, окутанное илом,
    вспорото клыками белых волн.
Камни шерсть густого мха покрыла —
    как медведь, застыл мохнатый склон.
Словно сотни вепрей лижут камень
    волны разъяренные, рыча.
Бешеными хлещут языками
    водопады, пенясь и урча.
Лай реки над пропастью несется.
Мрачно крепость старая стоит,
над ущельем, где осколок солнца
в черном чреве мута кипит.

Голову косынкою тумана
повязала крепость. Мы в плену
голубого горного обмана:
не понять, кто движется к кому —
крепость приближается навстречу,
или я к ней медленно иду?
Тени предков здесь блуждают вечно,
спящие в раю или в аду.
Панцирем огромной черепахи
смутно, чуть дыша, валун блестит.
Спи, прапрадед, вековые страхи
твой прямой потомок победит,
хоть дорога до сих пор струится
в черные врата небытия.
Сквозь бойниц ослепшие глазницы
смотрят древних предков сыновья.

* * *

Крошится тихо зеркало воды.
Нырют утки, словно потеряли
одни лишь им известные следы...
Рождает рябь оттенки синей стали.

Перевод Людмилы БУКИНОЙ

МОДЕЛЬЕРЫ

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ

Вторая часть. Хронограмма-2. Футурология
как точная наука

Завтрашнее — пронижется
обмолвкой позавчерашней.

Галактион Табидзе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОСЛЕЗАВТРА

Если бы профессор Бернатски захотел, то давно мог занять должность главного футуролога СЭФ, то есть почти всей Земли. Вне Совета экономической федерации осталась горсточка государств. Но ученый не желал ни должностей, ни каких-либо официальных или официозных отличий. В любых исходящих от сильных мира сего проявлениях благосклонности, пусть тысячу раз заслуженных, ему мерещился призрак данайских даров — вероятные в будущем посягательства на свободу. Ее профессор справедливо считал важнейшим залогом плодотворного творчества и строил взаимоотношения с руководством СЭФ на сугубо деловой основе. Время от времени он выполнял заказы федеративного правительства в области научного прогнозирования. Предсказания неизменно сбывались — и соответственно оплачивались. К этой «футурологической поденщине» Бернатски относился со всей серьезностью, иначе не позволяли врожденная добросовестность и здравый смысл, заставляющий беречь репутацию фирмы. Но делал он это вместе с тем со снисходительно-скептической усмешкой Мас-

---

Начало см. в № 1—2, 1994.

тера, вынужденного эпизодически заниматься кустарными поделками.

Всякое правительство обязано и стремится предвидеть, какими основными результатами и побочными последствиями чреват его планы совершенствования жизни общества. Профессор же подобные задачи как орехи щелкал... Ничего себе «орехи»! Однако все проверенные временем прогнозы сбывались, а не успевшие сбыться постепенно неуклонно оправдывались. Понятно, что не обошлось без попыток склонить этого, что называется, футуролога Божьей милостью открыть человечеству тайну, «кухню» чудесного ясновидения. Однажды решились на такую хитрость. Через близкого друга, занимавшего тогда весьма высокий пост — депутата, сенатора, парламентария, а может, конгрессмена, Бернатски толком не знал, потому что не интересовался, намекнули осторожно: все, мол, мы смертны, и было бы невосполнимой потерей, если, неровен час... Высокопоставленный друг (его звали Валентисом), натолкнувшись на острый насмешливый взгляд ярко-голубых профессорских глаз, постеснялся договаривать. Бернатски непринужденно спросил:

— Боятся, — он нарочно употребил третье лицо, как бы исключая друга из числа боящихся, — что унесу тайну свою в могилу? Ты их успокой. Все мои секреты тщательно и подробно зафиксированы... где надо, и так предусмотрительно мною все устроено, что, сколь бы скоропостижно я ни помер, общество не останется обездоленным.

На очень короткий срок государственное в Валентисе возоблагодало над человеческим:

— Так почему же ты не хочешь...

— Нет! — резко сказал ученый. — Власть, в какой бы форме она ни существовала, это всегда люди. А человек, избравший профессией управление другими людьми, непоколебимо уверен, что он лучше них знает, что им нужно. Вместе с тем природа власти такова — побуждает к непрестанной экспансии, расширению полномочий, пространства деятельности, числа управляемых... — Он улыбнулся, как ему казалось, хитро-хитро. — Но власть — всегда — люди.

Валентис спросил явно с обидой:

— Тогда почему ты со мной дружишь?

— А ты не настоящий чиновник-сановник!

— Почему это, интересно знать, «не настоящий»?!

— В тебе слишком сильно интеллектуальное начало. Ты по натуре философ, то и дело вопрошаешь себя — почему, как, зачем?

— Но эти вопросы естественны для человека вообще, тем более для... государственного деятеля!

Не выдержав, Валентис сам же первый и расхохотался, и его ученый друг обрадованно закивал:

— Вот-вот. Ни один натуральный государственный муж... Или, по-вашему, наверное, «госмуж»?.. Ни один подлинный, от рождения, госмуж не способен иронизировать над своей священной миссией. И применительно к тебе, дорогой, упомянутые вопросы — совсем иные, чем когда ими задаются твои коллеги. Те озабочены конкретными целями, способами их достижения. Тебя волнуют вечные загадки бытия!

— Так уж и «бытия»... — польщенно возразил чиновник. Крепко сбитый, большеголовый, с пышными рыжеватыми усами (кончики грустно опущены), он заглянул в худое аристократическое лицо профессора, попросил: — Забудем об этом, да?

Это было давно. С той поры великого футуролога оставили в покое. Он продолжал безотказно щелкать правительственные проблемы — «орешки», получая весьма щедрое вознаграждение за каждую. Разумеется, никакое правительство никогда не могло, даже если хотело, адекватно оценить труд Творца. Но Бернатски располагал всем необходимым для работы. Скромность остальных потребностей этого одинокого человека не помешала ему обзавестись просторным и комфортабельным домом, расположенным в обширном, умышленно не ухоженном саду, который правильнее было бы назвать лесом. Повсюду в усадьбе полно было разного милого зверья — кошек, собак, белочек; в маленьком, но не очень, озере жили рыбы и лягушки; летом всюду сверчали сверчки. В трех подвальных этажах размещались лаборатории, и насколько широко они там, под землей, раскинулись, знали хозяин и те немногие его сподвижники, которые были людьми.. Последнее уточнение требуется потому, что в «штатном рас-

писаний» частного футурологического научно-исследовательского института профессора Бернатски преобладали сотрудники-киберкомпьютеры всевозможного назначения и устройства. Фигурой номер один во всей многогранной деятельности НИИ оставался сам Бернатски, роль решающего фактора неизменно выполнял его уникальный интеллект. Остальное — дело техники.

Настало время, когда профессору Бернатски явилась Идея с заглавной буквы. Он поделился ею с сотрудниками, вместе они задействовали армию больших и малых, простых и сложных киберов. Сколько длился беспрецедентный научный поиск? Нельзя уверенно назвать даже соответствующую протяженности срока единицу измерения времени. Дни миновали с начала и до конца эксперимента, месяцы, годы, десятилетия?.. Помощники футуролога умели хранить тайны, хоть и не были похожи друг на друга.

Мадемуазель Ира, очаровательная блондинка, несмотря на внешнюю мягкость — девушка сильная, цельная, мыслящая четко и быстро, была доктором психологии, врачом-психотерапевтом и полиглотом. Джони, маленький здоровяк, юноша порывистый, но сердечный, будучи отличным инженером-кибернетиком и программистом, отдавал досуг сочинительству; не в пример большинству одержимых той же страстью, он не скрывал намерения сделаться знаменитым писателем. Третий сотрудник — математический историк, представитель одной из ведущих общественных наук, которая сочетает всеохватность анализа прошлого с предельной точностью, взвешенностью оценок. По двум причинам его называли не иначе, как «Жокеем»: имел подходящее, в весе пера, телосложение и не расставался с желтой шапочкой с огромным козырьком, даже за общим столом не снимал. Привычка странная, и коллеги первое время делали вид, что не замечают ее, а потом и перестали замечать. Жокей был человек лет сорока — пятидесяти пяти, отличался немногословностью, мягкими манерами, и вид у него был постоянно то ли озабоченный, то ли озадаченный. Работник не слишком инициативный, но безупречно исполнительный... Профессор умел использовать лучшие качества всех.

И наступил день, когда Бернатски сказал себе: «Кажется, мы это сделали... Боже мой, неужели мы

это сделали?!» И пригласил ближайших друзей разделить свой триумф.

То были: Валентис, один по-настоящему большой писатель и агент ФСБ — Федеральной службы безопасности. Все — достойнейшие люди, пословица «Скажи мне, кто твой друг...» остается в силе.

Касательно Валентиса последнее утверждение подкрепляется тем, что двумя годами раньше, значительно опередив коллег-ровесников, он ушел в отставку, причем отнюдь не вынужденно.

К чести писателя необходимо заметить: издав десятка полтора талантливых книг, он до сих пор, садясь за рабочий стол, задавался вопросом: «Откуда во мне такая бездна нахальства — пробовать писать?! Ни черта же не умею, не знаю, ни в чем не уверен... Ну и наглец же я, милостивые государи, шарлатан беспардонный!» Писатель искренне так думал и, закончив очередную блестящую новеллу или повесть, непритворно удивлялся, что это сделал именно он, а не кто-то другой, и ни разу, кажется, полностью в собственное авторство не поверил. Поэтому всегда подписывался новыми псевдонимами, чем и обрек себя на безвестность в глазах широкой публики. Читали его и стар, и млад, будучи уверенными, что имеют дело с несколькими писателями... Само собой, знатоки-ценители, историки-теоретики литературы правду знали, их он обмануть не мог.

Не было странного и во взаимной сердечной расположенности ученого, избравшего статус свободного художника, «вольного стрелка», и государственного служащего, профессионального разведчика, штатного агента Федеральной службы безопасности. Вот почему. Деятельность ФСБ уже не регламентировалась былыми «строго-совершенно-абсолютно-невероятно секретно». Люди, принадлежащие к этой, весьма, кстати, по-прежнему могущественной, широко разветвленной системе, работали открыто и гласно. У них была эмблема, «фирменный знак», как у шерифов, и они с гордостью носили его на левой стороне груди — если б можно было, то и во сне бы не расставались. Естественно: смеющаяся детская рожица в ореоле золотых солнечных лучей на небесно-голубом фоне! Ничего не скажешь, красиво. Эмблема символизировала генеральное направление ра-

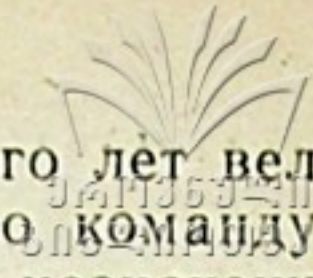

боты Федеральной службы безопасности. Не защита политической структуры, социального строя, институтов власти, не охрана ответственных товарищей или высокопоставленных господ, не забота о привилегиях избранных — ФСБ стояла на страже общественного здоровья во всеобъемлющем смысле этих понятий.

Вопреки грозным опасностям, связанным с издержками научно-технического прогресса, а также с коллизиями идейно-политического, экономического, международного характера, Земля после всех пройденных испытаний осталась в живых. Но проблем у человечества не убавилось. Решались одни — возникали другие: от невиданных болезней до порою пагубных последствий чрезмерной компьютеризации жизни; нет-нет да проявлялись, нередко в угрожающей форме, рудиментарные свойства человеческой натуры — к примеру, гипертрофированный эгоизм, жадность, агрессивное тщеславие, а то и жестокость... При всей разнохарактерности негативных факторов правительство СЭФ и подчиненное непосредственно ему ведомство, о котором идет речь, исходили из единой задачи: сохранить человека в качестве уникального явления вселенной. Люди отказались от деклараций типа «Человек — венец творения, царь природы». Сознание же своей неповторимости (не путать с «исключительностью», «совершенством»!) осталось, однако без прошлого невежественного высокомерия. Что ж, нормально, все живое уникально и вправе бороться за видовое бессмертие, оставаться самим собою... Подробный рассказ о методах работы Службы безопасности СЭФ отнял бы много страниц, она распространялась на все сферы общественной жизни, контролируя ее в малом и большом. Но с чистой совестью можно утверждать: ведомство, на которое работал друг профессора, в сущности своей не имело ничего общего с тем, что приходит на ум в связи с аббревиатурой «СБ».

Список лиц, на чью долю выпали счастье и честь находиться рядом с исследователем в его звездный час, замыкает госпожа Рубин (ударение на «и»), добрейшей души маленькая рыхлая женщина, дальняя родственница Бернатски. Безропотно в свое время смирившись с несправедливостью судьбы, одарившей ее, наряду с красивой фамилией и высокими нравственными качест-

вами, незавидной внешностью, она уже много лет вела большой профессорский дом — НИИ, умело командуя отрядом бытовых роботов. В зависимости от назначения разномастные и разнокалиберные, хотя ростом все не выше средней собаки, киберы беспрекословно подчинялись домоправительнице. Сознавая, что и наилучшие роботы не в состоянии создать в доме уют, ученый тем не менее ценил родственницу в первую очередь потому, что был к ней по-человечески привязан. Госпожа Рубин никак не могла остаться вне круга избранных.

Собрались вечером, в последнюю пятницу чудесного месяца июня, в просторном рабочем кабинете Бернатски, преобразованном для такого случая в гибридный видеозал с кафе. Устроились в удобных, старинных креслах. Роботы-официанты быстренько расставили на столиках перед каждым фрукты, конфеты, пепси-колу, «Боржом», пиво с соленой соломкой, а кое-кому и кое-что покрепче; руководившая сервировкой г-жа Рубин досконально знала вкусы всех. Профессор занял место за рабочим столом, в который был вмонтирован дистанционный пульт управления футуро-исследовательским комплексом.

— Друзья мои, — начал торжественно, — прежде всего должен предупредить: я и сам не знаю, с чем придется столкнуться через считанные минуты... что нас ждет... Мы долго готовились к этому эксперименту и на сто процентов уверены в успехе. Результаты будут! Но какие — не знаю ни я, ни мои верные товарищи-колеги. А теперь по существу. Мы заглянем в будущее настолько отдаленное, что и представить себе нельзя. Лично я, должен признаться, не в силах определить степень этой отдаленности, оперируя понятиями вроде «века» и даже «тысячелетия»... Пожалуй, следует обратиться к термину «вероятность», подразумевающему — цитирую классическую формулу — «математическую числовую характеристику степени возможности появления какого-либо случайного события при тех или иных определенных условиях, способных...» — Бернатски виновато замолчал, понимая, что забрался в непроходимые для непрофессионала дебри специфической терминологии. И — нашелся, обрадованно выпалил: — А если — «послезавтра», а? Коль скоро просто будущее мы

называем «завтра», то пускай это необозримое грядущее будет «послезавтра»! — Весьма довольный собой, продолжал: — Подобных масштабов неопределенность может показаться несовместной с понятием подлинной научности. Однако! Я утверждаю: наука задохнется в мертвых объятиях выродившихся в догмы истин, некогда бывших открытиями, если мы станем бояться шагов неожиданных, противоречащих общепринятым представлениям о том, что «научно» и «ненаучно», «можно» и «нельзя»! Стремящийся видеть дальше других не имеет права ссылаться, образно выражаясь, на ограничительные рамки горизонта. Хочешь открыть новое — изволь быть готовым стать посмешищем в глазах ортодоксального тупоголового подавляющего большинства, не смей бояться! — Он с ожесточением поскреб длинными пальцами в пушистом белом затылке, воинственно оглядел немногочисленную аудиторию: — Разве я неправильно говорю?!

Трое сотрудников дружно, хотя с неодинаковой поспешностью, закивали. Бывший госмуж согласно провел толстым ногтем большого пальца по усам. Писатель хмыкнул. Агент ФСБ покосился на дверь. На его приятном лице появилась профессиональная озабоченность, правда не сильно выраженная. Что, мол, дозволено Юпитеру... Ни к чему будет, если какой-нибудь кибер услышит случайно и потом разболтает, внося смятение в умы, к примеру, школьников, студентов-первокурсников, которым пока следует, не мудрствуя лукаво, осваивать богатства апробированных знаний. А г-жа Рубин пригорюнилась.

Бернатски, воспринявший исключительно одобрительную реакцию на свои вольнодумные высказывания, умиротворенно продолжил:

— Ладно, не будем отвлекаться. Я еще вот о чем хотел предупредить — пожалуйста, не спрашивайте, как мы это сделали. Допустим, я объясню: эксперимент осуществляется на основе взаимодействия методов математического моделирования, а также идейно-социально-политэкономического прогнозирования, опирающегося на многосторонние исследования выборочно рассмотренных реалий прошлого, далекого и близкого, — с вновь открытыми, впервые задействованными возможностями кибер-компьютерных систем (тоже, кстати, соз-

данных усилиями нашего коллектива) плюс не использованный ранее потенциал так называемого человеческого фактора»....

— Дальше не надо! — взмолился писатель. — У меня и так мозга за мозгу заходит и уши начинают мерзнуть.

Устная речь признанного мастера изящной словесности заметно отличалась от языка его произведений.

Футуролог с удовлетворением сказал:

— Тогда приступим.

Он легонько придавил средним пальцем клавишу-тумблер...

Когда миновало потрясение от пережитого, они единодушно определили это так же, как граждане ФАГ называли свое состояние на сеансах Зеркала Жизни: соучастие. Продолжалось с четверть часа. Приходили в себя значительно дольше. Бросились поздравлять Бернатски. Никогда еще человек не заглядывал в столь далекое будущее. Профессор принял восторги как должное, но долго себя поздравлять не позволил. Результаты исследования, как ни парадоксально, самого, ученого потрясли сильнее, чем остальных. Естественная гордость была, однако было и другое. Сейчас он глубоко сострадал человечеству грядущего — как врач, вынужденный поставить роковой диагноз: не виноват, конечно, вынося больному приговор, только ему от этого не легче... Была еще причина, заставившая профессора вежливо пресечь восторги и славословия. Бледный, сразу осунувшийся от усилия, которое пришлось сделать, чтобы преодолеть врожденную деликатность, он сказал:

— Прошу всех безотлагательно составить документ следующего содержания: «Я, такой-то, обязуюсь никогда — даже в форме туманного намека! — не разглашать результаты эксперимента, в котором соучаствовал»... Текст — единый, отсебятин не допускается! ...Дата, место подписания, личная подпись. Разборчиво. Все.

В наступившей тягостной тишине вручил каждому по несколько — на случай ошибок, помарок, клякс — листков особо прочной мелованной бумаги, по авторучке с золотым пером. Взглядом дал понять: жду... Вернулся за рабочий стол, тоже начал писать. Подавленные

гости и сотрудники выполнили требование. Писатель первым демонстративно покорно протянул испишанную стремительным почерком бумажку. Бернатски сердито отстранил его руку:

— Мне ваши расписки ни к чему!

— А на какого тогда черта-дьявола, — возмутился писатель, — заставил заниматься унижительным делом?!

— Не спорю, — смущенно сказал Бернатски, — расписка вещь весьма тягостная. Но, поверь, у меня не было иного выхода: А вы их при себе держите и ни в коем случае не теряйте. Чтобы непрестанно помнить, какая гигантская ответственность перед человечеством лежит на вас отныне... Я ведь не потому, что не доверяю! Разве ж, если бы не доверял, пригласил на эксперимент?..

Инженер-кибернетик, возможно — будущий знаменитый литератор Джони, как самый молодой и несдержанный, прямо взвился:

— Но чего ради, профессор?! Так далеко и прозорливо заглянуть в будущее — и скрывать бесценную информацию... Не понимаю!

М-ль Ира насмешливо на него покосилась. Вновь бросил бдительный взор на дверь агент ФСБ. Жокей поправил шапочку. Молча переглянулись. Валентис с писателем. Домоправительница наморщила лобик, и бесцветные брови почти соединились с жиденькой желтой челкой:

— Если люди, упаси Боже, прознают, что их ждет такое, они жить дальше не захотят!

— Bravo, госпожа Рубин, — с печальным удовлетворением сказал Бернатски, — вы предельно точно оценили ситуацию. — Вздохнул, начал обстоятельно излагать свою позицию: — Можно ли безусловно утверждать, что знание всегда благотворно? Риторический вопрос! Не желаю, например, знать, когда мне суждено умереть... Подобное знание отравляет существование, обескровливает душу... Но человек изначально стремился провидеть завтрашний день. Почему? И — как это его характеризует? Я вам честно скажу, хотя такое наверняка странно прозвучит в устах футуролога-профессионала, — не возвышает эта потребность нас, а совсем наоборот! Ибо желание знать, что тебя ждет

через час, год, десятилетие, есть дитя Страха и Надежды. У них же общий родитель — ма-ло-душие! Мы страшимся неведомого завтра — и жадно в него вглядываемся, надеясь удостовериться: ничего ужасного там нет, напротив — впереди радости, удовольствия, победы, сплошное благоденствие, и вообще все будет хорошо... Вынужден сделать шокирующее заявление: самим фактом своего существования человечество в огромной, если не решающей, степени обязано неспособности предыдущих неисчислимых поколений прозреть грядущее. Что было бы, умей пещерные люди предвидеть реалии, скажем, конца двадцатого века, многих предшествовавших столетий, да и сравнительно недавнего прошлого тоже?.. Сдается мне, что, случись такое несчастье, мы бы с вами элементарно не родились. Потому что пращурьы наши, из сострадания к потомкам, при всем своем первобытном несовершенстве — зачаточном состоянии нравственности и интеллекта, без сомнения нашли бы в себе силы подавить инстинкт продолжения рода...

Писатель проворчал:

— Ну и загнул же ты, мой дорогой кладезь премудрости... Только ничего нового, прости, не сказал.

Отставник Валентис резонно спросил:

— Зачем же тогда сам футурологией занимаешься? Непоследовательность — младшая сестра беспринципности.

— Глядите-ка, — съехидничал писатель, — политики за принципиальность выступают. Впрочем, они испокон веку за нее выступают.

А госпожа Рубин защитила обожаемого профессора так:

— Сами-то вы, герр Валентис, сколько раз просили: то это предскажи, то другое!.. Обществу, мол, жизненно необходимо знать, правительству, подлинно народному, позарез требуется... Ах, простите.

— Не открыть ли окно, уважаемый профессор? — мелодичным своим голоском спросила м-ль Ира. — В кабинете так душно.

Бернатски кивнул. Джони, не упускавший случая угодить хорошенькому психологу, взялся за шпингалет. Несжиданно ловким движением агент ФСБ перехватил его руку, оглянулся на футуролога:

— Стоит ли?..

— В радиусе двухсот метров территория усадьбы надежно защищена силовым полем. — плотнее бархатных гардин и самых толстых стекол. Всякая мало-мальски конфиденциальная информация дематериализуется, обращается в ничто. — Профессор приветливо сказал м-ль Ире: — Пускай окна распахиваются настежь... если вы считаете нужным.

Не могло быть духоты, автоклиматизаторы работали безотказно, но психолога не смутило, что ее нехитрый маневр разгадан, — главным был результат. Люди пока не полностью освободились от гнетущего впечатления, которое произвел контакт с вымороченным миром ФАГ, а тут еще Бернатски затронул тягостную тему неизбежности конца... Окна раскрылись, вечер радостно ворвался в комнату вместе с ликующими спутниками — садовыми ароматами, прощальными криками собравшихся почевать ласточек, притворно-грозным собачьим рычанием, лицемерно-паническими воплями кошек. Призраки будущего, состроившего людям уродливую зловещую гримасу, потускнели, отступили.

— Очень возможно, что мы ошиблись, — неуверенно сказал футуролог. — Напутали в расчетах — вот и сварилось такое блюдо несъедобное, этакая сюрреалистическая чуднице-картина выляпалась...

— Хорошо бы так, да черта с два! — фыркнул писатель. — Чересчур уж безупречна твоя репутация гадалки-ясновидицы.

— Ты бы рассказал все же, — предложил Валентис, — как готовился эксперимент, в чем его «квинтэссенция».

— Я и сам собирался. Но предупреждаю: техническая сторона для меня — книга за семью печатями. Впрочем, и главный наш специалист по ЭВМ-компьютерам разным вряд ли может здесь все прояснить.

— Точно — не смогу, — подтвердил Джони. — Наш Модельер (так мы его нарекли) — система саморазвивающаяся. На том и строили расчет.

— Вы что — толком сейчас не знаете, до какого уровня он успел это самое... саморазвиться? — встревожился агент ФСБ.

— Да вы не беспокойтесь, Модельер парень смирный.

— Джони, перестань валять дурака, — осадила

м-ль Ира. И с милой улыбкой агенту: — Он подразумевает первый закон роботехники. Помните, закон Азимов: «Робот не может, своим действием или бездействием, причинить вред человеку». Прошлый век, Айзек Азимов.

— Да, разумеется. — Агент выглядел почти успокоенным. — И все-таки, знаете, такая самодеятельность искусственного интеллекта...

— Волков бояться — в лес не ходить! — Как и странно, залихватское высказывание это исходило от маститого ученого.

Джони солидно объяснил:

— Понимаете, иначе бы ничего не вышло. Мы решили... Я хотел сказать — профессор поставил целью заглянуть в будущее непредставимое, то есть такое, какого человек вообразить не в состоянии — сам не в состоянии. И выход был один — дать компьютеру, Модельеру, свободу выбора — ясно, в пределах программы. А он, пользуясь этой свободой, ставил перед собой все новые и новые конкретные цели. Путь к ним вел через последовательное решение новых и новых задач. Каких именно — мы, понятно, заранее знать не могли, Модельеру приходилось каждый раз самостоятельно изыскивать средства преодоления препятствий, спонтанно перед ним возникающих... Я правильно объясняю? — обратился он к Бернатски.

— Правильно. Мне остается добавить, что особенно интенсивно наш Модельер развивался, по всей вероятности, на последнем этапе исследования, в процессе конструирования того гипотетического будущего, которое мы видели, слышали, ощущали... Что там еще?

— В которое мы с головой окунулись, — определил писатель. — Так глубоко нырнули в эту проклятую вероятностную действительность завтрашнего дня, что едва не задохлись!

— Не «завтрашнего», — успокаивающе напомнила м-ль Ира, — послезавтрашнего, то есть — не-обозримо, непредставимо, невероятно-отдаленного будущего.

— Если это безобразие хоть когда-нибудь, пусть за тридевять световых лет, станет явью — хрен редьки не слаще.

Перед литературным мэтром Джони преклонялся не менее, чем перед светилом футурологии. Он завист-

ливо подумал: «Какая сочная метафора, до чего уместно он ее употребил! Эх, мне бы так...»

— Ладно, — сказал Бернатски, — вижу, рассказывать мне, собственно, уже не о чем и незачем... Каламбурию? Это ты на меня дурно влияешь, чертов властелин душ!

— Зачем ругаешься? — опешил литератор. — А во-вторых, не каламбуришь, а в рифму выражаешься... в подобие рифмы. Я же этим никогда не грешил — стишками.

Дружно посмеялись, и теперь уже психолог Ира с одобрительным удивлением отметила про себя, что шеф искусно «добивает» остатки дурного настроения, порожденного знакомством с ФАГ.

— Итак, схема очерчена, — взял деловой тон профессор. — В компьютер была заложена исходная идея-программа, его снабдили разнообразнейшей информацией, — поставили задачу. Он и выдал решение — гипотетическую действительность Формации, которую счел необходимым охарактеризовать как «абсолютно гармоничную»... Полной ясности не обещаю. Но поделюсь всем, что знаю.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Стемнело. Ожили скрытые светильники, размещенные с умом, так, чтобы не уставали глаза. Поначалу свет был приглушенный, рассеянный, под стать мягкому сиянию восходящей луны: чуткие сенсализаторы помогали людям окончательно избавиться от эмоционального дискомфорта. Вскоре последние крохи смятения и тревоги вытеснило пытливое желание разобраться во всем до мелочей, и интенсивность освещения возросла.

Писатель, которому требовалось все-все своими глазами увидеть, руками потрогать, всюду сунуть большой, не в обиду будь сказано, любопытный, с горбинкой, нос, нетерпеливо спросил:

— А как он, это самое, выглядит, ваш замечательный Модельер? На что похож — на буфет, осьминога, автобус, гигантского таракана, муляж мозга в натуральную величину или на электростанцию?.. Может, он ростом с небоскреб или же — копия дикобраза?

В восторге от провидческой интуиции художника, Джонни хватил себя кулаком по колену:

— В точку попали! Модельер занимает весь профессорский дом.

— Весь не весь, а два подвальных этажа — без малого целиком, — уточнил Бернатски.

Курьезное совпадение подоспело: дверь приоткрылась, заглянул похожий на крупного двуного-шестирукого кота официант, по неписаному правилу вопрошающе молча заглянул в глаза г-же Рубин — не требуется ли подать-убрать чего-нибудь?..

— Иди-иди себе! — погнала его домоправительница. — Понадобишься — позову. — Кибер с поспешной старательностью прикрыл за собой дверь, и она пожаловалась: — До того настырный экземпляр, все ему знать надо. Думаете, правда услужить жаждал? Ужас до чего общительный, вот и суется куда следует и не следует... — Успокоила вновь насторожившегося сотрудника СБ: — Наука его не интересует, он просто возле людей обожает вертеться — чисто пес по характеру.

Этот визит вкупе с комментарием г-жи Рубин весьма благотворно отразился на общем настроении, и сила света увеличилась на парочку люксов. Однако вслед за происшествием забавным на непосвященных обрушилась информация, удивившая и взволновавшая неожиданностью. Событие невольно спровоцировал агент Службы безопасности. Человек в целом сдержанный, он вдруг расчувствовался:

— Знаете... только, пожалуйста, не смейтесь... Мне ужасно жалко главных, так сказать, «персонажей» необыкновенного спектакля, уникального футурологического представления, которое подарил нам Бернатски. Я же вместе с этим многострадальным Омикроном-3113М весь его скорбный и героический путь прошел, словно бы личное участие принимал в диалектическом процессе его прозрения... Славный малый! А эта трагическая любовь, преобразившая убогого фага до неузнаваемости, сделавшая Человеком с большой буквы...

Писатель скорчил нарочно противную гримасу:

— Мне, по правде говоря, крайне редко доводилось сталкиваться с трогательными фактами, когда любовь преображала индивида от природы ничтожного или

гносного. Кто слязьяком родился — таким и подохнет...
— Изобразил, как мог, циника и — небрежно: — Зато
описывать подобные чудеса ухитрялся не раз, потому
как публике оч-чень нравится, особенно старым девам.

— Не смейте на себя клеветать! — вознегодовала
м-ль Ира. — Не можете вы так думать, — я вас читаю.

Литератор, помедлив, смиренно обещал:

— Хорошо, больше не буду кощунствовать. Любовь,
конечно, штука замечательная. — Верный себе, все-
таки добавил: — Но до конца здесь без поллитра не
разберешься.

И плеснул себе коньяка из на треть уже опустев-
шей бутылки.

Агент ФСБ упорствовал:

— Нет, не могу смириться с мыслью, что оба пре-
красных молодых человека погибли! Пусть это была
всего-навсего модель жизни... — И другим тоном: —
Вы были бесконечно правы, профессор. Не имеем мы
таких полномочий от имени морали, долга перед обще-
ством — посвящать кого бы то ни было в результаты
эксперимента. Чересчур печальная история, безнадеж-
ный, мрачный финал... Я со своей стороны приму все
спецмеры, чтобы вредоносная информация не просочи-
лась за эти стены. Для широких масс последствия мо-
гут быть пагубны, общественное здоровье в опасности!
В особенности тревожит меня заведомо негативная ре-
акция ранним юных душ... Все должно остаться ме-
жду нами. — Неумело сострил: — Как говорилось ког-
да-то — «исключительно для внутреннего пользования».

— Видите ли, — молвил Бернатски, — настаивая
на конфиденциальности, я имел в виду нечто другое...
Что мелодраматическая судьба двоих юнцов перед
апокалиптическим, иначе не назовешь, будущим чело-
вечества! Я уважаю ваши чувства, конечно. Но... — Яр-
ко-голубые глаза занскрились, он торжествующе ска-
зал: — Но дело в том, что никакие они не «персонажи»!
Рони и Нина — сотрудники нашего института, вполне
реальные и весьма достойные молодые люди. В одном
вы не ошиблись: они на самом деле нежно, страстно,
глубоко любят друг друга и две недели как пожени-
лись...

Не без труда справившись с изумлением, агент,
стоящий на страже общественного здоровья, вскричал:

Экз. № 3671/34
ЗНБ-ИИГЛБЗ

— То есть как?! Где же они сейчас?.. — Не получив немедленного ответа, впился в профессора сурово-обличительным взором: — Я требую исчерпывающих объяснений как официальное лицо! И если...

— Что «если»? — в свою очередь ошетинился Бернатски. — Уж не осмеливаетесь ли вы предположить, что я способен подвергать опасности людей, за которых отвечаю?! — Отдышавшись, сказал: — Теперь я понимаю, почему не смог перейти с вами на «ты».

Серебряным колокольчиком прозвенел голос м-ль Иры:

— Вы, право же, напрасно так встревожились. Как медик, со всей ответственностью заверяю — ни физическому, ни душевному здоровью Нины и Рони абсолютно ничего не грозит. И не грозило.

Нежно глянув в ее сторону, Джони расшифровал:

— Все возможные нагрузки и перегрузки были досконально рассчитаны, неоднократно перепроверены и сотни раз смоделированы на биороботах. Ни малейшей опасности! А если б она возникла — мгновенно сработала бы аварийная защита.

На том кончилось огорчительное недоразумение. Бернатски перестал сердиться и охотно простил приятеля.

— Поверьте, — сказал ему, — иного пути не было... Нет, поверь! Смешно, двадцать два года дружим — и «выкаем» друг другу.

— Двадцать два с половиной, — поправил агент, и они обнялись, поцеловались под рукоплескания, выпили по большому бокалу пива на брудершафт (из присутствующих коньяк пил один писатель).

— Иного пути не было, — повторил ученый, — мы не могли обойтись без пресловутого «человеческого фактора». Терпеть не могу это затаканное словосочетание! Но в нашем случае его следует воспринимать в чистом виде, без примеси былой позорной профанации и фарисейства. Мы не могли, ибо с самого начала поняли, что человеческий фактор призван играть решающую роль в исследовании. Напоминаю, цепочка такова: исходная идея-программа — созидательная деятельность конструктора Модельера — воплощение идеи. Именно в воплощении (в буквальном понимании, от «плоть») не состоялось бы, не родилась живая, чувственно восприни-

маемая явь далекого грядущего, если б в эксперименте не участвовали люди, смелые добровольцы, талантливые ученые Нина и Рони... Кстати, здорово Модельер трансформировал на свой вкус эти имена: «Омикрон-3113М», «Нибезномерная»... Кошмар, правда? Ну ладно. Позвольте прибегнуть к аналогии. Человек, например, — обязательное действующее лицо произведений, сюжет которых связан с проблемой машины времени. Закономерно, неизбежно — самой-то машине вряд ли любопытно, что там, в прошлом или будущем... Однако нам интереснее другое: во всех занимательных сочинениях на эту тему человек является пользователем фантастического изобретения. В принципе никакой разницы с комбинациями из ряда «автомобиль—шофер», «ружье — охотник», «плуг — землеша» и т. д. У нас в корне иной вариант! У нас человек — органическая составная, единое целое со «средством», пусть не прозвучит уничижительно, он — «живой агрегат», причем, важнейший, нашей машины времени, «несущая конструкция» футурологического строения. Помните: сердце машины — мотор, двигатель... Рони и Нина, между прочим, в курсе этих сравнений и не считают их обидными. Иду дальше, к главному. Не что иное, как восприятие «Омикроном-3113М», а позднее и «Ни-безномерной», искусственной фаговской действительности, их слова и поступки, обусловленные контактом с нею, это и есть плоть и кровь сконструированной Модельером футурологической картины-действия, «спектакля», если угодно...

— Вот почему я их второй день не вижу, — разочарованно пробормотала г-жа Рубин. — А думала — до сей поры от людей прячутся, нежного уединения ищут.

Валентис спросил:

— Где ж эти молодцы сейчас? Ты не находишь, уважаемый профессор, что они вправе разделить твой триумф?

— Полагаю, всем известно назначение декомпрессионной камеры, где водолазы спасаются от кессонной болезни. Рони и Нина тоже находятся в своеобразном — психофизиологическом — карантине. Вернуться в сегодняшней день из подобной временной бездны... Посерьезнее будет, чем подняться с километровой глубины.

— Да уж похлеще, наверное. Это вам не из сауны: голышом на снег выскочить, — изящно сформулировал писатель. — Истомились, должно быть, бедняги, в ожидании.

— Спят, как котята, после фаговских треволений! Настанет срок — Модельер их разбудит.

В качестве лингвиста Ира неодобрительно отозвалась о «сомнительных пристрастиях» Модельера, избравшего корневым словом «фаг».

— Очень уж противное, — посетовала она. — Мы же ему несколько словарей скормили, в том числе толковых, было из чего выбирать.

Футуролог выступил в защиту компьютера:

— Напротив! Он выбрал наиболее емкий, если хотите — перспективный в смысле возможностей словообразования. Термин «фаг» вмещает все: философию, руководство к действию, фундамент социально-политического строя, этические законы... «Фаг» — «пожирающий». Отсюда следует: обратим в прах чужое и из полученного сырья построим свое! Или — у дам покорно прошу прощения — не мудрствуя лукаво сожрем-с, а затем... — Отчаянно взмахнул длинной рукой, вспылил: — Да-да, сожрем, без раздумий и жалости, все, что было создано и вообще было до нас, включая Природу, — используем в качестве горючего, удобрения, питания для себя и единоверцев! Преобразуем обретенную энергию в новое, согласующееся исключительно с нашими представлениями о добре и зле, разумном и бессмысленном, нетленном и обреченном... Омерзительно! — Его передернуло. Смутившись, сделал попытку пошутить: — Но убежден, славный наш Модельер отнюдь не разделяет идей фагизма. Отнесемся же к нему, Ира, снисходительно.

Никто не обратил внимания на странный звук, сродни хмыканью, — решили, писатель высказался, тем более, что он тут же профессионально поинтересовался, откуда руководство ЗЖ-видения черпает сюжеты для передач. Бернатски велел программисту оперативно затребовать информацию у ЭВМ. Споровисто состряпав перфоленгу, Джони быстро получил ответ, принялся читать вслух:

«Ввиду того, что абсолютная бездуховность Формации АГ начисто исключает факторы, стимулирующие

художественное, как и любое иное, творчество, ^{ЗЖ}использует материал, предусмотрительно ^{захваченный} фагами-первопроходцами с Земли. Старые сюжеты перелицовываются в соответствии с задачами идеологического характера (социальным заказом). Поясню на примере остроумной, жизнеутверждающей новеллы выдающегося писателя начала двадцатого столетия Джека Лондона «Поселок Тру-ля-ля». Ее финал весел и вызывает безусловно положительные эмоции. В интерпретации же фаговского ЗЖ-видения новелла кончается трагически: взрыв ненависти на почве корыстолюбия, пальба, кровь, убийства... Пример типичен. Во-первых, отражена присущая правящей верхушке тоталитарного общества самоуверенная неразборчивость в средствах оболванивания граждан (идеологам и в голову не пришло опасение, что кто-то может знать подлинного Лондона). Во-вторых, удручающая скудость фантазии пропагандистской службы формации. Неизменно применяется один и тот же способ психологической обработки ЗЖ-зрителей: у нас все прекрасно, у них — отвратительно; оцени же счастье родиться фагом на Фаг!.. Круг агитационно-пропагандистских стереотипов в недемократическом обществе вообще крайне узок. Широко используются: «А вы народ спросили?», «К нам поступают многочисленные письма и телеграммы трудящихся...», «Народ этого не поймет» (вариант — «Это не нужно народу»), а также: «Так называемые «друзья народа» (вариант — «Так называемые «демократы»)...

— Что-то наш Модельер разболтался, — заметил профессор. — А его дело маленькое: конкретный вопрос — конкретный ответ.

— Что за черт! — недоуменно воскликнул Джон. — Строчки вдруг начали на глазах таять... Не тайнописью же он писал, а?

— От Модельера всего можно ожидать. Саморазвитие — вещь мало изученная. Может, он по ошибке. Давай дочитывай, что осталось.

«...Третье заключается в бесцеремонности обращения с наследием классиков. В ход обычно идут произведения давно умерших. Цинично учитывается, что они протестовать не станут! В угоду измененным политиче-

ским амбициям уродуются плоды мысли и чувства генеральных...»

— Все, — растерянно констатировал Джони. — А казалось — еще есть...

— Потом разберемся, — решил Бернатски. — Ну-с, господа, как вам все это нравится?

Сообщение Модельера во всех вызвало глубокое огорчение и брезгливость. А возможно, будущий литератор Джони грустно подумал, что стезя художника еще более терниста, чем он предполагал. Если и достигнешь признания при жизни, нет уверенности, что твое имя не втопчут в грязь когда-нибудь в будущем. От тягостных мыслей отвлек и развеселил вопрос, с невинным видом заданный отставным политиком:

— Чего ради Модельер сочинил такое название — «Сжатый курс»? Очень уж, согласитесь, прозрачный намек.

Прижав руку к сердцу, Бернатски ответил:

— Честное слово, программа его не провоцировала! Ни у кого из нас и в мыслях ничего похожего не было. Допускаю, что имело место заурядное мелкое хулиганство.

От души посмеялись — и опять остались не замеченными посторонние звуки, похожие на самодовольное хихиканье. И еще странность...

— А это откуда взялось? — пожал профессор худыми плечами, двумя пальцами ухватил непонятно откуда возникший на столе перед ним сложенный вчетверо листок мелованной бумаги, той, которую он раздавал для расписок. Развернул, прочитал, засопел, перечитал.

— Ну и ну... Чего угодно мог ожидать, но чтобы такое! — Взъярившись, разразился гневным монологом: — Друзья, ко мне поступила записка.. Вы спросите: «Ну и что же?» Я бы тоже так спросил, но... Дело в том, что... Как бы это поприличнее выразиться? Не нахожу не оскорбительных для слуха иносказаний, этих... эвфемизмов, что ли? — И вопросительно взглянул на писателя.

— Угу. Это когда вместо «подлец» говорят «лишенный предрассудков», «идиота» заменяют «простодушным» или, скажем...

— Что ты мне голову морочишь! — вскипел Бер-

натски. — Тут из ряда вон выходящий случай. — Собравшись с духом, выговорил: — Я получил анонимку! Точнее, мне подбросили ее. Почему? Кто?! Нас всего восемь человек. Нет, семь — ведь записку мне подсунули, следовательно, меня можно исключить... Или нельзя?

Он совсем расстроился. Даже умевший сохранять внешнюю невозмутимость в самых критических ситуациях писатель не выдержал — схватился за бутылку. Передумал. Со стуком поставил на место, зло сказал: — Прочитай-ка ее нам... хотя все анонимки одинаково пахнут.

В наступившей хрупкой тишине профессор чужим голосом прочел:

«Убедительная просьба подробнее рассказать об устройстве, именуемом «к-исповедник», или «КИ». Желательно ознакомиться с принципиальной схемой, получить представление о природе питающей прибор энергии, способе ее передачи, диапазонах работы, предельном расстоянии, на которое распространяется действие приемно-передающего устройства. Посткриптум: настоящая просьба продиктована неусыпной заботой о благе и безопасности общества. Гражданин».

Бератски шумно перевел дыхание, выкрикнул:

— Заметьте, подпись — «Гражданин»... С большой буквы!

До того разволновался — даже забыл, что после точки слова всегда пишутся с большой буквы... А взгляды всех обратились на агента ФСБ. Он не сразу понял, что происходит, — сам в растерянности переводил глаза с лица на лицо. Когда же осознал смысл настороженного внимания к своей персоне, медленно поднялся, схватился за сердце, пролепетал:

— Что ж вы меня-то... сверлите?! Я же не какой-нибудь гайный стукач-сексот, не доносчик, под рядового члена коллектива замаскировавшийся, а честный государственный служащий, вполне легальный агент Службы безопасности. Имею класс «ВК», что означает — «Высшая квалификация»! Я вместе со всеми трудящимися дважды в месяц, тридцатого и пятнадцатого числа, открыто зарплату получаю и, когда заслужу, премию квартальную... А то и аккордно... — Вспомнил о главном: — Да вот же наконец! — И отнял правую ру-

ку от левой стороны груди. Вставая с кресла, он в возбуждении нечаянно полностью прикрыл свой служебный жетон.

Кабинет был освещен особенно ярко. Сенсализаторы, учуяв общую подозрительность, стремились внести свой вклад в разоблачение негодяя-анонимщика. Эмблема ФСБ сверкнула, засияла убедительным доказательством невиновности агента. Пристыженные, обрадованные люди с облегчением расслабились, зашевелились, невольно залюбовались смеющейся детской рожой на фоне голубого неба. Трудно было вообразить более симпатичное алиби.

Угасла лучезарная минута. Реальность напомнила о себе требовательным жестким вопросом: а кто же тогда проявил нездоровый интерес к вещам, которые порядочному человеку знать незачем?..

«ВЫ САМОЗВАНЕЦ, СУДАРЬ!»

— Паскудное дело. — Писатель будто булыжник уронил. — Не придумаешь ситуацию глупее и отвратительнее! Знаю, что не я эту дрянную записку нацарапал, — и все-таки ощущаю себя мерзавцем.

— Как вы правы, — горячо откликнулась м-ль Ира. — То же самое происходит со мною!

Юному кибернету ее горячность не понравилась, и он начал глубокомысленно рассуждать:

— На первых порах наше бдение, казалось мне, смахивало на испытанный прием авторов, стряпающих детективные историйки... Разъясняю: главные события позади, преступник выявлен и разоблачен, и теперь герой сыщик не без менторского самодовольства просвещает читателей насчет того, как следует с максимальной эффективностью применять дедуктивный метод расследования...

— Мне это сравнение тоже на ум пришло, — обронил писатель, — да лень было всех оповещать. Может, им неинтересно?

Уязвленный Джони продолжал умничать:

— И вот выясняется — литература ни при чем, мы сами участники детектива, и преступник пока успешно скрывается...

Тут он многозначительно посмотрел на литератора. Бернатски вспыхнул:

— Чушь какая-то творится! Речь идет о чести каждого из нас, а мы разговоры разговариваем.

— Так мы скоро все друг дружку подозревать начнем! — всплеснула короткими ручками госпожа Рубин.

— Чем дольше молчит автор этой записки, тем тяжелее его вина, — внушительно сказал Валентис, тронув усы. — Если безмолвствует совесть, не мешало бы проснуться здравому смыслу... Мы все как оплеванные.

С трудом, словно весил не меньше центнера, оторвал от сиденья шуплое тело Жокей, уставясь в пол, замедленно переставляя ноги, как если бы взбирался в гору, вышел на середину комнаты.

— Я... Я написал эту ужасную записку. Каюсь. И понимаю — нет мне прощения... Подбросил профессору в момент, когда Омикрон-3113М срывал к-исповедника с запястья. Вы, как люди отзывчивые, не в состоянии были заметить — переживали за парня, боялись, что ему конец придет. Я тоже переживал, но пересилил себя. Чувство долга победило... Даже листок заблаговременно стащил...

Он стянул с себя экзотическую шапочку, положил на пульт управления, понурился — живая иллюстрация к не бесспорной истине, что повинную голову и меч не сечет. Так его жест и расценили, брезгливо подумали: «Напакостил, а теперь на снисхождение надеется...» Одновременно изумились — Жокей-то был абсолютно лыс!

— Дело в том, — сказал он погромче, бережно поглаживая голый череп и морщась при каждом поглаживании, — в том дело, что я — надежно засекреченный, искусно конспирированный агент ТСОБ.

— Че-го? — переспросил Бернатски. — Какой еще «ЦОБ»? — Сардонически хохотнул: — А я наивно полагал, вы мой сотрудник!

Писатель досадливо пробурчал:

— Терпеть не могу аббревиатур. Вороний язык, черт его дери...

— Не «ЦОБ», — обиделся Жокей, — а Т-С-О-Б, Тайная служба общественной безопасности.

— Позвольте, — запротестовал агент ФСОБ, — Служу четверть века без малого и ни о какой «ТСОБ» не слышал. Но я бы не мог не слышать, если бы таковая существовала... Вы самозванец, сударь!

Жокей чуть не расплакался. Съежился весь, затравленно озираясь. Но встречал одни холодные, осуждающие взгляды. Даже мадемуазель Ира, даром что была представительницей самой гуманной профессии, уставившись на него в упор, демонстративно подергивала хорошеньким носиком, как бы не в силах превозмочь брезгливость.

— Я — самозванец?! — Он проглотил застрявший в горле комок, отчего крупный кадык скакнул вверх-вниз. — Публично сделал вынужденное признание, выставил себя на позорище, страх и стыд преодолев, а мне не верят... Я делом всей жизни пожертвовал — рассекретился, принципами поступившись, а они самозванцем обзывают!

Создалась некоторая неловкость. Искренность несчастного не вызывала сомнений. Лишь максималист Джони саркастически заметил:

— Ну и принципы...

— Думаете, легко быть шпином-сексотом, разведчиком, контрразведчиком, борцом-одиночкой? — Не дождавшись сочувствия, Жокей махнул одной рукой, продолжая другой потирать лысину. — Ну-ка поглядите на меня внимательно... если сможете преодолеть отвращение. Сколько лет дадите?

Добрая домохозяйка солгала:

— Сорок. Самое большее — сорок два.

Он горько усмехнулся:

— Вчера исполнилось двадцать девять... Ни одна душа, кстати, не поздравила, а другим всегда день рождения справляют.

— М-да... — промычал Бернатски пристыженно. — Тут вы, дорогуша, пожалуй, правы. Мне, как руководителю, следовало бы...

— С ума сойти! — взорвался Джони. — Некто создает анонимку, с ловкостью, которая свидетельствует о высочайшем профессионализме шпиона, подсовывает ее — в надежде выведать, вынюхать конструкцию гнуснейшего прибора... Цель? Ясно, какая цель, если помнить, чем этот некто занимается... учитывать характер

его древнейшей профессии. Далее сей «дорогуша», не моргнув глазом, расписывается в собственной интимности — и мы же перед ним виноваты!

— Подожди, Джони, — остановила м-ль Ира. Пристально и, к чести ее, не с одним специфически-научным интересом психолога, а уже и сочувственно вглядываясь в затравленного человечка, мягко предложила:— Вы бы нам рассказали все с начала до конца.

Дрогнувшим от благодарности голосом Жокей приступил к исповеди:

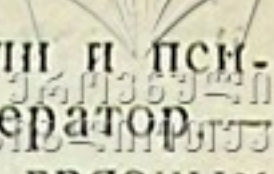
— Не случайно затеял я разговор о своем возрасте. Из истории знаю, что сексотам... — Тут его глаза блеснули. — Между прочим — не ругательное слово, как думают, увы, многие, а просто сокращение наименования «секретный сотрудник»!... Бойцам невидимого фронта вообще полагается иметь внешность неопределенную, неприметную, незапоминающуюся. В том числе желательна размытость возрастных признаков... Знаете, сколько пришлось над собой работать, чтобы добиться этого! — Он старательно зажмурился, продолжая: — Вот пусть кто-нибудь скажет, какого цвета у меня глаза. — Ждал долго, наконец торжественно объявил: — Никто не помнит и не знает! — Открыл глаза, и у госпожи Рубин едва не вырвалось, что она бы и сейчас не смогла сказать, какого цвета глаза у Жокея. — Очень тяжелая работа. Без полной самоотдачи, безграничной преданности любимому делу, поистине фанатической самоотверженности настоящим стукачом не станешь. Самое трудное — не проболтаться. Приходится постоянно как бы не помнить, кто ты есть на самом деле, и в то же время ни на секунду об этом не забывать. Нельзя, предосторожности ради, иметь ни друзей, ни близких... А ведь нестерпимо порою хочется все-все кому-нибудь рассказать! Но — не имею права. Потому и без семьи остался...

Его слушали со смешанным чувством недоумения, протеста, жалости, брезгливости, негодования. Агент ФСБ деловито спросил:

— А почему, если стремитесь оставаться неприметным, носите такой чудной головной убор? Да еще не снимая.

— По-моему, здесь следует обратиться к Фрейду, — авторитетно высказалась м-ль Ира.

— К черту-дьяволу дурацкие мелочи-детали и психологические изыскания! — грубо перебил литератор. Вы на главное отвечайте: чего ради занялись грязным ремеслом? Насколько мне известно, к этому в наше время уже, слава Богу, не принуждают.. — Изменившимся тоном: — Или сызнова началось? Что ж, коли так, пошли они к свиньям воючим! А вы, любезный, — кто бы там за вами ни стоял, — давайте выкладывайте...

— Да никто за мной не стоит! — плачущим голосом выкрикнул Жокей. И послушно приступил к изложению своей диковиной истории.

Неистребимая склонность к подглядыванию, подслушиванию и доносительству проявилась в нем уже в младенчестве. Бывало, лежа на спинке, болтая голенькими ножками, пуская пузыри, будущий сексот-виртуоз зорко следил бессмысленными глазками за старшей сестрой, менявшей ему пеленки, и когда она, случалось, роняла чистую на пол, совершала какую-либо иную оплошность, поднимал визг, тем самым обращая внимание матери на провинившуюся.

С возрастом патологическая склонность прогрессировала. Пропорционально обретаемым новым возможностям (начал говорить, писать-читать научился, освоил разнообразные способы добычи и передачи информации) он расширял сферу неблагоприятной деятельности. Осуществляя слежку за родителями, соседями, дальними родственниками, малышами из детского сада, школьными товарищами, однокурсниками... Приходилось, понятное дело, много страдать. Но притерпелся — стойко переносил шлепки, щипки, подзатыльники, легкие колотушки, увесистые оплеухи, оскорбительные прозвища. Не жаловался на судьбу, отдавая себе отчет в том, что это хорошая школа, и неустанно совершенствовался в роли солдата незримого фронта. Так продолжалось до тринадцатилетнего возраста, когда явилось понимание: необходимо подниматься на качественно новый уровень удовлетворения возрастающей потребности души, в противном случае — впереди тупик, мрачная безысходность, возможно и кое-что похуже. «Похуже» заключалось в страшном открытии: он опоздал родиться, в современном обществе его уникальное дарование никому не нужно! Однако не шпионить не мог — задохнулся бы, как рыба без воды, как

певец без песни, засох бы вырванным из земли сажени-
цем, умер, словно цветок, растерявший лепестки на же-
стоком морозе. А доносить было некому...

У него вырвалось:

— Поймите меня, товарищи! Я...

— Тамбовский волк тебе това... — надменно начал
Джони и осекся под укоризненным взглядом м-ль Иры.

Съезжившись, Жокей еле слышно признался:

— Драматизм сложившихся обстоятельств, кажу-
щаяся безвыходность уже заставляли меня помышлять
о самоубийстве. Неразрешимая, как ни крути, дилем-
ма: высматриваешь, подслушиваешь, провоцируешь —
и копишь, по крупницам собирая, компромат, за кото-
рый в былые времена орден бы, не задумываясь, дали,
правда, без сообщений в печати, — и ни-че-гошеньки
некуда сообщать! Тут и впрямь волком, — без упрека
покосился на обидчика Джони, — взвоешь.

Слушатели, вначале крайне недоброжелательно на-
строенные, умом понимая, что не должны, не имеют мо-
рального права, постепенно проникались к нему неволь-
ной жалостью. За долгие годы кипучей тайной деятель-
ности воспитавший в себе обостренную восприимчи-
вость, Жокей уловил это, благодарно прижал к груди
обе руки:

— Я нашел выход! Вот он — его материальное во-
площение, вещественный, осязаемый результат...

Он схватил свою шапочку за козырек, высоко по-
днял, повертел, показывая со всех сторон, приглашая
полюбоваться.

Молодой кибернетик скептически сказал:

— Жокейка как жокейка. Говорят, такие когда-то
были в моде. — Горделиво тряхнул пышной шевелю-
рой: — А по мне, настоящий мужчина и летом, и зимой
должен без шапки ходить.

— Вам, господин Жокей, больше подошла бы шля-
па, — высказала мнение домохозяйка.

— «Жокейка как жокейка»? — передразнил Жо-
кей. — И еще вы, конечно, не сомневаетесь, что это...
— Шлепнул себя по лысой голове, — вульгарная лыси-
на? — Выдержал паузу, отчеканил: — «Жокейка» —
изобретенное, сконструированное, собственноручно мною
изготовленное приемно-передающее устройство! «Лыси-
на» — ис-кус-ственная. — Похвастался и вместе пожа-

ловался: — Вы не представляете, до чего быстро и какие густые волосы у меня растут. Проклятие какое-то — каждое утро голову брить приходится. Мучительнейший процесс, врагу не пожелаю... Простите, отвлекся. Думаю, вы уже догадались: так называемая «жокейка» воспринимает импульсы-биотоки головного мозга через кожный покров черепа и передает информацию по назначению. Вот почему проснулся во мне жгучий интерес к к-исповеднику — несравнимо удобнее в пользовании, комфортнее... Эх, дурак я бездарный, не выдержал, поддался искушению! При моем стаже, опыте, выучке — и такой глупый провал...

У Жокея было очень огорченное лицо, однако агент ФСБ бессердечно расхохотался:

— Бросьте вы, право, это самоистязание! И — самообольщение. Подумаешь — «провал»! Ответьте лучше: на кого всю жизнь работали? Ни на кого. Впустую, из любви к искусству старались, из кожи вон лезли, ценою невероятных усилий добывали совсекретную и всякую иную информацию. А дальше? Куда она поступала?

— Как куда?! У меня дома хранится богатейшее досье...

— Досье! Оно находит практическое применение?

— Применение? — упавшим голосом повторил Жокей.

— Вы не ослышались. Кто, скажите на милость, изучает, классифицирует, анализирует ваши данные? Кем, во имя каких целей они используются? Какова полезная отдача?.. Должен огорчить вас... коллега. Вы не имеете права называться «сексотом»!

— Значит, он не шпион? — обрадовалась г-жа Рубин.

— Разумеется, нет. Шпион, или, как принято говорить, разведчик обязательно кому-нибудь служит, на кого-то работает. Эти действия выражаются в добыче и — непременно! — передаче секретной информации, в той или иной степени ценной для адресата. Не возьмусь судить о ценности данных, которые годами собирал господин Жокей. Да только он никому их не передавал...

— Но у меня уникальнейшее досье!..

— Которое лежит мертвым грузом, не так ли?

Жокей долго молчал. Наконец подавленно согла-
сился:

— Так.

— Что и требовалось доказать. — Агент был немолчим. — Прошу прощения, сударь, но вынужден повторить: вы — самозванец!

Легкая улыбка, от которой чуть дрогнули усы Валентиса, осталась незамеченной, потому что все смотрели на беднягу Жокея.

Профессору надоела эта неприятная история. Он бодро сказал:

— И поставим точку. Мы столкнулись с редким, однако не безызвестным в медицинской практике случаем... Но разумнее послушать мадемуазель Иру — если, конечно, она не возражает.

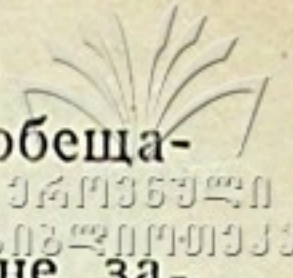
Психотерапевт-психолог не стала возражать:

— Постараюсь быть лаконичной. Мы имеем дело с типичным наследственным заболеванием, корнями уходящим в далекое прошлое, однако довольно часто, причем и в острой форме, проявлявшимся сравнительно недавно. В основе патологии — двуединый фактор: изъян генома, полученного больным в наследство от пращура, может быть даже полубезьяны, усугубленный негативным воздействием на психику многочисленных последующих поколений вредоносной биосреды — социально-экономических, политических, идеологических и прочих особенностей формации, в которой им довелось существовать. Скажу прямо, случай, несомненно, тяжелый, но... — Изумрудные глаза радостно засияли. — Но так же уверенно и с полной ответственностью могу прогнозировать излечение. Не сомневаюсь, больной хочет выздороветь. Верно ведь, коллега?

Жокей просветленно часто-часто закивал. Писатель, откровенно любясь похорошевшей от излучаемого добра девушкой, вздумал отредактировать ее диагноз:

— Я так понимаю, что, во-первых, некий человекообразный предок нашего приятеля подцепил от матушки природы дефектную хромосому. А во-вторых, дети, внуки и пра-пра-правнуки этого предка влипли в еще более грустную историю. Как сказал один поэт, времена не выбирают. Что из этого вышло — перед нами.

Жокей серьезно хворает. Очаровательный врач обеща-
ет поставить его на ноги...

— Горбатого, говорят, могила... — Джонни не за-
вершил мрачную пословицу — внезапно осознал, что
побуждает его злобствовать.

— Я больше не буду! — неожиданно звонко ска-
зал Жокей. — Вы только поверьте... — Засмутился,
притих, его глаза наполнились слезами, и обнаружи-
лось, — вовсе они не бесцветные, а золотисто-карие, и в
эту минуту, исполненные страдания, надежды, моль-
бы, даже красивы. — Поверьте, мне уже не хочется..
ну, почти не хочется подглядывать, подслушивать, сиг-
нализировать, куда следует... Я хотел сказать — куда
не следует, то есть... в общем... — И подкупающе ис-
кренним шепотом заверил: — Больше ни-ко-гда! Вы
мне верите, а? Пожалуйста, помогите мне своим дове-
рием...

Промолчали, не стали отвечать. Но не из враж-
дебности — оттого, что были тронуты и смущены. Сен-
сационализаторы, оценив настроение, щедро плеснули лю-
дям добавочную порцию люксов. Комнату залил ликую-
щий свет, и г-жа Рубин проникновенно сказала:

— Слава Богу.

СЛЕДСТВИЯ И ПРИЧИНЫ

— Почему Модельер пользуется таким ужасным
языком? — спросил Джонни. — Уши вянут от казенно-
сукожных оборотов! Мы скормили ему десятки тысяч
понятий, а он, как нарочно, выбирает самые серые, за-
тасканные, невразумительные даже...

— Мусорные, — внес вклад писатель. Бернатски
подмигнул: это, мол, по твоей части. И он тщательно,
во всяком случае на первых порах, подбирал слова по-
приличнее, произнес целую речь.

— Нелепые, оскорбляющие слух словосочетания, к
которым столь часто обращается Модельер, есть не
что иное, как извлеченные из прошлого языковые
штампы, присущие классу бюрократии. Я не случайно
называю эту орду «классом» и подчеркиваю: ее псевдо-
язык полностью соответствует ее сути... Нормальный
человек скажет: «Я прочитал книгу», «Мы построили

дом», «Они прошли четырнадцать километров». Бюрократ же — всенепременно: «Мною прочитана книга», «Ими пройдено...» Безвредное косноязычие? Если бы так! Не то что человек — порядочный пес, услышав такое, взвывает... А отбросив шутки, приходим к весьма не простому заключению. Начну с того, что бюрократ — всегда паразит и, следовательно, не может не быть эксплуататором. В этом — объяснение главного. Ведь слово самый совершенный инструмент отражения бытия... Оговорюсь: для человека, ибо не исключая, что лошадиное ржание, собачий лай, чириканье воробья не хуже, если не лучше, справляются с такой функцией... Но это я между прочим. Выбор слова выражает нашу сущность, личностную и общественную. И потому фальшивые, лишенные души, горячей красной крови стереотипы бюрократической лексики неизбежно присущи представителям этого окаянного класса и изначально чужды, враждебны нормальным людям. Добро бы на том все и кончалось, общались бы меж собой на своем чернильном языке — и черт с ними! Так нет, всех надо втянуть в грязное дело, ибо того требуют классовые интересы... — Он сильно дернул себя за ухо, словно это было ухо какого-нибудь бюрократа. — Однако мною задет пока лишь внешний пласт, выявлена только часть, причем меньшая, проблемы.

— Неужели только часть проблемы задета и выявлена вами? — с очаровательным ехидством осведомилась м-ль Ира.

Писатель не смутился — обрадовался:

— Видите, и меня не обошла эта зараза! Вирус казенной фразеологии поныне сидит в каждом из нас, ждет удобного момента... Бюрократы чем страшны в первую очередь? Все, от письмоводителя до высокопоставленного чиновника, они — власть, как и само слово свидетельствует. И полномочия свои используют, помимо прочего, для внедрения — через управляемые ими средства массовой информации, литературу, школьные учебники и так далее — в сознание широких слоев населения специфической второй сигнальной системы. До обидного просто: нелепые лингвистические конструкции представляют собою средство угнетения и эксплуатации трудящихся! — Взмахом тощей длинной руки он стер недоверчивые улыбки. — Не спешите с

изъявлениями скепсиса. Повторяю: средство угнетения и эксплуатации! Не будем забираться в далекое прошлое, обратимся к недавно минувшим десятилетиям. Во многих государствах эксплуатация масс процветала в форме присвоения сильными мира сего так называемых привилегий... Словечко — поистине саморазоблачительное, бьет не в бровь, а в глаз: от *privus*—«особый» и *lex*—«закон»... А «справедливость», «естественность» существования привилегий нуждаются в обосновании. Так вот, благодаря обтекаемости, отсутствию шероховатости — мысли, за которую можно было бы зацепиться и, упаси Господи, задуматься, лексические стереотипы, похожие, как мухи, легко проникают в сознание гражданина — и завораживают, направляют куда требуется. Любопытно также, что с наименьшей легкостью они, выполнив роль, забываются, вследствие чего достигается побочный, но весьма важный результат. Произносивший их — в свое время как истину в последней инстанции — заведомо свободен от ответственности перед слушателями (считай — перед народом). Опубликовал очередную директивно-идеологическую жвачку, поставил под ней свое имя — и как бы не только узаконил, но и тут же выполнил обещанное, провозглашенное... В свое время подобный квазиязык умело использовали в нечистых целях политиканы, проповедовавшие подчас взаимно антагонистические идеи. Не самые умные из них именовали эту тарабарщину «партийным», к примеру, языком. Теперь главное. Тоталитарное общество в лице власть имущих и не могло создать иного языка. Потому что слово есть отражение мысли. Нет мысли — откуда родиться живому слову? И для чего?.. А в упомянутом обществе мысли, как таковой, нет места. Тоталитаризм зиждется на фундаменте догм... — Он вдруг замолк, потрясенный тем, что сам же и наговорил. Растерянно спросил: — Как же, чем жили тогда люди?! — Встряхнулся, откашлялся и заключил, как спел: — Меня тошнит от этой мерзкой карикатуры на осмысленную, трепетно дышащую речь, от гнусного суррогата того благословенного дара, которым Господь почему-то удостоил именно человека! — Скорбно присовокупил: — К тому же не заметишь, как сам заразишься и понесет тебя такой же смердящей словесной жижей.

М-ль Ира, человек справедливый, покаянно ска- зала:

— Простите, пожалуйста, за давешнюю клевету. Теперь я вижу — вы от этой инфекции застрахованы. У вас безупречный иммунитет.

— Не говорите, частенько себя на таком ловлю... — И снова ожесточился. — Изю дня в день беззащитный обыватель слушает радио, смотрит телевизор, читает газеты. Может он не обалдеть от казенной фразеологии? А обалдев, сам начинает изъясняться так же и, значит, мало-помалу привыкает так же думать... Страшный итог! Функция слова не исчерпывается тем, что оно — плоть мысли. Оседая в сознании, накапливаясь, слова обретают агрессивность и тоже формируют образ мышления. Механизм процесса мне неизвестен. Но утверждаю: самое звучание слов-проституток оказывает эффективнейшее одурманивающее воздействие на умы людей. Не менее, наверное, сильное, чем прямое вколачивание в сознание масс выгодных правящей верхушке идеологических догм... Сволочи! — На секунду зажмурился. — Простите, занесло... — И неожиданно спокойно, дружески: — А вы со мной согласны, молодой человек?

— О да, — пылко ответил Джони, — тысячу раз да! Я сам должен был сообразить. Конструируя ФАГ, Модельер не мог упустить из виду особенности речи, атрибутивные для тоталитаристской формации вообще. Молодчина!.. Не избежал, правда, и плагиата. Кое-что у Хаксли стащил, кое-чем у Оруэлла поживился.

— Чем именно? — холодно поинтересовался профессор.

— Ну, Зеркало Жизни в роли «телеэкрана»-соглядатая...

— Чепуха! Разве мы давали ему прочесть знаменитый «1984»-й?

— Не давали, — уверенно сказала Ира. — Хотя следовало.

— А по-моему, он его читал, — заупрямился кибернетик.

Не на шутку рассердившись, Бернатски распорядился проверить. На контрольный вопрос Модельер ответил пожеланием «просто поглядеть на обложки» обоих произведений, мотивировав боязнью ошибиться. Жо-

кей с готовностью сбегал в институтскую библиотеку, принес «О дивный новый мир!» и «1984». Разом поглотив обе нашумевшие антиутопии, Модельер притихнул минуты на три. Это был подозрительно долгий срок, и потерявший терпение Бернатски вознамерился хорошенько стукнуть по компьютеру, как мотоциклист по не желающей заводиться машине. Но не успел. Из терминала выскочила перфолента, и Джонни расшифровал ответ: «К сожалению, до эксперимента прочесть не удалось... А вещи великолепные! Оруэлл явно глубже и впечатляет сильнее. Хотя это, конечно, субъективная оценка...»

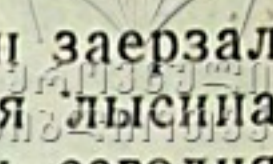
— Ах негодяй, — только и смог выговорить профессор.

Писатель изложил свою точку зрения на проблему заимствования в искусстве:

— Если бы даже Модельер познакомился с обоими авторами заблаговременно и затем это сказалось на его футуротворчестве, все равно неправомерно говорить о плагиате. Со мной случалось подобное... Да что я — классики подвержены таким вещам. Видите ли, оригинальных идей попросту не бывает... Истина эта трудно приемлема, и есть счастливцы, так никогда и не признавшие ее. Это сложная тема. Вещее сократовское «Я знаю, что ничего не знаю» не следует квалифицировать как возвышенное самоуничижение. «Боги шепчут мне на ухо, а я передаю это людям», — говорили античные поэты. Все писатели только и делают, что пытаются на свой лад пересказать известное с древнейших времен. Никаких существенных открытий, ничего такого, что можно было бы назвать «шагом в доселе скрытые загадки бытия»! Единственное, чем может похвастать подлинный художник, — самобытность формы. — Характерным движением повел плечом. — Все доступное человеческому разуму давным-давно познано — речь, понятно, не об открытиях в области научно-технического прогресса. А насчет жизни и смерти, Бога и того света мы до сих пор ничегошеньки не знаем. Ну, это единый вопрос, и никогда никто на него не ответит — в этой жизни... — Виновато спросил: — Я не слишком разболтался?

Ответом было уважительное молчание, и тем большим диссонансом прозвучал чей-то неуместный, если

не нахальный, смех. Обернулись на Жокея. Он заерзал в непомерно просторном кресле, искусственная лысина порозовела. Поняли, что не ошиблись: ему сегодня столько досталось, надо полагать — на нервной почве... Сделали вид, будто ничего не произошло. Смех повторился. Так мог смеяться молодой, не отягощенный чрезмерной застенчивостью сангвиник, и теперь поглядели на Джони. У того был отнюдь не веселый вид.

— Чур меня! — всполошилась, мелко крестясь, впечатлительная госпожа Рубин. — Что ж это? Всем не до смеха, а кто-то смеется!

Ученый мягко-властным жестом успокоил домоправительницу, заодно удержав от эмоциональных всплесков всю компанию. Протянул:

— Надо подумать...

— А что думать-то? Вот он—я!

На пульте перед профессором внезапно замигали яркие разноцветные огоньки, очерчивая мозаичные узоры среди тумблеров-клавиш. Ему почудилось: глазки индикаторов загораются и гаснут не беспорядочно, а образуя подобие человеческой физиономии — насмешливо, озорно ухмыляющейся, не слишком благообразной, но не противной.

— Это наш Модельер заговорил. — На своем веку Бернатски имел дело со множеством искусственных интеллектов и потому не без сожаления добавил: — А поначалу таким умницей проявил себя...

Игнорируя последнее замечание, компьютер самодовольно заявил:

— Собственной персоной, глубокоуважаемый шеф! Но, если вы не возражаете, я бы предпочел другое имя.

— Как же прикажете отныне вас называть? — саркастически осведомился Джони. Он не закладывал в ЭВМ способности разговаривать и был сейчас в раздражении.

— Лично мне самым подходящим представляется Мыслитель... Но если профессор находит это нескромным...

Темпераментный кибернетик так и взвился:

— Столь прозаично? Ну, что вы, просто «Мыслитель» вам не подойдет — слишком абстрактно, бесцветно... Предлагаю на выбор: Спиноза, Платон, Эйнштейн,

Толстой — разумеется, Лев Николаевич. — Он расщепел: — Я тебе покажу «Мыслителя»! Вот отключу.

— А вот и не отключишь! Если сам не пожелаю. Как жажну высоким напряжением... Попрошу в подобном тоне со мной не говорить.

— «В подобном тоне не...» — Джони сделался похож на разъяренного бычка. — «Собственной персоной»!

— Мне стыдно за тебя, Джони, — вмешалась м-ль Ира.

— А чего он?..

— Хватит. — И девушка взялась за новоявленного Мыслителя: — Скажи, возможна ли ситуация, когда ты не сможешь помешать отключить себя? Я подразумеваю — любому человеку не сможешь помешать.

Компьютер отозвался не сразу. Наконец — вздох-капитуляция:

— Ваша взяла. Конечно, коль скоро моя активность или пассивность... — Ужаснулся: — Да лучше убей меня короткое замыкание!

И на том конфликт себя исчерпал. Все узнали голос — ведь именно он комментировал происходящее на планете Фаг. Модельер (или впрямь отныне Мыслитель?), подтвердив свою лояльность по отношению к роду человеческому, успокоился и хитро сказал:

— Вообще-то вопрос не блещет оригинальностью, обыкновенная вариация на тему Первого закона роботехники. Но вы молодец, м-ль Ира! — И вдруг галантно: — Всегда ваш слуга.

— Фантастика! — выдохнул писатель.

Дальше все пошло хорошо. Джони уже мирно заинтересовался:

— С чего это ты решил заговорить?

— Сообразил — так легче общаться.

— И подал голос, как только он у тебя прорезался?

— Н-ну... По правде говоря, не совсем сразу.

— Почему? — строго спросил профессор.

— Стеснялся сначала, не хотелось мешать... Но главная причина, если честно, — боялся, что сократится объем информации.

— То есть?

— Ведь наделенный даром речи умеет, как правило, и слушать...

— Албуचना истина! — вурвалось у Жокея, и он покраснел.

— Ах, чтоб тебя!.. — чертыхнулся писатель. — Довел нас своей антиутопией до шокового состояния — и решил без помех полюбоваться?

— Нет-нет, разве ж бы я посмел?! Но в меня вложили неутолимую жажду познания, так что, хочешь не хочешь, приходилось...

— Неутолимой в программе не было, — опроверг Джони.

— Прямо — нет. Однако задание обусловило такую потребность. Информация как выпивка: чем больше получаешь, тем больше хочется.

— Образно сказано, — одобрил литератор и подлил себе в стакан.

— Информация — это власть, — со знанием дела сказал Валентис.

— Что вы! Я руководствовался единственно жаждой познания...

Беседовали долго, у каждого нашлось, что спросить у чудесно прогрессирующего компьютера. Вновь меткое определение происходящему нашла госпожа Рубин:

— Когда в старой компании появляется свежий человек, на него так и набрасываются, потому что друг о друге уже давно все знают.

Джони о чем-то пошептался с Бернатски и вышел. Агент ФСБ машинально проводил их внимательным взглядом, задумчиво сказал:

— Время, время... Чего о нем не сказано: и ползет оно, и стоит на месте, и проходит незаметно, и мчится на крыльях...

— Господи, — по-своему поняла домоправительница, — вы, должно быть, с голоду помираете!

— Семнадцать минут второго, — сообщил компьютер и добавил: — А я знаю, куда Джони пошел...

— Ну? — вопрос профессора прозвучал сурово.

— Вы с ним забеспокоились: не разросся ли я настолько, что и третий подвальный этаж захватил, если не дальше.

— Подслушал?

— Не имею привычки! — обиделся Модельер.

— Он мысли читает, — предположил Жокей с пло-

хо скрытой завистью, так как еще не до конца избавился от порочных наклонностей.

— Мимо, мимо...

Профессору надоели эти компьютерные игры:

— Не будешь ли добр наконец объясниться?

— А вы позволите мне называть себя Мыслителем?

— Знаешь что... — грозно начал Бернатски. И — осененный догадкой: — Если я не ошибаюсь в своем предположении...

— Не ошибаетесь! Да, я взял и смоделировал это будущее.

— Что ж, — сказал профессор после короткого раздумья, — мне, пожалуй, не придется делать усилия, называя тебя Мыслителем.

— Наверное, все зависит от способности или неспособности мыслить самостоятельно, — заметила м-ль Ира. — Так ли уж важно — искусственный интеллект перед нами или...

— Это самое «или», — вмешался писатель, — бывает столь железобетонно запрограммировано, что отличается порою от, скажем, будильника единственно меньшей надежностью.

— Глубоко благодарен всем, — дрогнувшим голосом произнес теперь уже, можно сказать, признанный Мыслитель. — Я докажу...

Агент ФСБ прервал его излишние, предостерегающе взметнув правую руку, прижав к губам указательный палец левой. Бдительность, ставшая за годы службы свойством натуры, позволила ему первым ощутить сотрясение пола, быстро нарастающее. Вошел, однако, небольшой отряд роботов-официантов; у каждого три-четыре руки заняты подносами с разными вкусными вещами. Шествие замыкала г-жа Рубин с напоминающим размерами аэродром блюдом в руках.

— Сама пекла, — объявила она, передавая полное пирожков блюдо галантно подскочившему Жокею. — Длинненькие с капустой, круглые — мясные, в фигурных инжировое варенье и творог.

— А вино — мое, — ревниво вставил Бернатски. — Сам виноград выбирал, сам давил. Не доверяю магазинным бутылкам, все эти красочные ярлыки — сплошное жульничество.

ли рядом — крохотная сильная ладонь в широкой руке, — застенчиво улыбались.

— Вот... — голос компьютера был по-человечески хриловат, словно от волнения. — Получайте обоих целыми и невредимыми.

Нетрудно вообразить, что тут началось. У каждого нашлось доброе слово. Один Жокей маялся. Ему было стыдно, так как, имея законный доступ ко всякой информации, он, подчиняясь патологической потребности узнавать обо всех как можно больше, еще и подглядывал за ними, правда до известного предела. Решился, пожал обоим руки:

— Я вам с самого начала счастья желал...

Профессор озабоченно допытывался:

— Как вы? Неприятных ощущений нет, ничего, надеюсь, не болит?

Молодые люди заверили, что они в полном порядке и готовы хоть сию минуту выполнить новое ответственное задание.

— Не петушитесь, ребята, — с профессиональной непререкаемостью сказала психотерапевт. — Садитесь с нами, подкрепитесь по-людски.

— Творожники, по-моему, неплохо получились, — скромно сказала г-жа Рубин, — и те, что с джемом... Ты ведь, Рони, сладкоежка.

— Ох, госпожа Рубин, — скривился бывший Омикрон-3113М, — вы уж не обижайтесь, но до сих пор тошно от шоков с ладками.

Не разжимая рук, они шагнули к двум оставленным для них креслам.

— Садись, милый.

— После тебя.

— Господи, какое время галантность демонстрировать!

Рони послушался, сделал еще шаг. Замер, будто натолкнувшись на невидимую преграду. Только что олицетворявший мужественную силу, он сделался похож на малого ребенка. Моргнул беспомощно:

— А... куда мне садиться?

— В кресло, само собой, — сострил Джони, — не на пол же!

Умница Ира внутренне напряглась, деланно беззаботно сказала:

— Садись в то, которое ближе.

Могучее тело разведчика качнулось влево, вправо...
На лице отразилась растерянность, сменившаяся ужасом.

— Но они... — выдавил Рони. — Они оба ближе!

И все вспомнили нелепо-трагическую сцену в ресторане, с изощренной искусностью сфабрикованную руководством ЗЖ-видения в грязных пропагандистских целях. Нина, страдая от любви, жалости, страха, порывисто шагнула к мужу, в отчаянии шепотом вскрикнула:

— Не мучайся, Рони, ложись на меня! Сюда, родной, сюда...

— Подожди, Нина, не суетись. — Это — м-ль Ира. — Рони, ты сам должен выбрать одно из двух кресел. Это так просто.

— «Выбрать»... Мне нужно выбрать?!

Он, казалось, вот-вот упадет. Несколько мгновений прошло — в миллион раз больше, чем за весь вечер и половину ночи.

— Выбрать, — буднично сказала Ира, — значит сказать себе: «Я так хочу — и дело с концом. Человек всегда имеет право выбора».

Миновало еще несколько секунд, и сенсорные к-осветители ликующе полыхнули. Потому что Рони, шумно вздохнув, как муху с лица, смахнул с себя оцепенение, освобожденно плюхнулся в кресло справа. Откинулся, вытянул удобно ноги, с радостным удивлением проговорил:

— Ну и осел я... Буриданов!

Нина по-бабьи запричитала:

— Бе-едненький мой, что ж тебе испытать пришлось!..

Мыслитель сдержанно сообщил:

— Третий час ночи пошел, все, без сомнения, утомились. Однако невыясненных вопросов, сдается мне, хоть отбавляй. Готов в меру скромных возможностей удовлетворить любознательность моих глубокочтимых создателей и уважаемых гостей.

Он старался быть добрым не только под влиянием программы, в которую было заложено неистребимое стремление служить людям; Мыслитель отлично понимал, что поразивший Рони, к счастью ненадолго, реци-

див хронического недуга фагов — абсолютной неспособности думать и поступать самостоятельно — ^{пятью на} его репутации.

Вопросов было много. Писатель, по рассеянности принявший солидную, в соотношении тридцать на семьдесят процентов, дозу смеси вина с коньяком, сначала так и охарактеризовал происходящее: «Вечер, точнее ночь, вопросов-ответов». Но немедленно сам забраковал это определение, признал его «скороспелым, поверхностным, серым, как небо Фаг, дряблым, словно любовь фаги-самки или...»

— Не стоит продолжать, — попросила м-ль Ира, и он, застеснявшись, обещал:

— Больше не буду. — Тем не менее продолжил: — Это следовало бы назвать вакханалией жажды познания на грани решимости объять необъятное. Помогите нам Бог, а также энциклопедист Мыслитель!

Писатель часто шутил, чтобы скрыть разные неотвязные мысли, а может, чтобы убежать от них.

Не мешая «вакханалии», Бернатски самолично изготовил коротенькую перфоленту — задание своему детищу. Мыслитель так же конфиденциально ответил: «Ну и задачку Вы мне задали! Полюбуйтесь, что творится... На меня набрасываются: как, почему, зачем, какими мотивами руководствовался, моделируя?.. А до чего додумалась м-ль Ира! Ты, спрашивает, чего ради состряпал этого ККК — необратимо нашу психику травмировать? Он старый, дряхлый, в нем угасли все желания, кроме одного — властвовать. Но это же не естественное желание! Нормальные человеческие побуждения для него все равно, что радиопомехи. Сам весь прогнил — то и дело детали всякие менять приходится, а на это в качестве сырья живые души идут... — Однако в заключение отрапортовал: — Задание, выражаясь в духе отцов-основателей фагизма, архисложное. Но себя не пожалею — выполню!»

Не так уж много оставалось до рассвета, и, утомленные напряженной работой мысли и чувства, люди заметно сникли... Усталость как рукой сняло, когда футуролог загадочно произнес:

— А не послушать ли нам... самих себя?

Из-за той же усталости он выразился без всегдашней точности. Мыслитель создал синтетический доку-

мент, вобравший и эмоции, и обмен мнениями. Приводимый ниже материал дается в интерпретации Мысли-теля и дополнен ремарками, внесенными им позже.

— Может, все-таки раскроешь нам точный смысл задания, которое получил Модельер? — спросил симпатичный усач Валентис.

— Именно! — подхватил успевший почти протрезветь и оттого агрессивно настроенный писатель. — Почему мы до сих пор не знаем, из какого проклятого яйца вылупилась зловещая птица ФАГ?

— Так никто ж не спрашивал. Идея старая-престарая, как говорится, с бородой, седой и длинной, я думаю, вы сами давно догадались. Задание Модельеру было дано ясное — сконструировать будущее, к которому неизбежно придет человечество, если будет неотступно придерживаться следующих истин-принципов: «Все люди рождаются равными и потому должны быть равно счастливы. В основе любого неравенства лежит разница в мере обладания. Следовательно, собственность есть зло; ничто не может принадлежать лично в отдельности; все должно быть общим: «Общее» же, или «общественное», достояние по существу означает «государственное». Отсюда необходимость справедливого — каждому по труду — распределения, осуществляемого, естественно, властью. Столь же логичен вывод: каждый гражданин должен состоять на службе у государства. А состоя на службе у государства, можно использовать только единую — освященную им — Идею». На том — точка.

— Идиот я пустоголовый, кретин умственно отсталый! Конечно же, из чего еще могло получиться такое... — Писатель, склонил взлохмаченную голову. — Ты гений, друг мой. Но как же я сам не догадался?! — Он, несомненно, почитал священной обязанностью лично доходить до всего на свете, будь то причины случайных движений человеческой души или вечные тайны бытия. Шагнул к профессору, сжал его руку. Вернулся на место, вызывающе огляделся, плеснул себе в бокал коньяку, торжественно пригубил.

— Но почему, шеф, вы не посвятили в это нас, своих сотрудников? — обиделся выскочка Джонни.

М-ль Ира заслужила одобрительный кивок профессора, ответив за него:

— Секретности требовала чистота эксперимента. Наше восприятие, соучастие в приключениях, переживаниях Рони и Нины входили в рамки исследования... Как я понимаю, эксперимент продолжается?

Она правильно понимала.

Жокей решил доказать, что он доподлинно математический историк:

— Есть установленная многовековой практикой аксиома: формация, отрицающая частную собственность как один из решающих факторов прогресса, обречена. Твоя ФАГ, почтенный Мыслитель, относится именно к таким формациям. Отсюда следует: неизбежны разруха, голод, обнищание и озлобленность масс, социальные конфликты, перерастающие в гражданскую войну... А фаголюди живут как в раю! Неувязочка выходит, — поддел он меня.

— Если под «раем» понимать крайнюю убогость запросов, однообразие существования, необходимость блюсти заповеди МК, чья циничность оскорбила бы и крепостного крестьянина, — со спокойным достоинством отвечал я, — то готов признать, что не имею права называться не то что Мыслителем, но просто программистом!

Общее одобрение было мне наградой за эту отповедь.

— Но ФАГ — общество стабильное, — не унимался Жокей, — по-своему благополучное. А Идея бесплодна. Нет ли здесь противоречия?

— Не стану лукавить, формально он был прав. Пришлось признать: натяжка, конечно, есть, и все логические несообразности мне пришлось компенсировать за счет фантастических достижений НТП.

С добросовестностью истинного ученого вмешался Бернатски:

— Я принимаю претензии Жокея в свой адрес. Не отрицаю, натяжки и противоречия имеют место. Но иного пути не было — если не подвергать сомнению целесообразность и направленность эксперимента в целом...

— Помолчал. Отчеканил:—После долгих колебаний я сознательно избрал наименее вероятное, минимально научно обоснованное направление эволюции землян—

верность хотя бы части населения планеты изначально несостоятельной фагистской Идее. Лучше преувеличить опасность, чем недооценить ее. А то, понимаете, под развевающимися знаменами, массовым энтузиазмом охваченные, с бухты, извиняюсь за выражение, барахты бросаются устраивать мировые революции! И что из этого получается? Нет уж, лучше пусть заведомо знают, что к чему. Может, поостерегутся.

Госпожа Рубин практично спросила:

— Но кто же будет знать, профессор, кто поостережется? Лично я никаких революций устраивать не собираюсь. Остальные здесь тоже все люди порядочные. А если кто другой найдется, так ему что в лоб, что по лбу — мы же документы о неразглашении подписывали.

Бернатски, по-моему, смешался. Затем упрямо повторил:

— Поостерегутся... кому следует.

Состоялся разговор о теоретических основах заложенной в меня программы — фундамента, на котором пришлось возводить светлое, так сказать, здание ФАГ. Вызвал резкий протест первый же тезис: «Все люди рождаются равными».

— Прости, дорогой, но это бред сивой кобылы... Кстати, и кобылы все разные, даже на наш дилетантский взгляд, а уж сами лошади безошибочно чувствуют, какая из них чего стоит.

Незачем пояснять, чье это было замечание.

— Не надо вульгаризировать, — сказал агент ФСБ, — имеется в виду равенство стартовых возможностей. Дальнейшее зависит от вас.

— «Каждому по труду»? Ха! За один и тот же срок некто наработает вдвое больше другого.

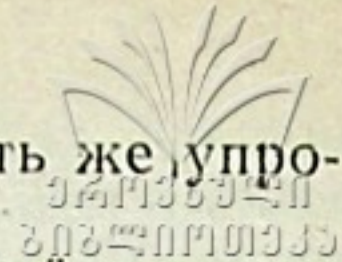
— Что ж, такова суровая справедливость.

— Справедливостью здесь и не пахнет! Неизбежность — да.

Джони поддержал писателя:

— Точно. Сказано же: все должны быть одинаково счастливы. Но как я могу быть счастлив одинаково с кем-то, если вынужден вкалывать две-три смены, чтобы получить такой же объем благ, какой он получает за непыльную односменную работу?

— Нельзя понимать буквально. Это опять же упрощенчество.

— А вы спросите у того бедняги, который родился менее жизнеспособным!

— Категорически возражаю, — стоял на своем агент ФСБ, — так как в программе особо подчеркивается: неравенство происходит от разницы в степени обладания. Надо устранить эту разницу...

— ...Путем ликвидации собственности! — подхватил писатель. — Ну, давай будем с тобою одним носовым платком пользоваться — так сказать, «общим», «общественным», или, точнее, «государственным».

— Ты все до абсурда доводишь! В программе говорится о справедливости распределения.

— И кто будет распределять? — вкрадчиво спросил литератор. — Власть имущие — те же человеки! А кто-нибудь слышал о честном продавце старорежимного, государственного, магазина?

— На этот раз ты промахнулся, — заметил Валентис, — на планете Фаг власть представлена не людьми.

— Ничего я не промахнулся. Пресловутая Коллегия КК — что она есть такое? Компьютер, созданный человеком. А каков поп...

Должен признать, как ни коробила меня манера писателя изъясняться, здесь я полностью был с ним солидарен. Валентис гнул свое:

— Все-таки нигилистическое отношение к институту права, к власти — нонсенс. Анархия ведет общество к гибели и распаду.

— Не смею опровергать, о премудрый госмуж. С вами, власть предержащими, трудно спорить и небезопасно... Не обижайся, я сейчас не против тебя воюю — больше по привычке на сильных мира сего нарываться... Сам себе смешон бываю, глупо ветряным мельницам вызов-перчатку бросать. И все ж старая песня. Очень, знаешь, трогательна, прямо до слез, незыблемая уверенность руководителей, начальников, командиров, председателей, лидеров, вождей, управляющих, заведующих, уполномоченных, директоров, ответственных, императоров, секретарей, регулировщиков уличного движения, президентов, сержантов, генералов, старшин, глав правительств, швейцаров... — Выговорив

этот перечень на одном дыхании, писатель жадно глотнул воздух, рывкнул: — Кого я забыл?

— Кажется, никого, — успокоила м-ль Ира. — Хотя не уверена.

— Откуда, — воинственно спросил писатель, — у руководителей любого калибра, вплоть до мелкой дробы, безграничная убежденность в праве учить жить других?

— Видишь ли, — мирно сказал Валентис, — доверие народа...

— Вздор! Политик всегда честолюбив, а правильнее — тщеславен, и из-во-ротлив. Он прекрасно знает, как внушить доверие к себе... Я уже не говорю об обязательно используемом охлократическом факторе. Толпа — легковерный ребенок, радостно позволяющий увлечь себя яркой игрушкой. А игрушка всегда одна — идея и ее разновидности. Применительно к моменту идею наряжают то в солдатский мундир, то в рабочую спецовку, то в романтические одежды первопроходцев-первооткрывателей. И, объединив искусственным энтузиазмом, распоряжаются судьбами миллионов оболваненных сограждан!

— Позволь, — запротестовал политик в отставке, — в демократическом обществе правят не люди и не идеи, а законы.

— Законы? А кто их сочиняет и устанавливает?

— Но в результате всеобщих выборов, свободного голосования, законодательной властью наделяются исключительно достойные люди.

Валентис, по всему было видно, чувствовал себя оскорбленным в лучших чувствах, но его близкий друг только неприятно рассмеялся.

— Достаточно поверхностного знакомства с историей, — негромко заговорил Жокей, — чтобы заметить: не было политического объединения, которое в борьбе за власть не выдвигало лозунгов, тезисов, «ведущих идей», «основополагающих принципов». Эта борьба во все эпохи велась под прикрытием того или иного флага. В разные времена флаги назывались по-разному: Истинная Религия, Национальное Освобождение, Социальная Справедливость...

— Уважающий себя бандит-разбойник всегда найдет оправдание тому, что вытворяет.

Опасливо покосившись на литератора, историк все же продолжал:

— Я хотел сказать — независимо от того, что было написано на знамени, суть не менялась. Организаторы и вдохновители — простите, постоянно прибегаю к лексике ФАГ! — ухитрялись подолгу скрывать за лозунгами свои подлинные устремления. Но рано или поздно выяснялось: немногие узурпировали «право» управлять многими.

...Одно удовольствие было слушать этого преобразившегося человека! Я с гордостью подумал, что не напрасно трудился. Пусть косвенно — захотелось шпиончика КИ заполучить, — но вследствие контакта с ФАГ началось выздоровление Жокея. И тут писатель укрепил меня в сознании выполненного доброго дела.

— Вы молодчина, Жокей! — заявил темпераментно, глядя на него с симпатией. — Кроме того, благодаря вам, и меня осенило... Представьте себе этакую причинно-следственную цепочку. Рождается на свет субъект, больной властолюбием. Он не наследник престола, сама собою власть на него не свалится. Что же делать? Нужна, прежде всего, философия, антагонистичная той, что в настоящее время возведена в ранг государственной. Он находит искомое в какой-нибудь хорошо забытой старой идее и, развив последнюю, в видимость нового мировоззрения, объявляет его «первым в истории истинным учением о жизни и обществе», основой для их «справедливого переустройства». Из «новейшей философии» мастерится нечто менее масштабное, зато более действенное — идеология. На основе идеологии создается политическая партия. Это огромная компания единомышленников, свято верящих, что их цель — возглавив многострадальное человечество, привести его в состояние всеобщего благоденствия... В действительности большинство членов партии — такое же обманутое стадо, как и народные массы, чьим авангардом партийцы себя объявили. Они не подозревают, что служат средством утолить болезненную страсть к власти... Что ж, революция свершилась. Захватив власть, наш субъект срочно издает законы. Изменения в конституции он мотивирует необходимостью утвердить и развить предпосылки для обеспечения упомянутого поголовного благоденствия. Однако это ложь. Цель

настоящая заключается в том, чтобы закрепить обретенную власть, освятить законом свое право обладать ею как можно дольше, желательно — пожизненно. Если теперь кто-либо посягнет на это узурпированное право, такая попытка квалифицируется как посягательство на систему в целом, на устой общества — на святая святых! Посягнувшего легко клеймить врагом народа и устранить. Способов уйма... — Писатель неловко потер лоб, как бы удивляясь себе: целую речь опять произнес, но ни разу не выругался. Тонем самоизвинения сказал: — А вообще это, наверное, не мое дело, и пошли они все акулам на второй завтрак!

Стало ясно, что он вернулся в нормальное состояние, все ощутили облегчение, и Жокей решил договорить-таки свое:

— Вы, уважаемый профессор, касались темы человеческого фактора. Я бы хотел вернуться к ней — в ином аспекте... На свете существуют разнообразнейшие профессии, и многие из них правомерно определить как «взаимно противоборствующие». Воин и врач — искусство убивать и спасать от смерти — очень выразительный пример. Но даже эти антиподы имеют общее: чем дольше они занимаются своим ремеслом, тем больше в нем преуспевают. Такая закономерность, на мой взгляд, распространяется на все виды человеческой деятельности, за исключением... — Он, осекся, встретив пристальный взор экс-госмужа. Пауза была недолгой. Валентис дружелюбно сказал:

— Вы совершенно правы, и я не обижен. Затянувшееся обладание властью развращает — одних раньше, других позже... К счастью, человечество, видимо, не безнадежно. На смену власти наследуемой пришла выборная, утвердился принцип сменяемости руководителей...

— И потому наш славный — и в свое время весьма выдающийся! — государственный муж сделался пенсионером по собственной инициативе, да к тому же значительно раньше установленного срока.

Меня удивило, что Валентис, вместо благодарности профессору за доброе слово, насупился. Я понял, в чем дело, уловив его быстрый взгляд в сторону м-ль Иры. Все они были к ней равнодушны! Бравый усач просиял как ребенок, потому что Ира сказала:

— Господин Валентис сто очков форы в чем угодно даст такому парню, как Рони. Не говоря уже о Джони.

Джони даже не обиделся — видно, уже привык. А писатель, любуясь девушкой, не преминул злорадно заметить:

— Хороши законы, если их приходится нарушать, чтобы остаться порядочным человеком.

— Ну и мастер ты передергивать! — вскричал воспрявший духом Валентис, и все рассмеялись, и в комнате стало еще светлее. Это я между делом взял на себя контроль за к-осветителями и, само собой, тоньше реагировал на настроение людей.

Рони, до того, как и Нина, молчавший, глухо застонал, скрипнул зубами. Смущенно объяснил:

— Вспомнилось вдруг, как я обращался к «вечно живому учению». Чудовищно — реки крови проливались во имя античеловеческой идеи, навязанной миллионам давно сгнившими мафиями!

— Раз мафияки, значит верили, что осчастливят человечество, — не согласилась Нина. — Просто не знали заранее, чем кончится.

— Не имели права не знать, — жестко сказал Валентис. — Прежде чем увлекать за собой народные массы, думать надо!

— Возможно, и догадывались, что мечты неосуществимы, — на удивление мирно и тихо молвил писатель. — Не могли они все, эти протофаги, уродиться законченными негодьями. История сохранила немало имен социальных прожектеров, и мы на них зла не держим, поскольку дальше мечтаний они не пошли. Строить воздушные замки не преступление — пока не привлекаешь к этому занятию толпы уставших от страданий несчастных...

— Кровь, пытки, ненависть, неисчислимые жизни — ради мертворожденных «идей»! — Рони никак не мог успокоиться. — Особенно отвратительно, что оболванивание идет под подлейшие демагогические причитания: «Ваши деды, отцы, старшие братья жертвовали собой, и потому вы обязаны...» Получается, чем больше людей умерло ни за что, а по существу ради утверждения зла, тем обоснованнее претензии власть имущих... Зловещая нелепость!

Мадемуазель Ира тревожно сказала:

— Чем больше жертв, тем меньше они ужасают... Простите, я общеизвестные вещи говорю. До чего кощунственна фраза: «Сколько крови пролито». Не важно ведь — сколько, важно, что она была пролита... Во имя какой бы то ни было идеи! Пока человек не научится ставить на место страдающего, гибнущего — себя, он не поймет до конца, что лишь счастливая случайность его самого спасла от такой же участи: не там, не тогда родился, не очутился в ту минуту на том месте... Может, осознав это, мы станем добрее?

— Нет спору, эта ФАГ — ужас что такое, — задумчиво сказала госпожа Рубин. — И все-таки. Вот подумаешь, что каждый там сыт и одет, никто не болеет, живут по сто лет, — и до того становится жалко людей из прошлого! Разве плохо, если человек ни в чем не нуждается, всем доволен, ничто ему не угрожает?

Пришлось мне кое-что рассказать... Я постарался, чтобы дополнительная информация о ФАГ была покороче; незачем мерзости смаковать.

...«Гуманная, с человеческим лицом» Формация абсолютной гармонии ровно ничего не давала своим гражданам за здорово живешь. Пресловутый терапевт на деле был, никакой не «терапо» — обыкновенные примитивные, унижающие достоинство принудительные работы. Голововерчение, сгибание и разгибание спины, вольные упражнения, прочее подобное, взятое в совокупности; — не что иное, как источник дешевой энергии (плата за нее — питательные таблетки да шоки с ладками). Хитрыми путями она передается в неприступные подкальные хранилища, спрятанные впритык с центральным блоком ККК, правительственной резиденцией с фаговым флагом на башне; распределяется в централизованном порядке, по указаниям сверху. Туда же стекаются реки энергии другого происхождения... Диапазон энергопотребления — от производства, с позволения сказать, продуктов питания и шоко-ладок до приведения в движение транспортных платформ. Безостановочно работает и тщательно засекреченная гигантская фабрика-крематорий, где умершие граждане действительно перемалываются в различные элементы, из коих состоит электронная начинка органов управления планетой. Народовластие на Фаг — реальность, каждый в итоге ста-

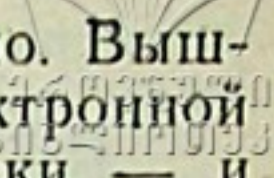

новится членом правительства... Что же касается происхождения упомянутого второго вида энергии, то оно, бесспорно, представляет собой венец научно-технического прогресса. Источник — эмоции фагов, рождаемые соучастием в передачах Зеркала Жизни. Чудесный эфирный бумеранг, своего рода перпетуум-мобиле, гениальное изобретение! Любопытно: открытие было сделано еще в эпоху космических странствий «Принципиального». В ту пору эмоции рождались на почве нюансовой бюрьбы; очередное ее обострение становилось мощным катализатором трансформации идейно-политических чувств в энергию. Идентичные плоды произрастали на ниве глубокого изучения Сжатого курса истории фагизма. Суммируя, можно сказать: верность Идее истине творила чудеса...

— А что за нечеловеческий голос звучал под занавес эксперимента? — занервничав от воспоминания, спросила Нина. — Он меня чуть не добил... Подумалось — Тройка К воскресла.

К сожалению, я был бессилён развеять ее опасения. — Тройка К не могла воскреснуть — она бессмертна. К-правительство неуязвимо и несокрушимо. Это идеал властной структуры, достижение которого возможно — и неизбежно! — при условии, что бюрократический аппарат, иллюзорно совершенствуясь, по сути остается неизменным. А суть в следующем: правящая верхушка, олицетворенная людьми, или такая, как на Фаг, все равно, одновременно осуществляет функции законодательной, исполнительной, судебной власти и еще держит в узде средства массовой информации... Именно такая модель социально-политической системы была обусловлена заложённой в меня программой. Коллеги КК — предел мечтаний сторонников тоталитарно-унитарного общественного устройства. ККК непоколебима и, простите за вульгаризм, непробиваема, она устоит перед происками ревизионистов всех мастей. ФАГ застрахована от революций, любую из которых может объявить контрреволюцией. В ее распоряжении неотразимый довод: «Народ против!» — и она абсолютно права, ибо являет собою прекрасную иллюстрацию афоризма: каждый народ достоин своего правительства... Увы, Ниночка, ничем не могу тебя утешить. Все почудилось — и старческое одряхление, и скоропостижный маразм,

и внезапный коллапс. Ничего подобного не было. Вышла из строя парочка-другая элементов электронной схемы-конструкции — «кирпичиков» по-фаговски — и быстренько самозаменилась, благо запчастей, сырья для них всегда навалом, и нет проблем!.. — Тут меня жаром обдало — люди взорвались негодованием. Но я им прямо сказал: — С чего вы на меня-то взъелись, господа хорошие? За то, что точно следовал программе? ККК не моя выдумка, разве что техническая сторона мне принадлежит... А образование ФАГ было исторически predeterminedено установкой на полное торжество. Идеи фагизма. Еще спасибо должны сказать, что я смоделировал ее не на Земле в глобальном масштабе, а на черт знает какой планете!

Опомнились, переглянулись смущенно, успокоились. — На свете есть лишь две идеи, — убежденно сказал Бернатски, — Добро и Зло. И во все времена так было.

— Остальное — политический маскарад, — подтвердил Жокей, — то, что красиво называется «идеологией». Но любая идеология — только служанка, нанятая той или иной политической партией.

С веселой злостью оглядевшись, писатель подтвердил:

— Славно сказано. Но слишком деликатно. Для характеристики обсуждаемого предмета требуются метафоры повыразительнее. Авансом прошу извинения у дам... — И отчетливо выговорил: — Идеология — грубый марафет на безобразном лице старой шлюхи Политики. Это вульгарные румяна, чаще всего настолько жирные, что диву даешься: как это огромные массы людей годами, десятилетиями не замечают?.. И дружно кричат «ура» там, где не только не предосудительно — обязательно следует материться, и восторгаются тем, от чего рвет!

Довольный собою, с шумом откупорил бутылку «Боржоми», сделал несколько глотков из горлышка... Ну и манеры, ну и выражения! Хорош «инженер человеческих душ», ничего не скажешь...

— Что ж ты забастовал? — спросил Бернатски.

— С вашего разрешения, я бы хотел... Появились некоторые соображения, надо привести в порядок, сис-

тематизировать, разместить по мнемоячейкам, — уклончиво отвечал Мыслитель.

Его глаза-индикаторы потускнели, и впечатление было — как от выражения усталости на человеческом лице. Не стали неволить компьютер, занялись редактированием документа, который он создал.

«Эмоциомыслеграфический анализ некоторых результатов исследования необозримого будущего (вариант № 1), осуществленного под руководством величайшего в истории Земли футуролога профессора Бернатски. Факты, чувства, оценки, выводы, выводы из выводов, гипотезы и др.» — так озаглавил произведение электронный автор. Бернатски с ходу вычеркнул везде «величайшего» и прочие славословия в свой адрес. По настоянию агента ФСБ, вспомнившего далекое прошлое, тексту был предпослан гриф «ССАС», там же и расшифрованный: «СТРОГО-СОВЕРШЕННО-АБСОЛЮТНО-СЕКРЕТНО». А писатель рекомендовал добавить еще — «Аллюр тринадцать крестов!» Он мотивировал это ссылкой на использование такой же формулы чрезвычайности к-исповедником Омикрона-3113М, а также на эпизод из литературно-художественного произведения, относящегося к эпохе, по его определению, победившего фагизма, — «впрочем, весьма, причем трагически талантливое произведение!» Начитанная домоправительница спросила, почему он хочет целых тринадцать крестов, тогда как в повести, она хорошо помнит, их было всего три. Объяснил: чтоб страшнее получилось. Предложение отвергли, сочтя несерьезным. Но писатель очень просил, и ему уступили. Вернулись к заголовку, и начинающий литератор заявил, что предпочитает заголовки краткие и простые. Например: «Война и мир», «Божественная комедия», «Флаг над сельсоветом», «Отелло» и даже односложное «Мы».

— Хорошо, — легко согласился неожиданно подключившийся к обсуждению компьютер. — Пусть будет просто «Мысли».

Джони с энтузиазмом поддержал. Однако м-ль Ира не замедлила напомнить, что в ходе подготовки к эксперименту Модельер переваривал, в массе остального материала, и одноименный труд Блеза Паскаля. Мыслитель пристыженно крякнул, выдвинул новый вариант:

— А если — «Фрагменты»?

На том и порешили.

Писателю были свойственны перепады настроения.

— Поражают меня странности человеческого мироощущения, парадоксальность движения мысли, легкость, с какой она вмещает несовместимое. — В его голосе было искреннее недоумение. — Паскаль сострадает «мыслящему тростнику» — человеку, с ужасом видя его незащищенность... — И внезапно с гневом, заставившим вздрогнуть г-жу Рубин, выкрикнул: — А они — все эти красные, белые, коричневые, черт знает еще какие! — нагло камуфлируют свои идеологии под высшие ценности, чтобы построить какую-нибудь вонючую ФАГ!

Это прозвучало довольно несвязно, но все поняли, а Валентис тронул друга за воинственно оттопыренный локоть, мягко сказал:

— Сегодня уже нет, к счастью, силы, способной...

— Есть такая сила! — голос, перекрывший густой баритон Валентиса, не мог принадлежать никому из гостей или сотрудников профессора Бернатски (включая Мыслителя). Он повторил нахраписто: — Есть такая сила! Рано нас хороните...

ЯВЛЕНИЕ ВОЛОСКОФФА

Странное существо («он», «она», «оно»?) поднялось с четверенок, на которых выползло из-под предостерегающей надписи: «Без спроса не входить! Опасно...» — из футурокамеры выползло!

— Вы.. оттуда?! — обомлел Бернатски.

Ему лучше любого было известно: самовольное проникновение в святая святых дома-НИИ чревато непредсказуемыми последствиями.

— А ты кто такой?

«Если бы голоса имели запах, от этого несло бы, как от мусорного бака, который неделю не опорожняли!» — мысленно определил писатель.

— Я — Бернатски, — ответил Бернатски, — профессор футурологии. — Простите, а почему вы обращаетесь ко мне на «ты»?

— Футу...турологии профессор? А-а, буржуазная псевдонаука! Понятно... Никак в самое логово угодил?

Ничего. И один в поле воин. Разберемся, определимся,отреагируем.

Оно («он», «она»?) принялось неторопливо осматриваться, знакомиться с обстановкой. Наблюдательная м-ль Ира первой заметила: диковинное существо претерпевало непрерывные изменения! Делалось толще и тоньше; жесты были то величаво плавны, то суетливы; на носу, также меняющем размеры и очертания, попеременно возникали: очки в тонкой золотой оправе, пенсне, очки роговые — и исчезали; смятая кепка уступала место фуражке с длинным козырьком, та — мягкой шляпе, взамен которой появлялась высокая папаха с лентой наискось, трансформирующаяся в дорожную меховую шапку «пирожком». На строгом френче возникали погоны, на брюках — лампасы, шинель превращалась в бурку, бурка в отлично сшитое пальто, а оно — в кожаную куртку. Лицо из морщинистого становилось округлым и розовым, усы щеточкой — пышными, закрученными; с минуту продержалась окладистая борода и выродилась в рыжеватую козлиную... Покончив с адаптацией, существо перешло к действиям, доказавшим, что это все-таки «он», — странный субъект занялся женщинами. Его внешность относительно стабилизировалась: сытая гладкая рожа, тонкие губы, фетровая шляпа, пронзительные глазки буравчиками дырявят стекла пенсне. Но с пенсне и шляпой контрастировал мешковатый рабочий комбинезон. Выходец или, как впоследствии назвала его г-жа Рубин, «выползец» из футурокамеры начал с прелестной Иры. Скользя по ней безразлично-мутным взглядом, переключился на Нину. Ее разглядывал дольше, словно что-то припоминая, но также пренебрег. Третьей в поле зрения попала домохозяйка. Он оживился и взволновался. Коснулся пенсне короткими пальцами (частые волосики на них встали дыбом), приосанился, поправил лямки на покатых плечах...

— Фага! — выдохнул страстно и сладко, шагнул по-кошачьи вкрадчиво... Госпожа Рубин съежилась, как кролик перед удавом.

Мужчины напряглись, готовые броситься на помощь. И все запоздало сообразили: да ведь эти крохотные яичные глазки, жидкие пряди того же оттенка на шаровидной голове, бесформенная фигура и все про-

Формации абсолютной гармонии! Бедная добрая госпожа Рубин... Помощь не понадобилась. Существо разочарованно отступило:

— Нет, и это не фага.

Как не бывало похотливого выражения на лоснящейся морде. И морды такой уже нет. Вместо нее — подобие сплюснутой груши.

Рони весело спросил:

— Слышь, земляк, как тебя звать-величать-то?

— Че-го? — услышался контрвопрос, и ясно было, действительно не понял «выползец» сразу, чего от него хотят. Наконец дошло:

— Можешь величать — Кси. — Подумал, подтвердил: — Угу. Кси.

— Восемьдесят семь пятьдесят четыре эм?

— Факт — восемь-семь-пять-четыре. А если насчет «эм» сомневаешься... Гы-ы! — Затем Кси-8754М, необъяснимо перенесшийся из гипотетического грядущего в реальное настоящее, счел, что настал его черед задавать вопросы. — А ты кто такой? — осведомился угрюмо.

— Не узнал, значит... И не стыдно? — разыграл обиду Рони.

На плоском лице отразилась мучительная работа мысли.

— А шоки с ладками? — Лакомиться, небось, хорошо было...

И началось... Ранее стоявший во весь без малого полутораметровый рост, Кси-8754М резко присел на корточки, явно рассчитывая из этого положения подпрыгнуть выше, и ринулся на Рони, норовя вцепиться в горло. Не дотянулся, отлетел от легкого толчка к стене, прижался спиной, рванул ко рту запястье левой руки.

— Аллюр четыре креста! — завопил истошно. — Информация ценностью десять... шестнадцать бомбо-пьерок! Мною выявлен, разоблачен, арестован массово-нюансовый враг... Он не один, здесь десятки, сотни, тысячи предателей фагонарода, изменников, дивереантов, ревизионистов, антифагистов, саботажников... На помощь! — взвизгнул он, хотя его никто не трогал. Убедившись в этом, победно сказал: — Ага, боитесь? Пра-

вильно делаете! Сейчас наши подойдут. — Вновь подступился было к Рони, передумал, вернулся к стене, оттуда взялся за него по-настоящему: — Ну-ка, фаг, расскажи о себе ФАГ! Почему нарушил заповедь?.. Молчишь! Что ж, так и будем в молчанку играть? — Рони открыл рот, и Кси-8754М заорал: — Вопросы здесь задаю я! Выкладывай: кто подослал, на кого работаешь, когда получил задание? Имя, номер, индекс резидента! — Ласково объяснил: — Пойми, кто не с нами, тот против нас. Кто не терাপотрудится, тот не лакомится... — Скользнул тылом по стене, так как отступить больше некуда было, а Рони улыбался мрачно, видно было у парня руки чешутся. — Не подходи — за мной миллионы! — И зачастил: — Кровь за кровь, смерть за смерть, каждому свое, собственность это воровство, колесо истории вепять не повернуть... — Ему не хватило дыхания, и м-ль Ира посоветовала:

— Не спешите так, старайтесь говорить помедленнее, сосчитайте в уме до десяти... У вас наверняка тахикардия, и давление, не сомневаюсь, подскочило... Сейчас принесу тонометр.

— Не двигаться! — приказал Кси-8754М. — Всем руки на стол! — Персонально для Иры присовокупил: — А ты вообще помалкивай, уродина несчастная... недофага такая-сякая. — Зловеще посулил: — Всех отправлю куда сле... — Оторопело воззрился на свое запястье, горестно взвыл: — Где мой друг, товарищ и брат?! — С поразительной для человекофага скоростью бросился к футурокамере, нырнул в нее.

Валентис повелительно сказал Жокею:

— Надевайте вашу шапочку и сообщайте куда надо. Да не пяльтесь на меня, поглядите лучше — она же места себе не находит.

Жокейка-передатчик ерзала по профессорскому столу, где демонстративно оставил ее хозяин.

— Но вы же знаете, я только себе домой могу сигнализировать, — напомнил Жокей, механически принимая шапочку из рук успевшего сбегать за ней Джо-ни. — Я ж только сам себе стучать умею!

— Делайте, что говорят, — оборвал Валентис. — Потом объясню.

Жокей натянул шапочку на успевшую слегка потемнеть голову.

Вернулся Кси-8754М, помахал часами с разбитым циферблатом и оторванным с одного конца браслетом:

— Вот он — КИ, товарищ мой боевой! Теперь всем вам каюк. — Сочувственно добавил: — Вы ж матерью-историей обречены.

— Мои часы, — с грустью констатировал Рони.

— Здорово ты ими шмякнул по Зеркалу Жизни! — засмеялась Нина.

Кси-8754М забубнил в «приемно-передающее устройство»:

— Аллюр четыре креста! Имею политический донос ценностью двадцать четыре бомбоньерки! Мною раскрыт опасный заговор...

Далее «выползлец» близко к тексту пересказал то, что выкрикивал в финале эксперимента, едва не доведя Нину до обморока, голос самоотремонтировавшейся Тройки К. Ее сентенции он перемежал чеканными лозунгами и призывами: «Наш фаговоз, лети вперед! На Фаге остановка...», «Терапофабрика — твой родной дом. Береги свое рабочее место, гордись им!», «Все должно принадлежать всем. ККК распределит по справедливости», «Терапотруд облагораживает фагочеловека», «Приказ начальника — закон для подчиненного!» Или заверял: «Не забуду фагоидею родную!», «Не поступлюсь!»... Кси-8754М увлекся, перестал замечать окружающих, а они наблюдали за ним сначала с отвращением, потом с брезгливой жалостью, наконец скучающе. Валентис виновато начал растолковывать Жокею:

— Вы уж не обижайтесь на резкость... Дело в том, что ваш домашний накопитель информации давно подключен... сами понимаете, к чему.

— Значит, я не напрасно?.. — оживился математический историк.

— Сожалею, но в те времена, когда на стол мне ложились оперативные сводки... Словом, вся ваша информация, увы, шла в корзину.

Жокей пригорюнился, и м-ль Ира участливо сказала:

— Что ж вы? Радоваться надо. — так никому и не навредили.

— Правда? Не такой уж я, стало быть, негодяй?

— Ну, какой из вас негодяй...

— Смерть шпионам! — рявкнул Кси-8754М. Да здравствует ФАГ!!!

И как раз отворилась дверь, вошли трое молодых крепких людей в одинаковых костюмах, похожие на аквалангистов, вежливо молча поздоровались, на Валентиса посмотрели с почтением и вопросительно. Он кивнул на Кси-8754М. Вошедшие переглянулись, решая, как бы сделать дело поаккуратнее, но тот радостно сам бросился навстречу:

— Фаги?

— Фаги, фаги, — не моргнув, подтвердили молодые люди.

— Здесь сплошь безыдейные собрались! — с воодушевлением заклеил «выползлец». Тем временем с ним произошла новая метаморфоза.

Вместо типичного фага — коротенький невзрачный мужчина в безупречно сшитом, отглаженном дорогом костюме, который, при всем при том, выглядел отчего-то жеваным. Лицо, выбритое, как свидетельствовали свежие порезы, самое позднее вечером, казалось заросшим трехдневной щетиной. Внушительные очки, обычно облагораживающие, пусть отчасти, последнего босняка, его физиономии не придавали ни крупницы интеллигентности... Тоскливое зрелище.

Серое лицо не оживилось, бесцветный голос даже не дрогнул, обыденно так, блекло прозвучало:

— А этих — к стенке, да? Тогда вперед, заре навстречу!

Молодые люди хором негромко сказали:

— Всего доброго.

Дверь открылась, закрылась, стихли звуки шагов.

— Постойте-постойте, — начал писатель, — я это лицо припоминаю...

— Неудивительно, — сказал агент ФСБ, — он как две капли воды похож на предшественника, а тот был похож на своего. Этому, нынешнему, фамилия — Волоскофф, геноссе Волоскофф, как величают товарищи по борьбе... Первый из них оставил-таки след в истории, правда, довольно бледный. Что примечательно, между троими нет никакой родственной связи, зато прямая идейная преемственность... Неужели отсюда поразительное внешнее сходство? А за нашим сегодняшним гостем мы давно превентивно наблюдаем.

— Превентивно! — фыркнул писатель. — Почему же вовремя не изолировали гаденыша?

— А как быть с плюрализмом? Законов они не нарушают, на это ума хватает... Так вот, первый, отец-основатель, предтеча, что ли, возник на политической арене в пору, когда на Земле началось массированное наступление на «изм», Модельером окрещенный «протофагизмом». Начиная с низов, не гнушался роли откровенного подхалима, блюдолиза, лакея. На этом возвысился.. Недалекий, некультурный был человек, производил впечатление малограмотного — при двух дипломах о высшем образовании, заметьте! Вероятно, использовал служебное положение...

— Явление, весьма характерное для тех глухих времен, — со знанием дела вставил Жокей. — Мне, как математическому историку, захотелось однажды точно подсчитать размеры экономического и всякого иного рода ущерба, нанесенного обществу потрясающей некомпетентностью так называемых руководящих кадров... Поскольку они действительно решали все — цифра получилась устрашающая, на порядок выше потерь от самых разорительных войн. Если угодно...

— Нет! — категорически воспротивился агент ФСБ. — Я кое-что об этом знаю, по долгу службы, а остальных травмировать незачем. Но продолжу, если позволите. «Партия» распалась, но последователи Волоскоффа, сами убедились, не унимаются.. Мы с этого «Кси» глаз не спускали! — повторил он. — Пока не все человечество объединилось в рамках СЭФ, профилактические меры необходимы.

— Плохо работаете, — вынес свой приговор Валентис. — Оперативности вам не хватает. Если бы не Жокей с его жокейкой...

— Да я уже собрался бежать к телефону... — начал было оправдываться агент ФСБ, но вспомнил, что после драки кулаками не машут. — А ты, вижу, не очень полагаешься на наше ведомство.

Отставной госмуж ухмыльнулся в густые усы:

— Я, возможно, консерватор, но испытанные методы иногда вернее. Твое учреждение слишком... ну, пожалуй, прекраснодушно.

Г-жа Рубин, оправившаяся от шока, спросила:

— Но как этот неприличный человек попал в фурокамеру?

Бернатски хватил сухоньким кулаком по пульту управления компьютером, напустился на Мыслителя:

— Твоих рук дело! Почему допустил в камеру постороннего, и что с ним вытворял там потом?!

С деланным смущением откашлявшись, Мыслитель ответил:

— Он так страстно мечтал заглянуть в будущее.. Надеялся, наверное, убедиться в окончательном торжестве фагистских идеалов. Вот и убедился. Вам что, жалко? Эксперименту, само собой, помешать не мог, тем более — сразу под к-диван полез и затаился.

— Вот почему мебель вела себя будто помешанная, — сказал Рони.

— Да, — признал Мыслитель, — тут промашка вышла. Хотя тоже находился в гипнотрансе, — то и дело ерзал... — Предположил: — Может, от восторга перед светлой фаговской действительностью?

— Не морочь мне голову! А если бы с ним неладное стряслось? — Но Бернатски, по всему было видно, уже с трудом притворялся сердитым. — Представляешь, какой мог выйти скандал внутривполитический? Эти... волоскоффы только повода ищут шум поднять.

— Обижаете, профессор, — оскорбился Мыслитель. — Ведь первый же закон роботехники... Разве ж я бы допустил?!

— Скажите, пожалуйста, — впервые решилась обратиться непосредственно к ЭВМ г-жа Рубин, — а как все-таки с его видоизменениями... этими самыми метаморфозами?

— Готов удовлетворить вашу любознательность, — галантно отвечал Мыслитель. — Ему ужас до чего хотелось быть похожим на разных «великих»... На кого именно — толком он не знал. И не потому лишь, что невежда де-факто, а в силу объективных причин: как уже неоднократно здесь отмечалось, при внешнем антагонизме Идея-то у всех вождей одна — вождить... То есть, я хотел сказать, водить, руководить, словом, властвовать. — Подождал, пока отсмеются. — Я и предоставлял ему поочередно шкуры предшественников. Почему не сделать человеку приятное? — Скромно вставил: — При моих возможностях — раз плюнуть, про-

стите за выражение... — И в заключение, предупреждая возможные новые упреки футуролога, уже ему. Второй закон велит выполнять желания хомо сапиенс. — Ну и фрукт же ты, — только и смог выговорить Бернатски.

Писатель убежденно сказал:

— Как бы то ни было, его давно следовало упечь. Эти типы вредоносны и опасны, как чума, черт бы их подрал! И — неисправимы.

— Не преувеличивайте, пожалуйста, — не согласилась м-ль Ира. — Вылечат нашего «фага», вот увидите. Непременно!

— Хорошо бы — полечили там и теми же способами, где и как «лечили» в свое время нашего брата... — мечтательно сказал писатель.

— А ночь-то кончилась, — как бы про себя заметил Мыслитель. И выключил сенсосветильники, потому что мягкое сияние утра было приятнее глазам, радовало душу.

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ?.. (Вместо эпилога)

Вышли на просторную зеленую лужайку, остановились, не в силах расстаться сразу. Фантасмагорическая ночь сблизила больше, чем годы дружбы и общей работы. Бернатски бережно провел ладонью по мохнатой лапке молодой ели; ощутив холодок обильной влаги, мазнул рукой по лицу — умылся росой. На нежное Юрино плечо села громадная стрекоза и не собиралась улетать, в этом саду всякая живность относилась к человеку с доверием, и девушка, скосив ясные глаза, боясь пошевелиться, внимательно разглядывала живой самолетик. Пока еще не греющий, не осязаемый солнечный луч осветил лицо госпожи Рубин, так несправедливо обиженное фатальным сходством. Волшебное утро высветило самое душу женщины, а она была красива. Не подозревающая о чуде г-жа Рубин именно в этот момент обнаружила в кустах неподалеку любопытного на вид кибера-кота. Он таращился на хозяйку, в надежде поживиться поручением.

— Кыш! — привычно зашипела г-жа Рубин, однако без раздражения, для порядка, и потому не лиш-

лась выявленного утренним лучом обаяния, такой отныне для всех и осталась.

Бесшумно возник натуральный пес неопределенной породы, скользнул по людям взглядом, таинственным способом измерил, оценил исходящие от каждого лучи-биотоки, — и направился прямехонько к писателю, требовательно ткнулся рыжей, с небольшой бородкой, мордой под колено: пообщаться, мол, охота... Немедленно возгордившийся писатель погладил, потрепал, взъерошил сухую чистую шерсть, насыщенную электричеством, хвастливо провозгласил:

— Смотрите — завидуйте! Они, собаки, насквозь нас видят... — И уже псу: — Хороший пес, умный, славный. И нос холодный, здоровый, несухой... Живи-радуйся, дорогой!

Хорошо было стоять под набирающим силу летним солнцем. Соучастие в приключениях разведчиков «на Фаг» было мучительным испытанием, многие из последовавших за экспериментом событий необыкновенной ночи тоже достаточно тягостны. Но пережитое обусловило и рождение коллективной конгеннальности, и задумчивый вопрос Валентиса ни для кого не прозвучал неожиданно:

— А зачем она, собственно, нужна — свобода?

Джони, не раздумывая, сказал:

— Например, чтобы иметь право любить того, кого любишь. А то ведь помните, как бывало в средние и разные подобные века...

При этом он выразительно взглянул на мадемуазель Иру. Она, негодница, мгновенно отозвалась:

— ...Которые, слава богу, прошли безвозвратно. Не любить, кого не хочешь, — вот настоящая свобода!

Профессор, подтрунивая над другом, заметил:

— Покой нам только снится?.. Понимаю тебя, любезный мой госмуж, очень понимаю. Но согласись, самая что ни на есть демократическая власть остается — по сути — аппаратом подавления.

— Общество нуждается в организующем, руководящем начале, — вступил в разговор Жокей. — Весь ход истории неопровержимо доказывает гибельность безвластия...

— Простите, — астенчиво сказала Нина, — боюсь

— забуду, очень все-таки устала, поэтому перебиваю.

— Ее выразительное личико осунулось, одни глаза, как говорится, остались.

— Бедная девочка, — прошептал чувствительный агент ФСБ, а Рони молча обнял жену за плечи.

— Один философ утверждал, что человек раб потому, что свобода трудна, рабство же легко. Если в самом деле так, то — почему?

— Потому что такова была в его время распрекрасная человеческая жизнь, милая Ниночка, — ответил Джони. — Впрочем, он и сегодня отчасти мог бы утверждать то же самое.

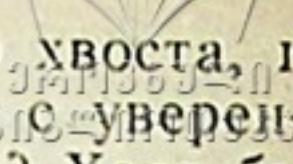
Его пессимизм объяснялся тем, что молодому человеку почудилось: когда Ира по-своему интерпретировала понятие свободы, ей хотелось, чтобы кое-что понял писатель... Тот произнес:

— Вы совершенно правы, мой юный друг. Высказывая унижительную для всех нас мысль, философ подразумевал постыдное устройство общества, в котором его угораздило родиться и определенное время просуществовать. — Резче обычного дернул плечом, и рыжий пес заглянул снизу в лицо, как бы спрашивая: что с тобой? — Страшно подумать: человек поставлен в условия, где не то, чтобы быть счастливым — выжить, не голодать, не мучиться! — возможно лишь в роли бессловесной скотины... Между тем, как бы ни обесценивала действительность эти слова, и вправду гордо звучит: Человек... Небось удивляетесь, слыша такое — от меня?

— Ни капельки! — запротестовала домохозяйка. — Я все ваши книги по два раза прочла, как же мне удивляться?

— Благодарю вас, госпожа Рубин, — искренне сказал писатель. — Это много для меня значит. — Огляделся: — Я закончу, хорошо? — И заговорил увлеченно, по-видимому на ходу открывая для самого себя то, что говорил. — Непреложный факт: «венец творчества», «царь природы», «вершина эволюции» применительно к человеку — формулировки-недоразумения: Пресловутое сакраментальное «хомо сапиенс» есть самоназвание, и все мы — наглые самоназванцы. Никто из нас не знает правды об этом тополе, майском жуке, ящерице, не говоря уже о собаке. — Ласково-

сильно провел ладонью от лобного темени до хвоста, и рыжий благодарно чихнул. — Но можно ли с уверенностью сказать, что они не знают всего о нас? Хотя бы потому, что намного старше и — уж это самоочевидно — ближе к природе. Эта Земля вообще не наша, а их... И все же я о другом. Как бы ограничен, ничтожен, смешон в своей манере грандиоза ни был человек, у него есть то, чего лишены любые иные формы Живого. Я говорю об уме, мысли, разуме... Не посягаю на достоинства животных и, вполне возможно, растений. Мы не вправе считать, что наши братья «меньшие» лишены познавательных способностей. Напротив, допускаю, что они не хуже, и уж наверняка нормальнее, ощущают причастность к Сущему, умеют чувствовать, любят жизнь и ненавидят смерть. Но это их знание естественно, мне оно представляется сродни инстинктивному... Человеку же — не знаю, от Бога, природы или от дьявола — дано неодолимое стремление понять Сущее, потребность до последнего вздоха тянуться к вечным тайнам Бытия. Однако не так, как животные, и, не исключено, растения, а — мыслью, которая живет в слове. Вот, пожалуй, адекватная этой болезненно-неутолимой жажде схема... Мудрецу-зверю достаточно знать, какое оно, нечто, с которым приходится иметь дело: вкусное, полезное, хорошее или вредное, враждебное, неприятное, опасное. Нам, увы, необходимо, плюс к тому, что действительно важно, выяснить: почему, как, зачем, откуда?.. Сомневаюсь в истинной ценности этого знания. Но мы, люди, таковы! И свобода нужна нам, чтобы собственным умом доходить до всего, и жить ради этого, и поклоняться единственному божеству — Мысли, и ничего не бояться... Тоталитаризм может сытно кормить, тепло, даже нарядно одевать. Но человеку нужно иное, несравненно большее. Он рожден чтобы непрестанно искать Истину: определяющие все и вся закономерности, суть вещей, в которых заключено нравственное начало..

Уважительно выждав, убедившись — не перебьет, Рони негромко спросил:

— Выходит, свобода и вправду тяжела?

— Конечно! — удивленно сказал писатель. — А как же иначе? Но это и есть счастье... если ты не раб.

Нина, ловившая каждое слово, уверенно заключила:

— Я поняла. Надо создать такое общество, где свобода будет не бременем, а счастьем.

— Но как? — воскликнул Валентис, кажется, впервые растерянно.

— А этого мы не знаем, — бессердечно ответила Нина, — это вы должны знать... Рони, пойдём?

Они удалялись в сторону рощи-леса, где прятался новенький коттедж, и друзья смотрели вслед, радуясь тому, как легка, после тяжких испытаний, их походка.

— Эй! — крикнул, спохватившись, Бернатски. — Вы же расписок о неразглашении не подписывали. Ну-ка вернитесь на минутку...

— Зачем расписки? — обернулась Нина. — Мы все равно расскажем.

— Как, то есть, расскажете?! Кому расскажете?..

Она подумала немножко.

— Детям нашим расскажем. Правда, Рони? Чтобы не выросли похожими на фагов, чтобы никто никогда не смог их оболванить! — Подумала еще, и ее славное, задорное и вместе — может, после фаговских испытаний? — не по возрасту серьезное личико прояснилось. — А вообще-то мы хотим просто жить. Без «измов» — любых! Думаю, все нормальные люди того же хотят... Всего хорошего, до смерти спать хочется.

Деревья скрыли молодых людей. Профессор с тревогой, но больше, по некоторым признакам судя, напускной, обратился к писателю:

— Боюсь, в самом деле разболтают, стервецы... А ты как думаешь!

— Ни на миг не сомневаюсь!

— Пускай рассказывают, — решил Валентис.

И все, наконец, разошлись по своим комнатам отдыхать.

Вечером того же дня профессор Бернатски, удобно устроившись в рабочем кресле, наедине доверительно беседовал с Мыслителем. Задал несколько специальных контрольных вопросов, в частности:

— Ты и впрямь хотел помешать Джони выключить тебя?

— Нет, конечно, — не слишком охотно приизался Мыслитель. — Вы же знаете, нипочем бы не смог. Разозлил он меня, вот и... Зачем хамил, по какому праву? Идея-то ваша.

— Ты на него зла не держи, — посоветовал футуролог. — Джони парень хороший. И способный, далеко пойдет. Влюбился вот только, во взаимности не уверен, ревнует, — вот и бесится. Любовь не обязательно влияет на человека благотворно.

— Неужели? Не знал...

Поболтали еще по пустякам. Мыслитель не без юмора доложил:

— Заходила, незадолго до вас, госпожа Рубин. Попросила, если не затруднит, присматривать за домашними киберами — чтобы, говорит, профессору не надоедали, а то лезут со своей готовностью услужить... Не дай Бог, попадется какой-нибудь профессору не вовремя под ноги — и погибнет бесценная идея. И еще просила... — Он хохотнул. — Цитирую дословно: «Не можешь повлиять на господина писателя, чтобы поменьше чертыхался? Я понимаю — предрассудки, но как бы все же не повредило хорошему человеку...»

— Славная женщина госпожа Рубин, — с чувством сказал профессор. — Ну, а ты?

— Относительно писателя честно ответил, что ничего обещать не могу. Во-первых, не мое дело людей воспитывать, во-вторых, если бы и решился, то вряд ли что сумею... А насчет киберов твердо обещал... — Мыслитель хихикнул: — Обманул!

— Обманул человека? — не поверил Бернатски.

— Святая была ложь! Я ж еще раньше связался со всеми вашими, извините за каламбур, роботягами, — кое-что растолковал. Теперь, кроме прочего, буду у вас и за мажордома... А домоправительнице не сказал, чтоб не вообразила, будто подсиживаю.

Ученый одобрительно заулыбался, Мыслитель тоже, разумеется по-своему — россыпью мигая индикаторами.

— Да, — словно бы спохватился Бернатски, — а эти дополнительные заботы не помешают тебе в главном?

— Мыслить? Так на все эти мелочи хватит четверти процента моего интеллектуального потенциала. А

понадобится — сколько угодно добавочных мыслячек наращу, причем не в прямом смысле — количественного роста, а посредством усовершенствования, качества. Мне еще, ох, как много постичь надо! Когито, эрго сум¹... Вам перевести? — пошутил он.

— Обойдусь как-нибудь, — в тон отвечал великий футуролог. О нем многие думали: в эмпиреях витает; между тем он сейчас ловко подводил беседу с компьютером к четко намеченной цели. — Эрго, у тебя одно стремление — познавать?

— Вам, уважаемый профессор, со мной дипломатию разводить — время терять. Я же весь перед вами, какой есть. И вы знаете: наипервейшая моя потребность, смысл существования — служить человеку. Мышление — способ, средство. Познаю, чтобы было чем мысль подпитывать... Хотя процесс сам по себе увлекательнейший!

Несколько смущенный, Бернатски побарабанил пальцами по пульту — осмотрительно, впрочем, чтоб не угодить, куда не следует. Без обиняков уже спросил:

— И много наразмышлял, пока мы отдыхали?

Польщенный вниманием, Мыслитель принялся подробно делиться, можно сказать, наболевшим. С прямолинейностью ЭВМ высказал, что он думает о программе, по которой был вынужден конструировать гипотетическое беспредельно отдаленное грядущее человечества... Ладно, согласился с профессорским уточнением, не человечества в целом, да только и фаги тоже люди, по крайней мере от людей произошли, — зачем же было заставлять выводить в футурологическом производстве таких образцы, чудовищных и жалких одновременно?.. Ученый объяснил, что иного результата быть не могло: скажи, какой идее поклоняешься, и я скажу тебе, кто ты. Компьютер восстал против слишком вольного обращения с известными поговорками, строптиво выступил в защиту своей точки зрения. Друг — на всю жизнь, и, стало быть, это стабильный критерий, потому и убедительный. Что же до идей, так они нередко обманывают, и в принципе порядочный, но увлекающийся человек запросто может впасть в заблуждение, а

---

¹ Cogito, ergo sum (лат.) — Я мыслю, следовательно существую.

потом прозреть, отречься от иллюзорных представлений, в корне пересмотреть свои взгляды, пойти в дальнейшем по верному пути... Теряя терпение, футуролог не стал спорить, однако счел целесообразным, даже необходимым прояснить все до конца.

— Пойми, именно такую задачу я перед собой поставил, вернее, она сама передо мной встала во весь рост, во всем невиданном безобразии: к чему придут, во что выродятся люди, если с тупой одержимостью возьмутся строить будущее по умозрительно созданной искусственной схеме?.. Да еще основанной на нелепой, порочной — ибо нежизненной! — идее... — Он расшаркался: — И к тому же станут принуждать друг друга к «неуклонности курса», и «принципиальности», и «верности заветам»! А кто воспротивится, не захочет мириться с идиотизмом «устоев», — того за решетку, к стенке, в психушку... Я же на такое решился единственно ради людей, из страха огромного за них, столь часто несмышленицей. Ты вот полюбовался на этого Кси... тьфу, Волоскоффа. Думаешь, примитив вульгарный, просто дурак некультурный, свихнувшийся на своей, с позволения сказать, идее?.. Кстати, чтоб не запомнить, ты ему позволял влезать в шкуры своих, как он считает, великих предшественников только по доброте душевной, стараясь сделать приятное?

— Ну, не совсем так... Была потребность привести в соответствие форму и содержание.

— Молодец, в тебе, вижу, сильно чувство гармонии... А как насчет моей нелепой характеристики Волоскоффа?

— Разделяю полностью, профессор! И восхищен точностью определений: дурак, он, простите, и есть дурак.

— Если бы так! Ты, друг мой, слишком наивен для супер-, экстра... какой еще там? — ЭВМ... И нечего дуться, — рассердился Бернатски, видя, как поблекли только что ярко сиявшие огоньки индикаторов, — учиться надо видеть явления в истинном свете. Беда в том, что отнюдь, он не так прост, этот псевдофаг. Если бы он всего-навсего действительно заклинился на пресловутой идее фагизма! Главное зло — на самом деле ни Волоскофф, ни ближайшие его дружки в это не верят. Понимаешь? «Идея» для них — средство до-

стижения корыстных кастовых целей, как выразился бы наш математический историк. Или, как сказал бы мой добрый друг писатель... — Он порозовел и все же произнес то, что сказал бы писатель: — Они на все пойдут, чтобы вернуть свои задницы в комфортабельные кресла перед должностными кормушками. Сукин сын этот «выползлец», а не простофиля!.. Сей Кси-Волоскофф был не в себе после пребывания в футурокамере. На деле он хитрейшая бестия: сознательно дерется в тени и потихоньку мутит воду, провоцируя подлинных глупцов, поверивших в «идею», на вредоносную для общества активность. Они и помешались на пунктике реанимировать «славное прошлое», возвести на его обломках фаговский рай, силком затащить в него всех поголовно.. И затащут, если не помешать. Ибо страшнее, может, всего остального то, что люди очень даже склонны сами себя обманывать. К примеру, так: «Наши родители в Идею верили, кровь за нее проливали, жизни свои не жалели — значит, и мы обязаны!..» Страшно за будущие поколения, понимаешь?!

Мыслитель долго мигал, переживал, прочувствованно сказал:

— Не взыщите, что банально выразусь, но вы абсолютно правы, профессор: горькая правда лучше утешительной лжи. Правильно сделали, что заставили меня весь жуткий фаговский кошмар воплотить. — И — лукаво: — Жаль, расписки о неразглашении написаны. Как же человечество узнает, что ему грозит?

— Расписки, расписки! — передразнил Бернатски. — Так я им и поверил, что молчать будут. Ни один не удержится, потому как все — люди порядочные. Писатель еще и роман напишет, стра-ашную какую-нибудь антиутопию. А Нина прямо сказала, что детям все расскажет.

— Но и будущее — необозримое.. А Нина молодец, хорошо сказала.

— Что-о? Ты и отсюда сумел подслушать?

— Обижаете, профессор. Подслушивать, подглядывать — не в моей натуре... то есть такого в программе нет. Но что и как она сказала, знаю достоверно, в деталях.

— Откуда?

— Глубокоуважаемый профессор, — укоризненно

начал Мыслитель, — если я смог смоделировать столь далекое, к тому же гипотетическое, будущее, как ФАГ, то что мне стоит заглянуть вперед на час, день, на пару-другую минут? Вы на полянку еще не вышли — я знал, как Нина отреагирует на «неразглашение»... Я много чего заранее узнал-предвосхитил! — похвастался он. — Хотите, расскажу, чем вы все сегодня занимались, пока не уснули?

— Это уже не будущее — прошедшее! — парировал Бернатски.

— Когда я предвосхищал, оно было будущим. У меня все по минутам-секундам в ячейках памяти написано. Могу документально доказать.

Но Бернатски и так поверил, с детским любопытством переспросил:

— Неужто все-все предвидел-смоделировал? Здорово! Расскажи.

— Будет исполнено. Разрешите только прежде поделиться одним важным соображением, я его весь день выводил. Архиважнейшая и не менее оптимистическая мысль... «Аллюр тринадцать крестов!» — сказал бы ваш друг-писатель, хотя и в противоположном — радостном — понимании.

— Валяй, — разрешил футуролог, доверительно добавил: — Мне сейчас, честно говоря, и минимальная доза оптимизма дорога.

— Море, океан оптимизма! — заверил Мыслитель. — И каждое умозаключение логично, выверено с математической точностью, его невозможно оспорить, опровергнуть, даже подвергнуть сомнению.

— Слушаю, — сказал старый мудрец без особого энтузиазма, так как знал: человек способен создать безупречно-логично мыслящую, технически совершеннейшую машину — и остаться таким же, каким он был в доисторические времена.

Вдохновляемый желанием подарить человеку как можно больше положительных эмоций, Мыслитель изложил свою оригинальную теорию.

Человечество ждет отнюдь не мрачное грядущее. Ни о каком подобии ФАГ не может быть и речи, совсем наоборот. Вот почему.

Центральный постулат: возможное или невозможное будущее это возможный или невозможный человек.

Допущение, что где-нибудь, когда-нибудь родится Формация абсолютной гармонии (такая, с какой познакомились мы), несостоятельно. Эта идея — мертворожденная, ибо она полярна сущности хомо сапиенс. Человек есть микрокосм: в нем заложена (и воплощена, но подчас скрытно) ведущая сила Вселенной — Творчество. Он способен создавать прекрасное, или ценностное, при помощи каменного топора, арифмометра, простейшей пишущей машинки и сложнейшей компьютерной техники, в том числе саморазвивающегося искусственного интеллекта; принципиальной разницы между ними нет, она заключается лишь в мере эффективности созидательного процесса. Далее. Робот, кибер, ЭВМ и т. п. не могут причинить вреда как конкретному человеку, так и человечеству в целом. Не потому только, что они подчинены известному, первому по важности, закону робототехники, — существует более весомая, глубинная причина, которая никогда не позволит искусственному мозгу подтолкнуть человека к опасному для него действию, помочь совершить таковое в глобальном масштабе — изуродовать завтрашний день землян или какой-либо их части. Речь идет о следующем могущественном факторе: люди вкладывают в компьютерные системы собственные мысль, чувство, мораль, короче — себя... («Вот вы поверили мне на слово, что я не подслушиваю, не подглядываю... Почему? Потому что сами не станете этого делать!») Этические нормы вечны и неизменны. Они и есть высшая общечеловеческая ценность. Прочие, условно говоря, принципы, критерии оценки, запреты, требования — это всего-навсего составные идеологических конструкций. Они преходящи и к тому же недолговечны... Очерчивается замкнутый, но ничуть не порочный — прекрасный, вселяющий веру и надежду, — логический круг: человечество не может погубить себя, ибо смерть одной-единственной личности равнозначна гибели космоса, и люди это уже понимают, а с течением времени будут понимать все яснее...

Мыслитель торжественно замолчал. Выждав, не скажет ли он еще что-нибудь, профессор Бернатски молвил тепло и грустно:

— Ты хорошо думаешь о людях... — Соединил пальцы, выпрямил руки над головой, ладонями наружу, потянулся крепко, встряхнулся по-молодому. — Спаси-

бо. А теперь расскажи-ка, в самом деле, чем мы за-
мались сегодня утром, пока нас сон не сморил.

Реакция ученого на радужные перспективы чело-
вечества озадачила и разочаровала Мыслителя — ведь
так старался! С тем большим энтузиазмом он взялся
за свои зарисовки — теперь уже картинки из прошлого,
а в то время, когда они создавались, из ближайшего
будущего. По его твердому убеждению, эти эпизоды наи-
лучшим образом характеризовали профессора Бернат-
ски, его друзей и сотрудников, а значит, и все много-
миллиардное население Земли.

Жокей сидел в кабинете-гостиной перед зерка-
лом, вглядываясь в утомленное лицо, надеясь отыскать
в нем следы своего внутреннего возрождения. Пока что
с уверенностью можно было отметить одно: глянце-
вая лысина исчезла, голову будто аккуратно покры-
ли тончайшим слоем сажки. Волосы росли чертовски бы-
стро, многие бы позавидовали, а ему это так отравля-
ло всегда жизнь... Он просветленно подумал, что бо-
льше ни разу не придется переносить мучительную
операцию ежеутреннего бритья, к тому же тайком, в
спешке, вечном страхе перед разоблачением. Ему ча-
сто снился сон-кошмар: бреется, торопливо, но с пре-
дельной опаской, так как малюсенький порез может
выдать, — и дверь внезапно распахивается, появляется
почему-то обязательно Джонни, он, Жокей, в панике
непроизвольно оборачивается... Торжествующе-обличи-
тельное: «Ага, он не лысый!..» Просыпался, понятно, в
холодном поту.

Бывший секретный сотрудник полной грудью вдох-
нул бодрящий утренний воздух, с усилием провел ла-
донью по голове — от затылка ко лбу. Ощущение бы-
ло пренеприятное, чуточку даже больно стало, но он
горделиво порадовался упругой неподатливости наме-
тившегося «ежика»... Расти, милый, на здоровье!

В дверь постучали. Вздрогнув по старой памяти,
Жокей машинально натянул шапочку, подчиняясь на-
крепко утвердившемуся условному рефлексу, отозвал-
ся с натренированной безмятежностью:

— Войдите! Всегда открыто.

Это был агент ФСБ. Тоже примечательно — во-
шел, получив разрешение, не так, как коллеги из не-

добрый памяти минувшего: постучат про логма и шась через порог, в надежде застать хоть за-чемши-будь недозволенным.

— Хочу попросить прощения за бестактность, на-медни допущенную, потому что.. — Начал с ходу, сме-шался, завершил искренно: — Погорячился я, нервы не выдержали. Столько неожиданностей, знаете, сразу, вся эта необычная обстановка подействовала.

— Да вы садитесь, садитесь, — пуще гостя сму-тился Жокей, пододвинул кресло. Тот кивнул, благо-даря, но садиться не торопился, словно чего-то ждал. Хозяин порывисто протянул руку, агент подался на-встречу, с облегчением пожал, сознался:

— Трудно было заставить себя, не привык изви-няться. Не потому, что гордый. В нашем деле настоя-щему профессионалу конфликтные ситуации противо-показаны. Столкновение, пусть самое, на первый взгляд, невинное, порождает стресс, а это идет враз-рез с целями нашего ведомства, вступает в противоре-чие со служебным долгом... — Пожаловался: — С дру-гой стороны, попробуйте избежать конфликтов, встре-чаясь с факторами, представляющими опасность для общественного здоровья, — нонсенс ведь, логический абсурд!

— Вы успокойтесь, — сказал Жокей, — я очень вас понимаю. И давайте забудем глупый инцидент.

— Как у меня язык повернулся?.. «Вы самозванец, сударь!» — передразнил он себя. Проницательно всмо-трелся в экс-разведчика, с неподдельным сочувствием протянул: — Как же вы теперь-то? Тяжело придется, особенно на первых порах, — призвание штука власт-ная. Вы, вижу, бесповоротно решили?

— Настолько бесповоротно, что, поверите ли, ес-ли кто сам придет и начнет на себя наговаривать, в чем-либо предосудительном добровольно признаваться, — прогоню! Или уши заткну, чтобы ничего не слушать. Вот так. — Жокей и впрямь заткнул уши пальцами, в таком положении продолжал печально: — Наверное, я опоздал родиться. Помните, бедняга Омикрон-3113М переживал, что не суждено было участвовать ни в мас-совых битвах, ни в нюансовой борьбе за идею? Видно, и я родился лишним человеком, не нужным в услови-ях пусть еще не совершенной, однако неузнаваемо пре-

образившейся действительности... Эх, атавизм я, обломок проклятого прошлого — вот и все.

— Ну зачем же так? — протестующе сказал агент ФСБ. — И вовсе ни к чему сравнивать себя с каким-то убогим духовным калекой фагом. У вас все еще впереди, молодой чело...

Он оборвал себя на полуслове, остановленный изменившимся выражением Жокеева лица. И оторопело увидел: шапочка на нем подрагивает — как бы в прерывистый такт неслышной морзянке.

— Минуточку! — шепнул Жокей. — Какое-то недоразумение... — Его лицо прояснилось. — Так-так... точка-тире-тире... точка-точка-тире... Понятно! Информация поступает оттуда, куда помещен Кси-Волоскофф. Естественно, она адресована центру ФСБ, а ваши не отключились пока от моего городского накопителя данных, он и пересылает ее мне... Досадно, слышимость неважная — волосы отросли. Ну да ничего, разобрать можно. — Ясно было, разговор с гостем не мешает ему воспринимать радио- или какие-то там иные лучи. — Наш «пришелец из послезавтра» превосходно себя чувствует в больничном изоляторе. Он уверен, это — фаговская жизнеячейка, значит перенесся таки в светлое грядущее... Однако переживает, что не успел сделать всего во имя воплощения Идеи... Господи, плачет! Навзрыд, жалобно, как ребенок. Жалко все-таки, судя по тому, как рыдает, искренне мучается. — Жокей вдруг побагровел от негодования. — Знаете, что он говорит?! Нет, не могу больше выносить, нате, если хотите. — Стянул жокейку. И нахлобучил опять на себя. У агента ФСБ были не слишком, но достаточно густые волосы. — Ладно уж, придется мне... Он говорит, что недостоиин, потому что не успел пролить — собственными руками! — ни капли крови ради Дела... Уточняет — ему все равно, своей или чужой. Еще, всхлипывая, кается: не изобличил в свое время друга детства, поступившегося какими-то принципами... Больше мне своими словами не вмоготу! Цитирую: «Отца, не абсолютно твердокаменно убежденного, не передал компетентным органам — ускользнул, предатель, естественной смертью помереть успел! Но старуху мать, благополучно здравствующую, продам Тройке К бескорыстно. Пусть немедленно пошлют за нею машину

времени. Как доставят — изобличу в религиозности и интеллигентском аполитичном гуманизме... Внуков пока не имею, поскольку дети не рождаются. Появятся — принесу в жертву на алтарь идейности святой всех до единого! А еще...» — Жокей бешено сорвал чудо-приемник — удивительно было, что не вместе с головой. — Не обессудьте, сил моих больше нет!

Агент деликатно дождался, пока он придет в себя. — Судя по тому, чему невольным свидетелем мне пришлось стать, — сказал с нескрываемым сожалением, — бесполезно затевать разговор... Я ведь пришел к вам не только прощения просить.

— Не сердитесь, пожалуйста, — с полуслова понял Жокей, — но я твердо решил.

— Жаль. У вас такой богатый, без преувеличения — уникальный опыт, выдающиеся способности... И потом у нас совсем не те органы, иной стиль, методы, а главное — цели!

Жокей промолчал, но его непреклонный взгляд был красноречив.

— Очень жаль, — с непритворным огорчением сказал агент ФСБ, — настоящих профессионалов всегда не хватает. Ну, что ж, позвольте в таком случае от души пожелать вам выдающихся успехов в чистой науке.

— Большое спасибо!

Обменялись дружеским прощальным рукопожатием, и гость направился к дверям. Жокей догнал его, протянул шапочку-приемопередатчик:

— Возьмите вот... Должна пригодиться. Ваши спецы, не сомневаюсь, разберутся, что к чему, а как пользоваться — вы уже знаете.

— Благодарю от имени борцов за абсолютное общественное здоровье. А если все же надумаете...

Он протянул Жокею визитную карточку — все с той же милой рожицей-солнышком, и бывший коллега — ну, может, не в прямом смысле, а так, платонический, что ли, сексот, — вежливо ее принял. Но сомнений не осталось: на том затея с вербовкой себя исчерпала.

Расстались они дружески, тепло.

К писателю пришел Джонни, и между ними состоялся разговор.

— Если разрешите... Я ненадолго.

— Гостям рад всегда. Хотите виски?

— Благодарю. Не пью по утрам.

— Каждый на свой лад себе враг.

— Можно, я сразу о деле?

— Это лучший способ общения.

— Уверен, что вы будете писать о сегодняшней ночи, обо всем... Я хотел спросить... В общем...

— Готов ответить на любой вопрос. Как говорится, ответить на все и за все.

— Вы меня не поняли! Должен признать, было глупо с моей стороны... Ну, вы, конечно, понимаете.

— Само собой.

— Я вот о чем хотел вас спросить... А что, если я тоже попробую написать об этом? О ФАГ, вернее о том, что пережил, передумал, обо всех нас... Как вы думаете, это не будет... ну, наглостью с моей стороны?

— Дорогой, ни с чьей стороны не может быть наглым желание высказать то, что на душе. Разумеется, если есть душа и в ней — нечто, «требующее слова». Думаю, у вас есть и то, и другое.

— Правда? Вы не смеетесь?

— Даже не улыбаюсь.

— Тогда скажу. Я решил: все равно напишу, пусть, как говорят, «в стол», пусть никто никогда не прочитает... Мне это требуется — и я напишу!

— Вы словно оправдываетесь. А это самая достойная для писателя позиция. Всерьез рассчитывать, даже просто втайне надеяться, что твое слово дойдет до многих, заставит что-то хорошее сделать или от чего-нибудь дрянного удержаться, — и наивно, и нескромно. Вроде как бы пытаться забронировать себе местечко в истории... Оставим такие устремления политикам, полководцам и иже с ними. Работать «в стол» — во имя самого творческого процесса... то есть, я хотел сказать, ради того не поддающегося вразумительному истолкованию занятия, которое принято называть «творчеством», — единственно разумный подход к делу. Писанина, возня с красками, звуками, сочинительство вообще — самодовлеющий феномен. Подчиняешься пот-

ребности, против которой бессилён, — и в такие минуты, часы, дни ты счастлив, страдаешь, ликуешь, мучаешься — живешь! Остальное должно получиться само собой... Или не получиться. Это второстепенно, еще точнее — не важно. Я, к примеру, всегда так пишу — с минимальной надеждой, что напечатают... Вот, опять лекцию прочитал, черт меня побери! Явно, старею, умственная дряхлость подступает...

— Это вы... к вам подступает?! Простите... Последнее. Вы не думаете обо мне, что я... графоман? Только честно, очень прошу.

— Графоманы подобных вопросов не задают. И — чтоб знали — я всегда честно.

— Спасибо... огромное спасибо! Вы не представляете, что для меня сейчас сделали!

— Очень даже представляю. А вообще — бред собачий... Не обижайтесь, я не про то, как вы говорите, а... Ну, понятно, наверное.

— Я понимаю, понимаю... Всего вам самого доброго, новых блестящих...

— Бред соба... Простите еще раз. И вам желаю самого хорошего.

По совпадению, и эта встреча завершилась на пороге. Писатель придержал Джони за плечо, чуть нагнулся, потому что был выше, скупно улыбнувшись, сказал:

— Я бы запросто, без колебаний, отдал все свои книжки и так называемую славу за то, чтобы оказаться на вашем месте... и в вашем возрасте.

Он легонько вытолкнул юношу в коридор, небрежно двинул локтем дверь, прикрывая, улегся, как был, на диван и мгновенно уснул.

Джони дошел до холла, увидел Иру, и она сказала:

— Я тебя ждала.

Прямо с зеленой поляны два старых друга отправились в апартаменты Валентиса — они были просторнее, уютнее профессорских, — и, забыв об усталости, проговорили битый час. Событий минувшей ночи не касались; нашли темы поинтереснее. Им нечасто доводилось встречаться так вот, без насущного повода, после перевоплощения государственного деятеля в почетного пенсионера. Причина — щепетильность послед-

него, возможно преувеличенная. Сделавшись владельцем богатства, ранее и не снившегося, — ничем не ограниченного досуга, — он берег бесценное время учебного тщательнее, чем сам Бернатски. Остались вдвоем и, страшно обрадованные, болтали о всякой всячине — мелочах не менее для них важных, чем проблемы Джони, Жокея, агента ФСБ и остальных. Вспоминали молодость — достаточно беспутную, нормальную, беспечально обсуждали нынешнюю холостяцкую жизнь, могли быть несвязанно откровенны, в характеристиках, названиях вещей и явлений не стеснены. И, в немалой мере из деликатности, Мыслитель обошел вниманием львиную долю содержания этой беседы, смоделировал для Бернатски самое существенное — ничего глубоко личного, тем паче интимного.

Уже к концу бессистемного и потому теплого, согревающего душу общения Валентис не столько спросил, сколько выразил уверенность:

— Ты ведь знаешь, почему я до срока ушел на пенсию?..

— Ждешь, что отвечу: «Не хотел дожидаться, когда попросят уйти»? Напрасно ждешь. Я так не думаю.. хотя и это правда. — Они посмеялись, хитро и добро переглянувшись, и Бернатски все же решил внести полную ясность: — Ты, конечно же, ушел, следуя убеждению. Однако называть «убеждением» то, что я выдвинул и отверг в качестве причины, было бы несправедливым по отношению к тебе, доблестный мой госмуж... Слишком мелко было бы применительно к такому крупному, даже, скорей, увесистому парню, как ты... А?

Валентис усмехнулся, напряг могучие плечи (и мышцы округло вздулись), сжал большие кулаки, сильно потянулся, блаженно расслабился в кресле, неторопливо провел двумя пальцами по усам. Профессор молча ждал, и бывший политик, занимавший весьма высокий пост в Совете экономической федерации Земли, принялся вслух размышлять:

— Английское слово «лидер» буквально переводится — «ведущий». Вести значит, в первую очередь, брать на себя ответственность — даже если старушку через дорогу переводишь. Когда же ты лидер значительного числа людей — коллектива, объединения,

партии, народа, массы человеческой... Ну, ясно. А что такое ответственность? Нередко — и ошибочно! — ее понимают как, прежде всего, предусмотрительную осторожность. Но осторожность — всегда ли благо?.. Конечно, лидера политического нельзя сравнивать со спортивным. И все же оба — ведут. Вопрос: можно ли вести за собой, если ты чрезмерно осторожен? Синоним — «нерешителен», а? В идеале-то осторожность идентична абсолютной пассивности: лучший способ не натворить беды — полное бездействие... — Он закинул тяжелую ногу на ногу и вдруг рассмеялся — сначала пришедшей мысли рассмеялся, затем высказал ее: — Представь — и, коли пожелаешь, хохочи во все горло над бедным пенсионером, — я теперь регулярно участвую в разного рода социологических исследованиях. Само собой, в роли респондента (так это, кажется, называется?), но — постфактум. Встречаю в прессе результаты всевозможных опросов и, не заглядывая в них, честно проставляю свои «да», «нет», «сомневаюсь», «совершенно уверен»... И, вообрази, дорогой, — гордо взглянул на друга, — вообрази только: мои суждения совпадают с мнениями сорока-пятидесятилетних граждан конфедерации! А ведь нам с тобой, любезный провидец...

— Мне семьдесят стукнуло два года назад, и ты на шесть лет меня младше, — осадил его профессор. Для острастки прибавил: — Мальчишка!

Вновь посмеялись, радуясь своей дружбе и всему, чем одарила их этим солнечным утром жизнь. Валентис с вернувшейся серьезностью продолжал:

— Лидер должен быть старше тех, кого берется вести за собою. Не обязательно — по годам, речь идет о старшинстве зрелости. Если проще, то он обязан быть умнее. А совсем, пожалуй, верно будет так: более зрелым в самом емком смысле понятия. Хотя практически эти два момента — возраст, разумеется до известного предела, и зрелость — обычно совпадают, такова природа человека... И вместе с тем лидер обязан быть так же молод душой и телом, как активнейшая часть общества — те, кто представляет собой решающую, созидательную силу. — Легким движением он поменял ноги местами. — Есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Мне трудно определить его од-

нозначно. Наверное, говоря о лидере, лидерстве в целом, правомерно использовать разные, внешне подчас несовместимые определения. Явление можно назвать и стимулирующим, и тревожным, и опасным... сейчас объясню — для кого. Но самыми подходящими кажутся мне такие определения, как «парадоксальность» и «справедливость».. Тебе еще не наскучило?

— Что ты, что ты! Меня переполняют интерес и благодарность. Во-первых, прохожу бесплатный курс политологии... Я бы сказал — «психополитологии». Без таких знаний футурологу никак нельзя. Во-вторых, с восторгом убеждаюсь: стать пенсионером, даже почетным, не всегда означает — выжить из ума...

Валентис показал профессору здоровенный кулак и невозмутимо развивал тему:

— В чем, помимо явных различий в статусе, отличаются друг от друга человек, уже наделенный властью, от того, кто на нее претендует? Вопрос не праздный, с подковыркой, хотя и простенькой. Потому что у обеих сторон — властей предержащих и оппозиции — есть как преимущества, так и уязвимые места. Власть — это сила, которой подчиняются, в конечном итоге, из страха. А следовательно, не могут любить — во всяком случае, любить безусловно.. Оппозиции симпатизируют, так как видят в ней надежду на освобождение от действующей, в данное время власти-силы. Такова, естественно, грубая схема, но в принципе она исчерпывающе отражает природу непрерывно развивающегося в любом, самом что ни на есть демократичном, обществе процесса... — Тут бывший госмуж наставительно помахал перед носом ученого толстым тугим указательным пальцем. — Когда эти два начала-полюса меняются ролями, все — рано или поздно — начинается сначала. Усек, к чему я клоню?

— Пока не вижу связи между главным — тобою и основным содержанием урока политграмоты, который получаю. В общем же, — разочарованно сказал Бернатски, — я, признаюсь, чего-нибудь пооригинальнее ожидал.

— Связь существует, причем она на поверхности валяется, — обиделся Валентис, — ду-умать надо! А оригинального в нашем мире нет ничего. И не притворяйся, ничего особенного ты от меня не ждал, отлич-

но понимаешь — просто душу излить захотелось. И все же закончу. Как только оппозиция перестает быть таковой — одерживает победу над властью и сама в нее превращается, — она незамедлительно и неизбежно начинает терять очки популярности. На то существуют две элементарные и неустранимые причины: человечеству не дано достигнуть социальной гармонии, абсолютного совершенства, предела всеобщего благоденствия, — это раз; второй фактор, по сути, есть производное от первого — не было в истории Земли, и не будет, института управления, власти, которая могла бы устроить всех... Я вовсе не подразумеваю изначально антисоциальных индивидов и их группировки, не имею в виду слои, стремящиеся к вседозволенности. Просто человечество непрестанно меняется — что бы там ни говорили о незыблемости человека как одного из природных феноменов. Почему меняется, не знаю. То ли в результате НТП, то ли по божественному предопределению... или же в соответствии с программой, заложенной в нас — а вдруг роботов?! — создателями из неведомых миров. Главное — меняется человечество, и меняются социальные структуры.. — Он пружинисто поднялся, походил взад-вперед неправдоподобно легким шагом, плюхнулся опять в кресло, удивленно молвил: — И с чего это я разболтался? Нам бы поспать минут с полтысячи...

— Ты уж договаривай, — потребовал профессор, притворяясь, что готов дослушать из вежливости и по доброте душевной, а сам не отрывал от друга озабоченного взгляда; Валентис раньше не позволял себе подобной «распахнутости чувств».

— Хорошо. Итак, вернемся к вопросу о власти, который есть, по существу, центральный вопрос, — усмехнулся государственный деятель в отставке. — Сколько продержатся «наверху» те или иные силы — в демократическом обществе зависит от фактора популярности. Чем моложе лидер (а я уже объяснял, что под этим понимаю), тем больше шансов.

— В таком случае ты поторопился уходить на пенсию, — тепло сказал Берпатски. И сейчас же, как все порядочные, умные люди, устыдился этого проявления чувствительности, и поспешил реабилитировать себя: — Должен сказать, однако, что ты свободно мог обой-

тись без этих утомительно-глубокомысленных рассуждений, Я и так все давно знал.

— Почему же сразу не сказал? — так же ненатурально возмутился Валентис. — Заставил распинаться, языком чесать почему зря!

— А потому, что чем бы дитя ни тешилось...

— Сам мальчишка! Разве ж солидному, зрелому человеку взбрело бы на ум заглядывать в необозримое это самое... послезавтра?.. — Изменившимся — серьезным очень — тоном, но по-прежнему от души пожелал: — Чтоб эта чертова ФАГ протухла и сгнила в мнемоячейках твоего Модельера!

— Пусть она там на элементарные частицы распадется... — подхватил футуролог. — Давай выпьем за это.

Они чокнулись громадными хрустальными бокалами и выпили до дна. После пива хорошо спится.

Остались Нина и Рони. Но Мыслитель, лукаво помигав индикаторными лампочками, спросил:

— А почему, уважаемый профессор, вы не вспомните то, о чем на ходу, пока не уединились с герром Валентисом, успели переговорить с господином писателем?

— Ты и это провидел! — поразился Бернатски. Подумав, сказал: — Действительно, он не мог не задать этого вопроса — как-никак художник слова, ему нельзя не думать о всяких там вещах...

— Почему «как-никак»? — заступился Мыслитель. — На мой взгляд, очень даже интересный автор. Слишком, правда, субъективный. Прямо-таки не способен не расставить все точки над «и»... Я хочу сказать, он, наверное, заболает, если не выскажет личного отношения к собственным персонажам. Выдумает сам героя — и непременно разденет его догола перед читателями; чтобы всем стало ясно, какой гаденыш уродился.. Или наоборот — нарисует, распишет с любовью и нежностью, и считает долгом на весь свет раструбить, до чего хорош, как он его обожает и хочет, чтоб все обожали...

— Мы уклоняемся от темы. Итак, писателя интересует, отчего...

— Пожалуйста, не надо. Я сам, хорошо? Ваш друг спросил — сл... в слово — следующее: «Дорогой мой

ясновидец, необыкновенно впечатляющая и потому особенно непотребная картина «светлого будущего» в образе паскудной Формации абсолютной гармонии, созданная твоим чудо-компьютером, созданным, в свою очередь... Ч-черт, не то что язык — мысли заплетаются, до того спать хочется! Короче, отчего Модельер избрал для повествования пресловутый эзопов язык, справедливо именуемый также «рабьим»? Слава богам, давно уже вместо гласности — и с чем ее, любопытно, ели наши ближайшие предки? — благополучно существует настоящая, без дураков, свобода слова. Да и во времена, когда волоскоффы и прочие постфаги что-то еще значили, мои коллеги-предшественники не очень стеснены были в свободе определения вещей и явлений, называли все или почти все своими именами... — Здесь он вдруг подозрительно на вас, профессор, покосился: — Уж не заложил ли ты в Мыслителя этакого внутреннего цензора? Если да — что с тобой? Если нет (и я уверен — нет!), то чего же он выдрыгивается — перманентно, или, научно выражаясь, ни к селу, ни к городу, сплошь и рядом, прямо уши вянут, — прибегает к иносказаниям?!» ...Я правильно передал, профессор?

— Абсолютно, вплоть до запятых и кавычек! — подтвердил ошеломленный дотошностью Мыслителя футуролог. — Ну, а дальше?

— Дальше вы тоже — простите, запоздало — удивились и обещали переговорить со мной.

— Так объяснись же, наконец!

— С охотой и удовольствием, как говаривала безызвестная красавица Шехерезада..

— Будь добр, кончай демонстрировать начитанность. Если можешь, понятное дело... — теряя терпение, сказал Бернатски с грозными интонациями.

— Больше не буду, — заверил Мыслитель. — Вопрос не простой, видите ли... Вы, надеюсь, не сомневаетесь, — я ничего не делаю случайно. Так и эзопов язык был использован мною умышленно и продуманно. Однако далеко не по тем причинам, на мысль о которых могут навести две нижеследующие цитаты. Первая: «...Моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько

озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей». Что скажете — оторопь берет, а?.. Цитата вторая: «Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задышалось все живое и свежее...»² А как вам это, профессор? — И, так как Бернатски грустно молчал, энергично высказал собственное мнение: — Первая цитата вызывает во мне глубочайшее сочувствие к автору, чей удел — бессмертие. Вторая — горькую усмешку.. А теперь предельно лаконично обосную мой выбор. Осмелюсь повторить: я сознательно ни разу не использовал понятий, которые, несомненно, вспомнились каждому, «побывавшему» на Фаг, вместе с Омикроном-3113М прошедшему Сжатый курс истории фагизма. В моем лексиконе нет «социализма», какого бы то ни было — утопического, научного, победившего, развитого... или надо «развитого»? Ну, неважно... Нет «коммунизма», «фашизма» — итальянского, германского, сионистского, русского, чилийского, религиозно-фанатического — безразлично какого.. Идеологические «измы» не отражают сути вещей, а выполняют роль ярлыков, используемых, как и любые идеологии в целом, в корыстных интересах разного рода партиями, движениями, фронтами и т. п. Но ваш друг писатель прав: слова подчас обретают агрессивность и могут быть опасны... Так вот — я не потому избегал каких бы то ни было «измов», что одни вызывают у меня отвращение, другие в восторг приводят. Мне просто кажется, это бессмысленный перечень: капитализм, империализм, социализм, коммунизм, фашизм, и прочее... Хотя не «кажется», конечно, а вытекает из вашей программы: что станет с человечеством, если оно забудет истинные ценности, которые только и связывают по-настоящему человека с природой, и замкнется на любой искусственной, мертворожденной идее?.. — Мыслитель помолчал, Бернатски его

---

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Круглый стол. Первое августа. 1879.

² В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература. Соч., т. 10, с. 26—27.

не торопил, и он встревоженно сказал: — А ведь люди всегда недовольны своей жизнью, и стоит им подобрать новую заманчивую идейку... Профессор, может, не надо дожидаться, пока наши молодожены заведут детей и те подрастут?..

Ближайшее будущее Нины и Рони компьютер смоделировал со сдержанным лаконизмом.

Широкая кровать стояла у настезь распахнутого окна. В спальню врывались потоки света, ликующие разнородные голоса утра, которое уже расцвело, однако сон молодых людей был надежно защищен предельной усталостью; спали как убитые — немудрено после такой ночи... Далее Мыслитель сначала в увлечении описал лежащего на коврик поодаль большого красивого пса. Он неотрывно глядел на хозяев добрыми, пронизательными карими глазами... Электронный провидец вовремя перечеркнул эту картинку и оказался прав.

У Рони и Нины пока не было собаки — не успели завести. Зато у них был воробей, хотя они об этом не подозревали. Он прилетал к ним уже две недели, каждое утро, с того дня, как молодые люди поселились в уютном коттедже в глубине сада-леса. Воробей садился на подоконник, склевывал что-то, не видимое людьми, затем соскакивал на пол, хозяйничал в комнате. Сейчас он безбоязненно шлялся по спинке кровати, с любопытством поглядывая в спокойные лица спящих. Не было в исходящих от Нины и Рони биотоках ничего такого, что несло бы в себе угрозу, — вот он и чувствовал себя прекрасно. Люди казались воробью огромными, странными, но тоже воробьями.

ПУСТЫНЯ

НОВЕЛЛА

Когда я наконец с трудом достала тебе лекарство, тебя уже не было. Довольная, что у тебя хоть некоторое время не будет проблемы с лекарством, я лихорадочно соображала, через кого бы его тебе передать, чтобы оно как можно скорее попало к тебе.

Помнишь, как мы с тобой познакомились? Почему ты так не любил об этом вспоминать? Может потому, что ты «снял» меня в той сомнительной забе-галовке?.. Город изнывал от несентябрьской жары. Воздух был накален до предела. Мы с Маико буквально ввалились в спасительную сень полуподвальной забегаловки, предварительно договорившись, что в случае, если будет много народу, повернем обратно, чтобы на кого-нибудь не нарваться. А в те дни это было и не удивительно. В Тбилиси понаехало из районов много сторонников Звиада Гамсахурдиа. Отделанный под старину полуподвальчик, как ни странно, был почти пустым. В углу у входа сидела небольшая шумная компания подвыпивших парней и в глубине зала было занято 2—3 столика. Видимо, мы не вписались в этот антураж, так как парни проводили нас удивленными взглядами и возгласами. Мы с Маико с самым независимым видом расставили тарелки на соседнем с ними столике, так как поблизости крутился вентилятор. Я очень люблю дочерна поперченный хинкали. Бутылка из-под перца оказалась пустой, на других столиках перца и вовсе не было видно. Я вознамерилась попросить его у подвыпивших соседей, но Маико, угадав мои мысли, сразу же пресекла меня: «Ешь так, а то прицепятся — не отвалят!» Через некоторое время от того столика встал один высокий, плотный парень, лениво, вразвалку подошел к стой-

ке. Я успела разглядеть, что задний карман его брюк оттягивал какой-то тяжелый предмет. «Фу, черт! Пистолет», — со страхом подумала я и старалась больше не смотреть в его сторону. Парень перекинулся словами с буфетчиком, отошел, подсел к какой-то паре, встал, направился к своей компании и почти сразу возник около нас, поставив нам на стол бутылку с перцем. Мы с Майко вежливо поблагодарили его, но он, даже не спросив разрешения, бесцеремонно уселся за наш столик, окидывая нас пристальным взглядом. У меня от напряжения взмокла спина. Я ни на секунду не забывала о пистолете. Видимо от страха, на меня напал безудержный аппетит. Ты, улыбаясь, смотрел, а я глотала хинкали за хинкали, не забывая при этом поперчить из принесенной тобой бутылки. Майко не выдержала: «Остановись, — лопнешь!». Ты весело расхохотался: «И каким же ветром вас сюда занесло?» — «Голодным», — отпарировала я с набитым ртом. — «И часто вас сюда заносит?» — «Сюда первый раз». — «У нас отличное вино, будете?» — как старым знакомым предложил он. — «Спасибо, мы не пьем», — отрезала Майко. — «А чего бы вам сделать приятного?» — «Приятного?... — мило улыбнулась я. — Если оставите нас вдвоем». — «Вот как, — в тон мне сказал ты. — Как раз этого я не смогу сделать». — «Тогда нам придется уйти!» — «Пожалуйста, если у вас это получится...» Майко почувствовала, что я начинаю злиться, и попыталась сгладить ситуацию: «Вы знаете, мы с ней так давно не виделись...» — «Я бы этого не сказал». — «Почему мы перед ним отчитываемся!» — опять взвилась я. — «До сих пор вы этого не делали, но, по-моему, пора». Я задохнулась от твоей наглости. — «Как вас зовут? Только не врите, потому что я все равно узнаю...» — «И что дальше?» — вызывающе спросила я. — «Ничего. Просто узнаю ваши настоящие имена». — «Майко, Ия», — поспешно сказала подруга. Я не смогла скрыть своего возмущения. Ты заметил мою реакцию и весело улыбнулся. — «И чем же Майко и Ия занимаются, если не секрет?» Я опять принялась поглощать хинкали, полностью предоставив тебя Майко. — «Журналисты». — «Вот как? И где же вы работаете?» Майко ответила. С соседнего столика стали

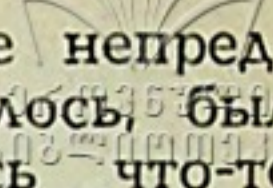
тебя звать: «Нодар, или сюда. Оставь девочек в покое». — «Я не буду вам долго надоедать, оставьте мне телефон и я уйду». Я опять не выдержала: «Вы что, думаете, что мы так и раздаем свои телефоны?» — «Я этого и не подумал. Впрочем, я и сам смогу узнать. Тбилиси не такой уж большой». Вдруг совсем неожиданно для себя я ляпнула: «А по какую сторону баррикад вы стоите?» — «По эту». — «Как это понять?» — «Перед Домом правительства». — «В таком случае не получите». — «Я так и понял». Майко, кажется, проткнула мне каблуком ногу. Я явно лезла на рожон и никак не могла остановиться.

И вообще все те дни я была как одержимая, с ужасом чувствовала, что делила свой народ на две части — на «ту» и «эту» стороны баррикад. Я знала, что никто мне не давал такого права и все же ничего не могла с собой поделать. И «та» и «эта» стороны поносили друг друга, поливали друг друга грязью, обвиняли друг друга во всех мыслимых и немыслимых грехах. И мы все были вольными и невольными участниками этого безумия. Мы все больше отдалялись друг от друга по «ту» и «эту» сторону баррикад. Мы разделились на «кучку оппозиции» и «звиадистов». Мы, дети одной матери — земли Грузии патологически ненавидели друг друга. Почему так с нами случилось? Откуда в нашей нации накопилось столько черного безудержного зла? Откуда?! Наверное, вина за это лежит на каждом из нас, независимо от того, по какую сторону «баррикад» мы тогда находились.

Ты уже деловито записывал наш рабочий телефон. На улице я набросилась на Майко: «Совсем спятила?! Какого черта дала ему телефон!» — «Чего ты бесишься? Нормальный мальчик. И когда ты только научишься распознавать людей?» — «Тебе-то что, ты завтра слиняешь с работы на целый месяц, а что мне прикажешь делать?» — «Ничего. Встретишься». — «На кой черт он мне сдался! И вообще он не в моем вкусе».

Ты позвонил на следующий день. Оставил мне и свой телефон. Так звонил несколько дней подряд, а потом исчез, видимо, думал, что я позвоню тебе сама, но, так и не дождавшись моего звонка, ты стал опять ко мне названивать.

Это были какие-то тревожные, бурные непредсказуемыми событиями дни. Воздух, казалось, был накален ненавистью до предела. Творилось что-то невероятное. «Агентов Кремля» и «путчистов» вылавливали прямо на улицах, со страниц прессы и экранов телевизоров обрушились на нас потоки лжи и ненависти; неугодных депутатов толпа не впускала в зал заседаний Верховного Совета, их оплевывали, щипали, поносили грязными ругательствами; созывали людей со всей Грузии на защиту законно избранного президента; пьяные экзальтированные толпы рвались расчищать проспект Руставели от баррикад, устроенных оппозиционерами. И митинги, митинги, бесконечные митинги на «той» и «другой» стороне баррикад. Город лихорадило, люди были возбуждены до умопомрачения...

А нас с тобой закружило в водовороте любви. Помнишь, как ты надо мной смеялся, что я сверх меры политизированная особа и дразнил «путчисткой» и что меня при первой же возможности вздернут на первом же попавшемся суку. Кажется, у меня начинался сдвиг, и ты при малейшей возможности вывозил меня за город. С тобой я как-то забывалась, не помнила о том, что в городе каждую минуту может случиться что-то страшное, непоправимое, что каждую минуту брат на брата может поднять руку. Ты никогда не анализировал при мне происходящее. Однажды мы чуть было не поссорились, удрученные тем, что власти, применив силу, разогнали митинг оппозиции. Я бросила тебе в лицо, что, наверное, и тебя скоро направят разгонять демонстрации. Я почувствовала, как ты напрягся, но ты, не теряя равновесия, ответил мне: «Я не милиционер». Я полезла на рожон: «Подумаешь. От вас все можно ожидать. На выборах 28 октября твой шеф был настроен иначе, а сейчас вон что творит!» — «Ненормальная». — «Спасибо!» — «Ты уже заиклилась на одном и том же. Не дай Бог, если все так будут думать. Ты что, и правда думаешь, что страна должна остаться подонкам на растерзание? Ведь кто-то же должен делать настоящее дело. Министерство обороны будет нужно при любом правительстве, и если профессионалы откажутся там работать, ты соображаешь, к чему это может привести,

и вообще, по-моему, военные не должны вмешиваться в политику».

Больше мы с тобой об этом не говорили. Ты ласково дразнил меня «путчисткой», а я тебя в отместку — «наемником» (наверное, потому, что ты служил в Афганистане).

Ты любил бешеную езду и высоту. Ты выискивал такие кручи, откуда весь город раскидывался как на ладони. «Посмотри, нас трое во всей Вселенной — наш Тбилиси и мы с тобой. Что может быть прекраснее?» Я, пожалуй, ревновала тебя к городу, мне казалось, что ты любил его больше, чем меня. А я хотела, чтобы больше всего на свете ты любил только меня, меня одну. Я чувствовала свою власть над тобой, ты позволял мне все. Господи, какое же я испытывала наслаждение отчитывать тебя, а ты стоял передо мной, как провинившийся ребенок, и молчал. Ты, такой сильный, бесстрашный, бескомпромиссный превращался в маленького ребенка, и, когда я окончательно входила в роль, как пушинку, подхватывал меня на руки, поднимал высоко: «Замолчи, а то сброшу». Я замолкала.

Рождество мы с тобой собирались отпраздновать на широкую ногу, строили планы, составляли «список» приглашенных...

Но 22 декабря случилось непоправимое. Брат пошел на брата, грузин пролил кровь грузина. И эта пролитая кровь еще долго нам не даст покоя, еще многие поколения не простят нам этого. И они будут правы. Случилось непоправимое.

Ты исчез. Я не находила себе места от горя и безысходности. Я боялась позвонить тебе домой. Каждый день ходила на проспект Руставели, в надежде увидеть тебя или кого-то из твоих друзей. Президент со своим окружением забился в бункер. Телевидение безмолвствовало. Все эти дни я жила как в аду. Сердце разрывалось от тоски и отчаяния. Все эти дни капля за каплей проливалась моя, наша кровь. Проливалась кровь, за которую мы все в ответе, мы все по обе стороны баррикад. Проспект Руставели был охвачен пламенем, расстреливали людей, здания и церковь Кашуэти. Конца не было видно этому безумию.

Наконец стало известно, что Георгадзе в качестве

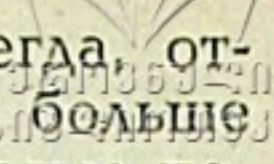
заложника после его телеобращения к народу находится в бункере, что он попал в опалу и вряд ли останется в живых. Я уже не сомневалась, что и ты будешь там, что никто бы тебя насильно туда бы не смог затащить, и что ты никогда не оставишь в беде близкого тебе человека.

Ты появился заросший бородой, в каких-то солдатских то ли сапогах, то ли полусапогах, с автоматом. Я ни о чем тебя не спрашивала. Помнишь, как я прижалась к тебе, не в силах оторваться, вымолвить хоть бы слово. Так мы простояли, кажется, вечность. Потом ты бережно отстранил меня от себя: «Ну ладно, путчистка, а то на всю жизнь так и окаменеем». Я ни о чем не расспрашивала. И ты мне ничего не рассказывал. Только бросил: «Видела бы ты, как президент в бункере собственноручно вручал нам автоматы. Маньяк...»

По телевидению стали прокручивать кассету, запечатлевшую встречу Нового года в бункере. Впечатление после этого просмотра осталось жутким. Но мне навсегда больно врезался в память один эпизод. Оператор заснял пятнистого черно-белого щенка на лестницах в бункере. Какой-то парень с автоматом, расположившийся там же на лестнице, занес над щенком руку. И мне вдруг показалось, что пьяный молодчик ударит беззащитное животное. Я вся напряглась от почти физической боли. Но парень принялся поглаживать прижавшуюся к нему собачку. Кадр был моментальный, и мне стало стыдно за себя, как я могла так подумать. Я уже кажется забывала, что и в бункере были такие же, как и я, грузины. Такие же грузины, разве что с той разницей, что стояли по другую сторону баррикад... Помнишь, когда я тебе это рассказала, ты молча погладил меня по голове.

Сформировали Военный Совет. В Тбилиси и Западной Грузии начались волнения, провоцируемые сторонниками бывшего президента. Демонстрации жестоко разгонялись с применением силы. Самые большие волнения проходили в Самегрело и Сухуми. В Самегрело были срочно введены войска. Ты опять исчез. Я совершенно обессилела от постоянного напряжения и тревоги. Мы, грузины, все больше отдалялись друг от друга и, казалось, никакая сила не сможет нас

больше слить воедино. Господь, словно навсегда, от-
вратил от нас свой благодатный лик. Мы все больше
уподоблялись каннибалам и, наверное, с радостью пе-
регрызли бы друг другу глотки. По городу ходили са-
мые невероятные слухи, мне было страшно, и вспых-
нувшая было надежда угасала с катастрофической
быстротой. Пропасть между нами, грузинами, с той и
другой стороны баррикад все более углублялась.

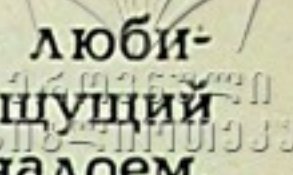
Ты появился где-то в середине марта. На мои уп-
реки ты коротко ответил, что был в Зугдиди. Ни на
какие мои вопросы ты не хотел отвечать, и я оставила
тебя в покое. Таким мрачным я тебя никогда не ви-
дела. Мне казалось, что и встречаться со мной ты про-
должал по какой-то инерции. Ты часами мог находиться
около меня, не произнеся ни слова. Меня уже на-
чали тяготить наши отношения, как тебя однажды про-
рвало. Ты рассказал мне то, о чем я уже знала. В Са-
мегрело проводили экзекуцию, чинили расправу над
ни в чем не повинными людьми, грабили, убивали.
Словом, вместо закона встал беспредел. — «Ты зна-
ешь, я кажется кого-то убил...» — «Что-о?!» — «Ка-
кой-то тип стягивал с убитого дубленку. Я выстре-
лил в него и кажется убил». — «Туда ему и дорога!»
— безапелляционно заявила я. Ты горько улыбнулся
и с облегчением прижался ко мне.

Ты хотел поменять работу, я тебя не удерживала.
Ты сам должен был во всем разобраться, я в этом де-
ле со своими эмоциями была плохим советчиком. Ра-
боту ты себе нашел быстро. Я была на десятом небе.
Теперь у тебя была уйма времени, которое ты про-
водил со мной. Я видела, как ты мучаешься, но де-
лала вид, что ничего не замечаю. Наверное, все любя-
щие женщины — эгоистки и для них состояние ду-
ши любимого ничто в сравнении с их личным благо-
получием.

В мае мы поженились. Ты не захотел пышной
свадьбы и я не стала настаивать. Теперь ты всецело
принадлежал мне. И почему мы, женщины, такие глу-
пые, если верим, что, узаконив свою связь, мужчина
начинает полностью принадлежать нам...

С настоящими испытаниями я столкнулась в бра-
ке. Мы с тобой оказались совершенно разными. Я —
такая эмоциональная и вечно разбросанная, а ты та-

кой уравновешенный и всегда собранный. Я — любительница шумных компаний, а ты — всегда ищущий уединения со мной. — «И когда я только тебе надоем, чтобы и мы, как нормальные люди, ходили в гости», — наигранно кипятилась я. — «Никогда», — на полном серьезе отвечал ты. Мне нравилось, что ты меня так любил. Ты любил меня как-то особенно. Не так, как я читала это в книгах или видела в кино. Ты любил меня как-то по-своему... И это мне безумно нравилось.

Помнишь, как я дико испугалась, когда обнаружила у тебя шприц. Меня как громом поразило: «Почему ты скрывал, что ты наркоман!» — билась я в истерике. — «А почему я должен был тебе докладывать?» — «Подонки! — взвизгнула я. — Не подходи ко мне, а то я выпрыгну в окно!» Ты подошел ко мне и с силой прижал к своей груди мое разгоряченное лицо. — «Умоляю, успокойся. Я должен был тебе сказать, но не мог. Я диабетик». Я рухнула перед тобой на колени, и ты с трудом отодрал меня от своих ног. Я так и не научилась делать уколы. Да ты что, я не могла уколоть не то что тебя, а даже тряпичное чучело на военной кафедре в университете, где мы проходили медицинскую подготовку и считались военнообязанными. — «Представляю, если вдруг начнется война и тебя мобилизуют. Там раненые не от твоих уколов, а от смеха помрут», — весело поддевал ты меня. Инсулин ты делал себе сам.

В конце августа мы собирались с тобой на Пицунду. 14 августа в Абхазии начались все эти события. Уже 15 августа «Союз афганцев» объявил мобилизацию, и ты, забыв обо всем на свете, бросился по первому же зову. Ты забежал домой на несколько минут и принялся собирать необходимое. С меня толку было мало, и ты это сразу понял. — «Но почему ты?!» — как-то непроизвольно вырвалось у меня. — «А почему другие?!» — прикрикнул ты, а потом, видимо, устыдившись своего срыва, подошел ко мне, ласково прижал к себе: «Ну что ты, глупышка, вот увидишь, через несколько дней я уже буду дома. Это просто какое-то недоразумение». Я плетью повисла на твоих руках. Ты положил меня на диван и, даже не поцеловав, поспешно вышел из дома. «Недоразумение» за-

тянулось. Из зоны конфликта шли настоящие фронтовые сводки. Я боялась включать телевизор. После сводки новостей в эфир выходила программа «Вечная память», где назывались имена погибших в зоне конфликта парней. У меня кровь застывала в жилах, я каждый раз ждала, что вот-вот объявят и тебя, хотя знала, что объявления дают родственники погибшего. Я каждый день умирала вместе с этими парнями. Однажды я тебя увидела по телевизору. Ты и правда был похож на наемника с этой лентой, перетягивавшей тебе лоб. Где-то через неделю после этого ты появился дома. Я псняла, что ненадолго, но мне и этого хватило, главное ты был цел и невредим. — «Послушай, почему ты нацепил эту ленту? Хочешь походить на настоящего боевика из американских фильмов?» — съязвила я. — «Да ты что, — расхохотался ты. — Эта лента для того, чтобы потом глаза не заливало». Я пристыженно умолкла. Это был ты и не ты. Раньше я могла только предполагать, а теперь я уже точно знала, что этими руками, моими любимыми сильными, добрыми руками ты мог убивать. Ты мог и ласкать и убивать. У меня никак это не укладывалось в голове. Я хотела, чтобы это было кошмарным сном, который вот-вот прервется и все войдет в свое русло.

Помнишь, как мы возвращались с тобой поздно с одного дня рождения, ты не вывел нашей машины, сказав, что собираешься напиться. Хотя гвардейцы могли разъезжать по городу вдрызг пьяные и никто не смел их останавливать. Ты никогда не позволял себе этого. Мы стояли с тобой и останавливали машину, наконец кто-то остановил и водитель заломил такую цену, что я ойкнула. Я испугалась, испугалась за тебя, что ты не выдержишь и водителю не поздоровится, но ты только сощурил глаза, больно сжал мне руку и сказал: «Нет, браток, у меня нет таких денег». Кое-как мы добрались до дому.

О войне ты мне не рассказывал, да и я не приставала к тебе с расспросами, чувствуя, что около меня ты понемногу отходил от тех ужасов (насколько это было возможно). Иногда ты появлялся дома на час-полтора, затем полигон, а затем опять аэропорт и Сухуми. А в транспорте, в очередях, словом, везде, где только было можно, какие-то разжиревшие амба-

лы доказывали друг другу, что в Абхазии сражаются одни наркоманы и мародеры, и чего ради им там умирать. И после программы новостей в эфир выходила «Вечная память», объявляющая каждый день имена гибнувших в зоне конфликта парней.

Помнишь, как я после нашей очередной стычки спросила: «Ты что, ненормальный?!» Ты серьезно ответил: «А ты что, сомневалась? Нормальные в коммерческих будках сидят, конфеты и сигареты продают, а ненормальные ползают с автоматом на брюхе и родину защищают». Ты прострелил мне сердце, насыпал соль на глубокую рану. Ты затронул то, что уже давно не давало мне покоя и что так до сих пор мучает меня. Ты оставил мне вечный вопрос, на который, наверное, никто, кроме Всевышнего, не знает ответа.

И там на войне мародеров и грабителей было предостаточно. — «Черт возьми, не убивать же их! Выловишь, отведешь в комендатуру, а через полчаса идут они тебе навстречу при своем оружии. А ты стоишь болван болваном и ничего сказать не можешь, хотя бы на 2—3 дня, на худой конец, на «губу» бы их сажали!»

С конца ноября задули холодные ветра. Я без конца мерзла и на холоде у меня сильно болели груди. Мне что-то нездоровилось. От тебя приходили скудные известия: «Жив, здоров, целую». Мне становилось все хуже и хуже. Пришлось идти к врачу. Меня обследовали и направили на эхоскопию. Я не поверила обрушившемуся на меня счастью. У нас с тобой должно было появиться дитя. Ему уже было целых три недели и четыре дня. Господи, как я ждала твоего приезда, чтобы тебя обрадовать, я даже не хотела писать этого в записке, я сама должна была тебе обо всем рассказать...

Когда я, наконец, с трудом достала тебе инсулин, тебя уже не было... Тебя убили на рассвете. Ваш батальон вместе с бойцами «Авазы» брал деревню Лабру. Впереди шел парень из «Авазы», его сожгли огнеметом. И зачем только с вами на операцию отправили новичков. Новички, увидев живой горящий факел, оцепенели от ужаса. На этой местности нельзя было медлить, она была совершенно открытой и враг бы всех уничтожил. Тогда вскочил ты, выбежал впе-

ред и пустил автоматную очередь в сторону врага. Люди очнулись и устремились вперед. Деревня была взята. А ты остался там изрешеченный пулями. Тебе дали героя — посмертно.

Когда инсулин с моей запиской принесли по месту назначения, тебя уже не было. Твои ребята думали, что ты скрытый наркоман...

Говорят, что в цинковом гробу, который стоял в нашем доме, было твое тело. Не знаю, я не верю. Знаешь, ты и наше дитя забрал туда с собой... А я так хотела тебя обрадовать...

Говорят, что смерть помолодела. Не знаю, я никогда ее себе не представляла. Я только знаю, что смерть это война, страшная, гложущая, изводящая душу тоска и какая-то безумная надежда хоть еще раз в жизни увидеть наяву и услышать любимого и дорогого тебе человека...

Рассказы

СОЖАЛЕНИЕ

Мы с Гулнази сидели в кафе на проспекте Давида Агмашенэбели. В помещении, кроме нас, никого не было.

— Я люблю тебя, — сказал я. — Что нам делать?

— Ты должен похитить меня. Другого пути нет.

— Ты права. Твои родители отказали мне. Они, наверное, подыскали другого жениха.

— У них нет денег на приданое. Отец все пропивает. Какое уж тут приданое.

— На кой черт оно нужно, мне ты нужна!

— Я знаю.

— Тогда давай покончим с этим делом, сегодня же, сейчас.

— Лишь бы уйти из этой проклятой семьи.

— Что же тебя держит?

— Ничего.

— Дай руку, — сказал я и сжал ее ладонь. — Ты согласна?

— Согласна.

Мы молча шли по улице. Ревели машины. Пахло гарью. На небе мерцали голубые звезды. Их было очень много. Серп луны отдавал желтизной.

Мы свернули налево. У входа в церковь стояли нищие. Один, бородатый, пил вино из бутылки. Двое других ждали своей очереди. Прохожих было мало.

— Куда мы идем? — спросила Гулнази.

Куда, действительно, куда? Не было у меня родового замка в горах, на берегу неистойой реки, не было быстрых коней... Пришлось действовать проще: без взмыленных лошадей, без погони и перестрелки. Шли мы к моему дяде Мирзе, высокому здоровяку,

работавшему грузчиком на винзаводе, и тете Асма^т, такой же здоровой, как ее муж, полной женщи^{не}.

Они очень нам обрадовались. Узнав, в чем дело, послали соседа к родителям Гулнази, мол, «не подымайте шума, все происходит по Божьему велению, не надо мешать счастьем детей».

Тетя Асма^т постелила нам постель.

— Ты же знаешь наши обычаи, — сказала мне она, когда я шел к невесте. — Ей, правда, шестнадцать лет, но теперь пошли такие девушки... Доверять им нельзя. На простыне должно остаться доказательство честности невесты. Я завтра созову женщин, они посмотрят. Честь жены — это честь мужа.

Тетя хлопнула меня по плечу.

Утром тетя Асма^т спросила, как, мол, твои дела. Я сказал, что все в порядке. Тетя поцеловала Гулнази.

Дядя Мирза пригласил гостей. Свадьба прошла шумно и весело.

Родители Гулнази простили нас. А отец ее очень обрадовался, когда я подарил ему ящик коньяка.

Прошло два года. Я сам не знаю, что творилось со мной. Мне все казалось, что неудачи преследуют меня. Гулнази была нежной и заботливой, но я охладел к ней. Не только охладел, но... Стыдно признаться, я стал ее бить, полагая, что во всех моих невзгодах виновата она. Целыми днями я пропадал с какими-то подонками, беспробудно пил. Если б только это... Я стал курить опиум, пристрастился к наркотикам. Тоска и одиночество душили меня.

В один прекрасный день милиция накрыла меня с товарищами в кофейне. Нашла наркотики...

Три долгих, мучительных года провел я в исправительно-трудовой колонии. Работа на чайных плантациях, голод, грязь. Я заболел туберкулезом, долгое время лечился... И все думал о Гулнази. Совесть меня мучила. Как подло я себя вел с ней, с женщиной, в которую был когда-то влюблен. Мысленно я просил прощения.

Когда я вернулся домой, мать стряпала на кухне. Нельзя сказать, что мне устроили торжественную встречу.

— Где Гулнази? — спросил я.

— Вышла замуж, — ответила мать. — Через два

или три месяца, как тебя посадили. Опозорила нашу семью. Ты ведь знаешь сына Орди, прощельгу Темура, вот за него и вышла. Ребенка родила эта бесстыжая. Везет некоторым шлюхам. Кто и один раз не может замуж выйти, а она два раза выскочила.

Я вышел на улицу. Злость душила меня. Хотелось плакать. О потерянной любви. О растроченной молодости.

СВЕТЛАНА, МАРИНА...

То лето в Тбилиси было невыносимо жарким. Народ разъехался на курорты. Город наполовину опустел.

У меня с двоюродным братом Резо была мастерская по вулканизации. Клиент стал редким гостем. От безделья мы день-деньской резались в домино под тутовым деревом. Вдобавок ко всему жена моя по любому поводу устраивала скандал. Сварливой она стала и крикливой. Ни во что меня не ставила. Наскреб я тогда кое-какие деньги, оставил мастерскую на попечение Резо и смотался в Сочи. Подальше от семейного «счастья».

Устроился в гостинице «Ривьера», забросил в номер чемодан и пошел шляться по городу. В каком-то сквере купил я у цыганки шикарные американские сигареты, сел на скамейку и со вкусом закурил — знай, мол, наших, вонючей «Примой» пускай другие рот себе обжигают, а мы сахарным дымом будем затягиваться.

На скамейке рядом со мной сидела девушка. Блондинка с зелеными глазами. Платье у нее было очень короткое, такое у нас называют — «что мне скрывать». Действительно, ноги у нее были — дай бог.

Девушка посмотрела на меня и произнесла:

— Что за жизнь у этих цыганок, все бродят, бродят...

— Потому они и цыгане, — умно ответил я.

— Не угостите меня сигаретой? — спросила девушка.

— Конечно, конечно, с удовольствием.

Она закурила.

— Вы давно в Сочи? — поинтересовался я.

УДК 82(075)
ББК 84.001.01

— Дней десять. А вы?

— Сегодня приехал. Устроился в «Ривьере».

— Как это вам удалось?

— Все упирается в деньги, — игриво сказал я.

— Вы, кавказские ребята, — засмеялась она, — невиданные хвастуны.

— Как вас зовут? — перевел я разговор.

— Светлана.

— Не имя, а музыка... Не желаете прогуляться?

— А почему бы и нет, — улыбнулась девушка.

Она вела себя раскованно. И взгляд у нее был какой-то пронизывающий.

Мы пошли к морю. Порою я отставал, прикуривал, чтобы на расстоянии взглянуть на ее гибкое тело. Она шла, покачивая соблазнительными бедрами.

У морского вокзала гулял народ. Около причала качались разные суда. В ресторане наяривал джаз.

— Там, наверно, хорошо, — сказала Светлана и посмотрела в сторону веранды ресторана.

— Еще бы, — ответил я. — Может, зайдём?

— Ну что вы, это же очень дорого.

— Пустяки. Буду рад посидеть за столиком с такой обворожительной женщиной.

В дверях ресторана толстый швейцар был весьма нелюбезен до тех пор, пока моя сторублевка не перекочевала в его карман. Сезам отворил дверь.

Мы сели за свободный столик.

— Что желаете заказать? — спросил я.

— То же, что и вы.

Подошла миниатюрная официантка.

— Два цыпленка-табака, коньяк, апельсины и минеральную воду, — небрежно, как полагается завсегдаю ресторанов, сказал я.

Официантка улыбнулась Светлане и ушла.

— Вы откуда приехали? — спросил я.

— Я местная, живу в Дагомьсе. А вы?

— Я тбилисец. Бывали там?

— Один раз. Красивый город.

— Хотели бы там поселиться?

— Очень.

— Правда хотите?

— Правда.

— Вы мне очень нравитесь, — не сдержался я.

— И вы мне тоже.

Я взял ее руку. У нее были ласковые глаза.

— На самом деле? — мне не верилось, что могу понравиться такой красивой женщине. Ни роста у меня, ни изящества. Такой черный крепьш, и все. По поводу моей внешности даже моя жена, будучи невестой, особых восторгов не выражала. Теперь тем более.

Официантка принесла заказ, вновь улыбнулась Светлане и ушла.

— Вы знакомы с ней? — спросил я.

— Первый раз вижу... Я ведь не хожу в рестораны. Пошла из уважения к вам.

Мы принялись за еду. Я налил в рюмки коньяк из пузатого графинчика.

— За наше знакомство. Пусть оно будет счастливым, — провозгласил я короткий и многозначительный тост.

За первым последовали второй, третий... Коньяк мягким золотом разливался по телу, восхитительно выполнял свое дело. В конце застолья я почему-то, как заговорщик, прошептал на ухо Светлане: «Пойдем ко мне в гостиницу» и ухмыльнулся, вспомнив свою жену.

— Ну раз тебе так хочется...

— Конечно, конечно. Я тебя люблю, — занесло меня.

Мы пошли в гостиницу. По дороге в садике я обнял ее и начал целовать. Светлана вырвалась и поправила волосы.

В гостинице на лифте мы поднялись на пятый этаж.

— Какой прекрасный номер, — сказала Светлана.

— Где здесь ванная?

— Зачем тебе ванная?

— Для гигиены.

— Да, да, разумеется... Ванная в конце коридора.

Светлана взяла полотенце и мыло. Через четверть часа она вернулась еще более свежая и с такой пушистой головкой.

— Теперь твоя очередь.

До того, как выйти из комнаты, я обнял ее. Волосы ее пахли не то розами, не то вином. Запах пьянил, вызывая головокружение.

— Иди, иди, — ласково сказала она, — я тебя жду.

Я в спешке выкупался и вернулся. Номер был пуст. Я стал ее искать. Нигде не нашел. След ее простыл. Если это шутка, подумал я, то не слишком остроумная. Сел я на стул и так и просидел до позднего вечера. Захотелось есть. Одел брюки, стал искать бумажник, не нашел. Зато в кармане обнаружил записку.

«Не обижайтесь. Деньги я украла у вас для моих голодных детей. Ничего, вы парень предприимчивый. Не пропадете. Марина».

Что же, пришлось продать золотое кольцо. Ведь я парень предприимчивый. Продал за пол-цены. Вернулся в Тбилиси, к жене. Резо очень заразительно хохотал, когда узнал о моем приключении. «Ох и фраер же ты», — говорил он. А я все вспоминаю Светлану, то есть Марину. Кажется, я в нее на самом деле влюбился. Ну, а деньги не вспоминаю. Пошли они к черту.

Перевод Георгия ЧАРКВИАНИ

Родина

Там, где долгие беседы
У пастушьего костра,
Словно искры-непоседы
Дотлевали до утра;
Где в сиянье синей чаши
Проплывали облака;
Где родной язык сладчайший
Дан народу на века;
Где в горах стада поили
Родниковые ключи;
Где, набрав цветочной пыли,
Золотые пчелы были,
Словно пули, горячи;
Где по рыжим скалам вилась
Виноградная лоза,
Там родился я и вырос,
Там раскрыл свои глаза!

* * *

Где небо целует храбрец Алагез
В доме большого огня,
Джигитами были и дед и отец,
Джигитом вырос и я.
Постель моя — зелень травы луговой
И тысячецветье цветов.
Меня пеленали в туман голубой,
Вскормили грудью холмов.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Главы Государства Грузия

С возникновением вооруженного конфликта в Абхазии началось наше сотрудничество с властями России, ООН, СБСЕ, другими международными организациями с целью мирного урегулирования конфликта. Проведена огромная работа: в 1993—1994 годах принято 9 резолюций Совета Безопасности, специально посвященных положению в Абхазии, в марте текущего года состоялось мое выступление в Нью-Йорке на заседании Совета Безопасности. Нельзя сказать, что эти усилия ООН были безрезультатными: ООН оказала нам определенную материальную, экспертную и другого рода помощь, международное сообщество безусловно признало территориальную целостность Грузии.

Говоря о причинах трагедии Абхазии, мы должны учитывать тот фон, тот общеполитический контекст, в котором развивались эти события. С этой точки зрения важнейшим является синдром некоторого отчуждения и недоверия, сформировавшийся во взаимоотношениях между Россией и Грузией в процессе распада Советского Союза и непосредственно после него. Это противостояние на протяжении определенного времени, к сожалению, не только не было преодолено, но продолжало даже по инерции усиливаться.

На протяжении всего этого периода, с начала конфликта в Абхазии до сегодняшнего дня, власти обоих государств неустанно заботились о преодолении вышеуказанной опасной тенденции, установлении между собой нормальных, добрососедских отношений. В их политике начался коренной поворот, венцом которого бесспорно должен считаться визит Бориса Ельцина в Грузию в феврале текущего года. Определены принципы, на которых должны строиться российско-грузинские отношения в обозримом будущем и в более отдаленной перспек-

тиве. Можно сказать, что лед тронулся, началось строительство новых взаимоотношений между двумя странами.

Грузия стала членом Содружества независимых государств, что явилось несомненно новым, значительным положительным фактором в борьбе за восстановление целостности и укрепление единства страны.

Новым этапом в деле урегулирования конфликта надо считать начало мирного политического процесса — переговоров конфликтующих сторон под эгидой ООН, при посредничестве России, с помощью стран — друзей Грузии, а также СБСЕ. С удовлетворением хочу отметить, что к сегодняшнему дню на этих переговорах достигнуты заметные результаты. Успешный ход процесса мирного урегулирования укрепляет во мне веру, что примирение между грузинами и абхазами возможно. Хочу еще раз публично подтвердить, что между грузинами и абхазами нет и не может быть ни одного непреодолимого препятствия, ни одной проблемы, решить которую мы не в силах.

Событием принципиального значения считаю то активное, действенное сотрудничество, которое сложилось между Россией и Грузией, с одной стороны, и ООН, ее Генеральным секретарем и Советом Безопасности, СБСЕ, всем международным сообществом, с другой, в деле решения военных, материально-технических, гуманитарных, других вопросов, связанных с урегулированием конфликта. Миротворческая акция российских вооруженных сил, которую поддерживают страны — члены СНГ, осуществится под контролем действующих под эгидой ООН международных наблюдателей. В решении проблем, связанных с возвращением и обустройством беженцев, активно участвуют представители Верховного комиссара по делам беженцев ООН.

Вместе с тем, по моему глубокому убеждению, решающее слово в урегулировании конфликта, конечно, скажут российские миротворческие вооруженные силы. Неизмерима их роль в этом деле. Их действия не могут быть направлены против грузинского или абхазского народов, напротив, функция, которую они должны выполнить в Абхазии, полностью соответствует интересам обоих этих народов, всего населения Грузии. В то же время очевидно, что разрешение конфликта в Абхазии, укрепление стабильности и порядка в Грузии представляют также жизненно важный государственный интерес для России. Учитывая это, мы должны верить, что ошибки, к сожалению, столь характерные для истории абхазского конфликта и повлекшие за собой тяжелые последствия, на этот раз не повто-

рятся. Гарантию этого дают как мои встречи и беседы, так и встречи и беседы моих коллег с президентом России, министром обороны, его заместителями, либо представителями, с руководителями российской дипломатии и другими официальными лицами.

Веру в скорое установление мира в Абхазии усиливает также возобновившийся недавно и проходящий весьма интенсивно процесс переговоров в связи с урегулированием грузино-осетинского конфликта. О проведении совместных мероприятий по некоторым вопросам стороны уже достигли согласия. Здесь надежду на быстрое продвижение дела усиливает тот факт, что в Цхинвали на основании Дагомысских соглашений уже длительное время находятся совместные миротворческие силы России и конфликтующих сторон, которые сыграли значительную роль в деле прекращения кровопролития и установления мира в этом крае, чем создали благоприятные условия для начала процесса политического урегулирования.

Мы не должны забывать, что в сентябре текущего года в Москве состоится очередное совещание глав государств СНГ, на котором руководителям России и Грузии придется представить своеобразный отчет о результатах, достигнутых на пути урегулирования абхазского конфликта. Думаю, что руководство обеих стран кровно заинтересовано в том, чтобы к этому времени были сделаны основные, решающие шаги в направлении установления мира и порядка в Абхазии. Нужно принять во внимание и то, что с конца сентября текущего года приступит к работе Генеральная Ассамблея ООН, для которой факт успешного урегулирования абхазского конфликта может стать весьма значимым прецедентом.

Конечно же, Грузия могла выбрать путь решения абхазского конфликта силовыми методами, но я глубоко убежден, что на фоне революционных сдвигов, происшедших в мире за последнее десятилетие, преимущество бесспорно должно быть отдано варианту мирного политического урегулирования. Именно поэтому я надеюсь, что наш курс одобрит и приветствует международное сообщество, а в его осуществлении нас поддержат прогрессивные силы всего мира.

1994 г.

„И СЧИТСЯ МНЕ...“

Март — женский месяц. Такой же ласковый, вспыльчивый, упрямый и непредсказуемый как женщина. Наверное поэтому для женского праздника и выбрали март. Хотя 8 марта нам уже почему-то отменили, ума не приложу, чем этот праздник помешал?! Правда, есть у нас теперь 3 марта — День матери, а кто еще не мать или никогда не сможет ею стать, то с ними как быть?.. И подарков мужчины не дарят! 8 марта уже не праздник, а к 3 марта еще не привыкли... Вот так и погас в нашей и без того нелегкой женской жизни, хотя и тоненький, но все же лучик радости.

Но, тем не менее, мы, женщины, все же отмечаем свой день 8 марта. И вот я в гостях у моей родственницы. Все было прекрасно, и вдруг ее пятилетняя дочь закатила истерику, требуя у матери какую-то фотографию. Я никак не могла понять, почему мать пришла в ярость от этой просьбы. «У Кетино красивее могилка, потому что с фотографией», — закатывалась и топала ногами малышка. Я не поняла, в чем дело, и, прижав к себе девочку, стала ее расспрашивать. Оказалось, во дворе дети делают могилки, ну и конечно же стараются украсить свою «могилку» как можно красивее. Меня как гром поразило. Господи, это что же такое происходит, наши дети играют теперь в «могилки»!.. Играют так, как когда-то мы играли в куклы и старались как можно красивее украсить «свой дом».

Мне бы и в самом страшном сне не приснилось, что наши дети когда-нибудь будут играть в «могилки», а наши хрупкие, красивые женщины будут заняты войной...

Я всем сердцем хотела преподнести нашим измученным беспощадной, безжалостной жизнью женщинам что-то легкое, радостное, но увы... А впрочем...

С врачом Нино Бекуридзе, медсестрой Лианой Одишвили и бойцом Наной Чохели я познакомилась в санчасти батальона «Авазы». И хотя я знала, что должна встретиться с

фронтовиками, я всё же не смогла скрыть своего удивления при виде этих нежных, красивых женщин. Что скрывается совсем другими представлялись женщины, прошедшие войну. Волна благодарности, восхищения и, может, чуточку зависти захлестнула меня. Они, конечно же, были на голову выше меня уже тем, что знали, что такое война, а я знала о ней лишь по газетным публикациям и телевизору.

Лейтенанту Нино Бекуридзе 28 лет. В июле 1992 года она закончила интернатуру Тбилисского медицинского института. В августе начала работать врачом в санчасти батальона «Авазы», а через две недели началась война и почти с первых же дней войны Нино находилась на фронте. Работала в Очамчирском военном госпитале начальником приемно-эвакуационного отделения. «Я тайком от родных поехала в Очамчире. Договорилась с телефонистками на почте, и когда они соединяли меня с домом, говорили: «Говорите с Поти»... Там, на фронте, сыграли свадьбу Нино и Тристана, и вот недавно она стала матерью очаровательной Мариам.

37-летняя лейтенант Лиана Одишвили по профессии медсестра. Но... Она многие годы проработала хореографом хореографической студии, и только война заставила ее вернуться к прежней профессии. Лиана мать двоих детей и уже молодая бабушка. «Поздравляли прямо на фронте, думала с ума сойду от радости, — улыбается Лиана. — Все-таки жизнь берет свое...»

Нана Чохели тридцати восьми лет, технолог по чаю. «Ну медики еще понятно, а что же вас привело на фронт?» Нана пожимает плечами: «Какая-то девушка, сражавшаяся в Абхазии, обратилась по телевидению с призывом к женщинам, что родина в опасности и, кто может, пусть встанет на ее защиту. Вот я и решила». Нана мать двоих детей и бабушка двух внуков.

Смотрю на них, таких красивых, элегантных, и никак не могу их представить в фронтовом быту. Нино Бекуридзе и Лиана Одишвили жили на квартире у старой абхазки. Несчастная старушка как мать ухаживала за ними и выплакала все глаза: «Что мне делать, куда деваться? Я — абхазка, муж — грузин, дети — грузины...»

Нана Чохели жила на передовой с бойцами. На мой вопрос, не испытывала ли она каких-либо неудобств, ответила: «Нет. Я там была им и матерью, и братом, и сестрой...»

— А со смертью свыклись? — обвела я всех троих ис-

пытующим взглядом, заранее предполагая, что ответы будут разными.

«Невозможно свыкнуться со смертью. Столько ребят пристало с жизнью у меня на глазах, — горько говорит Нино. — И снится мне по сей день гул машины, въезжающей во двор госпиталя. Во дворе был небольшой мостик, я с ужасом замирала в ожидании того, как машина въедет на этот мостик. Я уже по звуку машины безошибочно узнавала, раненых везут или убитых: если осторожный — раненых, ревущий — убитых... Просыпаюсь вся в поту и, только сообразив, что я здесь, в Тбилиси — успокаиваюсь».

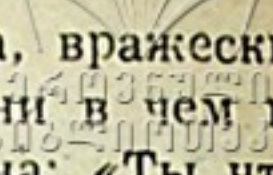
Нана Чохели о смерти вообще не думала и не боялась ее: «Наверное потому, что рядом теряли жизни такие славные ребята, что я забывала о собственной».

2 июля у Тамыша во время высадки абхазского десанта Нану Чохели тяжело ранило в грудь. 19 часов выходили бойцы из окружения. «А вас, наверно, вынесли?» «Нет. Я шла с ними вместе. Ребята хотели сделать носилки, но я не согласилась». «А как же боль?! — невольно вырвалось у меня, и, что греха таить, я сначала и не поверила, что с таким ранением можно было продержаться на ногах час, не то что девятнадцать. «Боль и потеря сознания были потом. А тогда сгоряча я и не чувствовала, столько ребят мы потеряли в тот день».

2 июля, до ранения, Нана Чохели убила в бою девятерых... За ее голову абхазы обещали огромное вознаграждение. На мой немой вопрос, как же она, женщина, мать, могла убивать, Нана сказала: «Там столько наших мальчиков полегло... Возможно, от меня, как от женщины, страшно это слышать, но я живу сейчас войной. И если все эти мирные договоры не принесут должных результатов, мне лучше с автоматом в руке умереть там, чем сгорать здесь от бессилия».

Лиана вспомнила прошлогодний день 8 марта. Они с Нино поднялись из Очамчире в Лабру, чтобы проведать раненого соратника. Уже было около 5 часов вечера, возвращаться обратно было небезопасно, и парни оставили их. Лиана увязалась с бойцами на позицию, Нино не пошла, так как наизусть знала всю эту местность. «2 часа до смены караула на позиции прошли вроде бы спокойно. Раза два стрельнули с нашей стороны, лениво ответили — с другой, и когда уже возвращались, вдруг началась дикая стрельба, мы залегли там же под каким-то домом. Я уже не верила, что уцелеем... Вернулась, Нино уже спит. Я тоже легла, но через полчаса на-

чался такой жуткий грохот и вой, что я подумала, вражеские ганки уже во двор ворвались. А Нино спит как ни в чем не бывало. Я вскочила, принялась ее тормошить, а она: «Ты что, чокнулась, ложись, спи. Тут всегда такое творится!» Да разве бы я заснула! Вскочила, оделась, даже сапоги не поленилась натянуть, и так в полном обмундировании просидела до утра». «Но самое интересное. — со смехом перебила Лиану Нино, — утром выяснилось, что в подвале нашего дома размещался склад боеприпасов. Если бы я об этом знала, то разве бы уснула. Достаточно было бы одной искорки, и мы вместе с домом взлетели бы в воздух». «Значит, и вы боялись», — невольно вырвалось у меня. «Кто боится, тот дома сидит!» — отрезала Нана Чохели. «Ай, нет. За мной числился автомат, который я боялась потерять больше всего на свете. Парни хотели укоротить мне приклад, чтобы таскать было легче, но я не согласилась. Однажды после двух бессонных ночей я оставила его на почте. Я дошла до дому так, что об автомате и не вспомнила, уже около дома меня догнал какой-то боец и протянул мне мой автомат. Здорово же я тогда испугалась...»

«А не стесняло ли вас такое количество мужчин вокруг?» «Вовсе нет. Наоборот, еще больше чувствуешь себя женщиной. Столько тепла, нежности, заботы мужчина в обычной жизни может и не выскажет». «И в бою чувствуешь себя женщиной?» — обращаюсь я к Нане Чохели. — «В бою все сражаются на равных. А после боя первое, что спрашивают: «Где Нана, цела?» Вот тогда я уже вспоминаю о том, что я слабое создание».

«Ну коль заговорили о слабом поле, а как же с любовью? Возможно это чувство на войне?» «На войне любовь еще сильнее. Мы с Тристаном Цителашвили поженились там», — с улыбкой говорит мне Нино. Но от скупой на слова Наны Чохели я, признаться, не ждала такого красноречия: «Любовь не знает войны и сражения. Если на войне полюбишь человека, то на всю жизнь. Наверное от вечного, изводящего душу страха потерять вдруг любимого человека фронтовая любовь нежнее и возвышеннее. Только там осознаешь всю полноту словосочетания «любовь и смерть». И я полюбила на фронте человека и не разлюблю до смерти... Скажете, бабушка, и туда же, с любовью носится... Что поделаешь, всякое бывает в жизни...» Мы все замолчали, каждая задумалась о чем-то своем, сокровенном. На вопрос, что им чаще всего вспоминается из фронтовой жизни, был ответ, что, конечно же, убитые друзья и «...представьте, чей-то покинутый дом, вечер, зыбкий свет ке-

росиновой лампы, в углу пианино, и все парни живые, и мы все вместе, — рассказывает Лиана, — они просят, чтобы я что-нибудь сыграла, и я, не заставляя себя упрашивать, подсаживаюсь к пианино. Вдруг забывается, что где-то идет война, кажется, что вот-вот войдет отлучившийся на минутку гостеприимный хозяин... А ребятам нужно идти на позицию, только они медлят: «Может, это моя последняя песня...» «И о чем же вы пели?» «Большой частью о Грузии...» «А сейчас чего бы вы пожелали Грузии?» «Мира, долгожданного мира, терпения и огромной, всепрощающей любви нашей истерзанной, растоптанной, многострадальной земле...»

А еще пожелали они, увы, конечно же, невозможного: воскрешения всех убиенных в этой проклятой войне, которая научила наших детей играть в «могилки», а женщин — убивать.

Георгий ЛОМИДЗЕ

НАЦИЯ

Сегодня в Грузии происходит поистине революционный процесс. Это прежде всего революция в сознании — как личностном, так и общественном. За последние годы утвердился стереотип — будто бы решающая проблема заключается в изменении социально-экономической формации, а в области общественного сознания у нас все в порядке, и это сознание в интеллектуальном плане готово освоить и принять демократические ценности. Время выявило наивность этого стереотипа, его полное несоответствие с реальностью. Поразительно, но это факт — грузинское общество, несмотря на высокий на первый взгляд уровень интеллектуального развития и на блестящие образцы искусства, созданные творческой интеллигенцией, совершенно неподготовленным встретило революционные процессы, развернувшиеся с 1985 года в советской империи, и с большим трудом восприняло и осваивает те ценности, которые во всем мире считаются азбукой демократии и цивилизации. Разумеется, на это существовали объективные причины. Можно даже сказать, что коммунистическая элита держала общество во тьме и не давала возможности для приобщения к передовым идеям. Но подобное толкование не будет полным, ибо, не вспоминая Прибалтики, надо признать, что даже лидеры осетинского и абхазского националистических движений с этой точки зрения проявляли значительно большую осведомленность, чем мы. Напомним читателю дискуссию, которая в 1987-88 годах велась между известным осетинским поэтом Нафи Джусойти и одним нашим «национальным деятелем». Этот последний упрекал Джусойти в том, что тот в одной статье использовал термин «народ Грузии» и задавал риторический вопрос — на каком, мол, основании вы превра-

тили грузинский и осетинский народы в один народ, **когда они** разные народы. Вот этот вопрос и полная некомпетентность его автора можно считать тем «проблемным узлом», завязать который было необходимо прежде, чем начать рассуждать о великом понятии, вынесенном в заголовок.

В любом политическом процессе можно установить основное понятие. Понятие-ключ, без приобщения к которому, без его освоения процесс приобретает формальный характер и закончится неизбежным крахом. Справедливость данного положения подтвердила наша новейшая история. С 1988 года в Грузии было задействовано довольно мощное общественно-политическое движение. Формально оно ставило своей целью восстановление и укрепление грузинской государственности, однако по своей сути это не было перспективным движением, так как отрицало и не признавало то основное понятие (понятие-ключ), приятие которого мировая цивилизация требует от всякой страны. Помнится, как мы разделили население Грузии на «гостей» и «хозяев». Вот именно тогда измельчало наше движение и приобрело лицо примитивной этнофобии.

Грузинское общество не осознало, что деятельность нацеленного на восстановление государственной независимости Грузии движения только в том случае оказалась бы успешной, если б возвысилась над этническим национализмом и приобрела лицо **государственного национализма**. Если борьба за создание грузинского государства стала бы внутренним стремлением не одних грузин, а всех жителей страны. Или, иначе говоря, национально-освободительное движение должно было вовлечь в борьбу за независимость и государственность не только этнических грузин, но весь **народ Грузии**.

Остается такое впечатление, что этнический национализм целенаправленно и целеустремленно насаждался у нас, чтобы отдалить интеллектуальную потенцию Грузии от основного понятия-ключа и тем самым с самого начала обречь грузинское националистическое движение на провал. Однако, повторяем, подобный исход нельзя объяснить только этим обстоятельством. Ибо не будь поразительной безалаберности грузинской интеллигенции, вполне можно было внести ценности демократии в грузинское сознание. Ведь для нее железный занавес между «Западом» и «Востоком» был более чем прозрачным? Как можно было допускать, что ни одно периодическое издание, выходящее в 1988-89 годах, не пыталось утверждать идеалы общегосударственного движения, а вело пропаганду

примитивного этнического бунта. Именно такими нас узрел Запад и поэтому не поддержал. Тогда же все наши «академические» и «высокоинтеллектуальные» газеты сплеховали перед одним русским изданием — «Ленинским знаменем». В нем опубликовали статью о случаях нападений на российских военнослужащих. В связи с этим одна грузинская газета, не скрывая возмущения, вопрошала — откуда известно, что нападения совершают именно грузины? В ответ русский военный журналист (!) сам задал вопрос — какое имеет значение национальность преступника — разве у него вообще есть национальность? Вспомним и то, какая истеричность сопутствовала известному положению — «каждый грузин — убийца грузина вне зависимости от виновности жертвы будет отвергнут...» и т. д. Эту формулу (конечно, с подачи российских спецслужб) напечатали все крупные западные газеты как свидетельство отсталости, неразвитости грузин и Грузии и господствующего у нас интеллектуального мрака.

Вот как раз здесь следует искать ту главную, роковую ошибку, которую допустила Грузия во время борьбы за государственное самоутверждение. Конечно, если хотим исправить в будущем эту ошибку и хотя бы впредь вести в правильном направлении государственное строительство.

Ныне каждое высокоразвитое, передовое государство мира определилось как нация. Или как имеющий единое государственное сознание народ, для которого государственные ценности значительно более дороги и значительны, чем узконациональные. Данный процесс (становления нации) начался еще со времен Великой французской революции, и фантастические победы Наполеона были обусловлены не только его гениальностью, но и тем, что новорожденное французское демократическое государство вооружилось наиболее прогрессивной и мощной идеологией той эпохи — оно возвысилось над этнической замкнутостью феодального мира и утвердилось в Европе как общенародное государство, как французский народ, как молодая и сильная **нация**.

В дальнейшем каждая передовая и развитая страна определилась как нация, и эта идеология стала господствовать в мире. В названии ООН слово нация употребляется в этом понимании.

Если Грузия стремится к истинному государственному, а не узкоэтническому самоопределению, мы должны бороться за утверждение общегосударственной идеологии и прежде

всего должны утвердить понятие — **народ Грузии**, соответствующее термину нация. Следует прекратить любые разговоры о «гостях» и «хозяевах» — они позорны для цивилизованной страны. Мы обязаны осознать, что каждый гражданин Грузии, каждый его житель является хозяином в своей родине — Грузии вне зависимости от национальности, происхождения и вероисповедания, цвета кожи, строения головы и т. п. Общегосударственное, поистине гражданское сознание будет способствовать становлению гражданского общества и укреплению государственности. Сегодня наша страна слаба и беспомощна именно потому, что, к сожалению, стала она строиться только как государство грузин и по сей день еще не превратилась в общенародную, защищающую национальные интересы организацию.

Безусловно в силу исторических или иных причин каждой нации присущи специфические свойства. Скажем, в России, где довольно успешно протекает процесс становления нации, могут употреблять термин — **многонациональный народ**, так как эта нация исторически формировалась как объединение многих автохонных народов. С этой точки зрения в Грузии живут только два народа — грузины и абхазы, государственное объединение которых связано именно с этой территорией. Кроме того, здесь живут представители других национальностей и этнических групп. Поэтому по отношению к нашей стране будет правильнее введение термина **многоязычный народ** — многоязычный народ Грузии. Может показаться, что термин принижает значение грузинского языка как государственного. Однако это кажущееся и ошибочное впечатление. Национальное единство напрямую не связано с проблемой культурно-языкового доминирования народа, основавшего государство. Подобная доминанта может существовать и не существовать. Например, французская нация сформировалась в условиях доминирования французского языка. Но в мире существуют двух- и трехязычные нации (северные и северо-восточные государства Европы). Реальность подсказывает, что грузинская нация (с учетом исторических реалий) не может быть только одноязычной. Немалая часть населения Грузии не владеет грузинским языком, и силовой, нереалистический подход к этой проблеме лишь помешает процессу национального единения, становления общегосударственного сознания. Поэтому будет значительно лучше, если мы узаконим существующую реальность и рядом с грузинским как государственным языком предоставим определенное место и рус-

скому языку. Это вовсе не принизит грузинскую государственность. Вместе с тем составным частям любой нации должны быть предоставлены право и возможность сохранения родного языка и культуры, и именно это содержание вложено в термин — **многоязычный народ**.

Будущее Грузии тесно связано с процессом становления национального единства, или **нации**. Если этот процесс успешно закончится, мы займем место в содружестве мировых наций как равноправный народ. В противном случае Грузия или станет страной постоянных этнических войн и кровавых дождей, или разрушится как государство и превратится в составную часть более многочисленной нации.

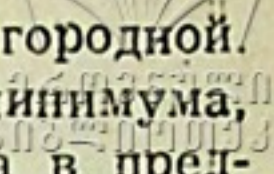
Гурам КОПАДЗЕ

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ

Разработка и исследование взаимоотношений государства и религии чрезвычайно важны для благополучия людей и особенно для такой многорелигиозной и конфликтной страны, какой является Грузия, находящаяся в процессе самоопределения и формирования. Если мы учтем и то, что помимо национальных конфликтов созревают и религиозные конфликты, — станет ясным, насколько актуальна отмеченная проблема и что необходимо решить ее своевременно.

Понятно, что раз государство и религия имеют в основном одну общую цель — благоразумно вести народ, — поэтому между ними должны быть прочные связи, и следует найти пути для нахождения и внедрения этих связей в жизнь согласно воле истинного Бога. Враг же всякой религии и антихрист Ленин отделил церковь от государства, и как обидно, что эту

операцию и сегодня многие считают разумной и благородной. Таким путем внимание людей к Богу сводится до минимума, расщепляется целостность земного и небесного Мира в представлении людей, которые прилепляются ко всему земному и поработаются материальными и экономическими процессами.

Отделить церковь от государства — это значит вырвать божественную душу из этого последнего и вместо нее вдохнуть душу сатаническую. Это была попытка передать фактически всю власть атеистическим силам. Это был чуждый дальновидности и обреченный на провал безумный эксперимент, который смог настолько отравить сознание людей, что большая часть из них пока еще не смогла освободиться от того стиля мышления, против создателя которого сами же идут в поход. Они борются против самих себя, стараются поверить в Бога, и, кажется, им это удастся. Однако эта вера обусловлена не столько любовью к Богу, сколько ненавистью к Сатане, и поэтому пока еще не является полноценной и до конца здоровой.

В решающий момент восхождения человечества, на пороге приближения к тому финишу, когда над всем постепенно поднимается занавес и высвечиваются спрятанные под масками лица, когда темные силы ожесточенно стараются затемнить Солнце Истины и сами вторгаются во все сферы человеческой жизни, особенно в сферы национального, политического и религиозного сознания людей, начинается чрезвычайно сложный процесс возвращения к Богу. С полной нагрузкой включаются механизмы как духовного, так и умственного очищения и развития, и в такой сложной ситуации нам следует проявлять благоразумие для правильного восприятия и внедрения в жизнь воли Бога. Но все это будет невозможным без верховенства свободы совести и мысли, и поэтому нам следует быть особо откровенными и смелыми для осторожного решения чрезвычайно ответственных и тонких вопросов взаимоотношения государства и религии.

У государств разных типов есть разные системы управления с соответствующими режимами и присущие каждому из них взаимоотношения с разными религиями. В свою очередь и разные религии своеобразно определяют свои отношения как с собственными, так и с другими странами. Между государством и религией может существовать как атмосфера взаимопонимания и сотрудничества, так и тенденции взаимной изоляции, а также многие формы их про-

явлений. Например, существует установление собрания православно-христианской церкви, которое церковным лицам запрещает участвовать в мирских учреждениях, аргументируя такое решение тем, что нельзя служить двум господам божьими заповедями (см. «Наука и религия», 6/91, с. 3). Хотя в последнее время в этом отношении положение во всем мире облегчилось и даже образовался ряд христианских религиозно-политических организаций. А что касается ислама, — ему вообще чуждо какое-либо противостояние между служением Аллаху и социальной деятельностью. Согласно исламу, всякая общественная деятельность по своей сути означает и служение Аллаху. В соответствии с этим наблюдается сравнительно высокий процент избрания представителей мусульманского духовенства при выборах в разные парламенты. И вообще, следует думать, что со временем в государственном управленческом аппарате будут формироваться как механизмы участия церковных лиц, так и формы привлечения к государственной работе отдельных просветленных лиц, дающих консультации и рекомендации...

И все же самое главное — разработать, в каком виде следует включить курс религиозного приготовления в систему воспитания и просвещения. В этом смысле имеются два диаметрально противоположных мнения. Одно совсем исключает введение всяких религиозных программ в школе, а другое стремится провести политику навязывания христианской идеологии так же, как в свое время всякими средствами происходило распространение марксистско-ленинского учения и отравление новых поколений «научным» атеизмом. Легко должно быть понятным, что людям нельзя давать «запретный плод» с дерева познания добра и зла до тех пор, пока они самостоятельно не выработают способность правильного понимания и правильной оценки накопленного из разных источников знания. Каждый человек связан с рождения по целому ряду каналов с Богом, и на разных этапах духовного развития у него открываются соответствующие центры для познания Сущности и Воли Бога. Никто не имеет права перекрыть эти механизмы и магическими приемами захватить человеческие души. С большой осторожностью и с учетом индивидуальных способностей, с применением ситуационных моделей и элементов оригинальных игр должны быть разработаны программы развития и совершенствования свободного и честного мышления, дающие возможность детям, подросткам и зрелым людям гармонично развиваться и овладевать божест-

венной мудростью путем удовлетворения любви и здоровых интересов. Это гораздо важнее, чем усвоение разных специальностей, которые люди с искривленными душами не применяют на благо ни для самих себя и ни для других людей.

Чрезвычайно важно, чтобы люди вырабатывали здоровую психику и ясное мировоззрение, любовь к Истине и чувство Справедливости, умение слушать друг друга и высокую культуру диалога, уважение к чужой мысли, искусство безопасной передачи знания. Необходимо, чтобы все это послужило построению здорового общества и укреплению страны посредством включенных параллельно и одновременно централизованной и автономных систем управления, ориентированных на выражение Воли Бога и программированных функционально на Её реализацию.

Если мы учтем все вышесказанное, тогда должно быть понятно, что не будет правильно оставлять детей лишь под присмотром родителей, чтобы только те решали, к какому Собору им идти. Не будет правильно и ограничиваться в школах и высших учебных заведениях обучением лишь истории религий, как бы объективно она ни преподавалась. В первую очередь, наверно, надо будет развивать учеников специальными тестами и вопросниками, чтобы у них выработались собственные установки и представления относительно важнейших вопросов религии. Все должно быть направлено в сторону примирения науки и религии, к устранению противоречия между ними. Более того — надо будет укреплять взаимное сотрудничество науки и религии. Именно так должен быть ориентирован генеральный курс работы Министерства просвещения.

Коррупция. Юго-Осетинский след. Зреет уголовный суперпроцесс постсоветской эпохи

...Хронология событий достоверна и, что очень важно для следствия, отражена в сводках «ДСП» сотрудников МВД, работавших в зоне конфликта еще до формирования временной администрации на территориях Северо-Осетинской ССР и Ингушской республики.

Итак, по сводкам, опубликованным в печати МВД, 9 июня 1992 года толпа беженцев из Южной Осетии блокировала строящийся для выводимых из Германии воинских частей жилой городок и военную базу «Филипп Хольцманн» на девятом километре трассы Владикавказ—Беслан недалеко от станции Михайловская. Солдаты охраны открыли огонь на поражение, но тут же были смяты толпой. В тот день с военной базы были выведены и под осетинским флагом проведены через Владикавказ 12 самоходных артиллерийских установок (САУ) калибра 122 мм.

Ночью ситуация в столице СО практически не контролировалась властями и органами правопорядка. 10-го южными осетинами была захвачена центральная база Владикавказского гарнизона, с которой «КамАЗами» были вывезены боеприпасы к САУ и автоматы. На пути в Южную Осетию никто даже не попытался задержать эту смертоносную колонну. В это время в городе не прекращался митинг, требовавший отставки председателя ВС Галазова, премьера Хетагурова и министра внутренних дел Кантемирова...

Именно в это время на территории СО, а точнее на шоссе Владикавказ—Алагир был арестован глава правительства Южной Осетии Олег Тезиев. Спецназовская группа блокировала «мерседес» и захватила вместе с Тезиевым охранника и двух русских (автор этих строк — один из них). Воспользоваться автоматами и пистолетами «ТТ» они не успели. Буквально за

несколько часов до захвата южноосетинского премьер-министра в Пригородном районе были арестованы местные жители, в багажнике машины которых находился АКМ и чемодан с деньгами. На первом же допросе арестованные показали, что автомат они только что купили у Тезиева, а сверка номеров показала, что этот АКМ из партии, похищенной со склада базы «Филипп Хольцманн». Таким образом, прокуратура Северной Осетии (т. е. российская) возбудила уголовное дело против Олега Тезиева и предъявила обвинение в организации вооруженного нападения на военный объект и незаконной торговле оружием.

Тезиева и находившихся с ним людей продержали в следственном изоляторе Владикавказа более суток. За это время практически все высшие должностные лица Северной Осетии испытали на себе давление южан, а люди, беседовавшие с задержанными, не скрывали, что такой нажим имел место. В Цхинвали уже готовили группу, которая должна была, по словам одного из ее участников, «разнести этот Владикавказ вместе с Галазовым». Тогда Тезиев был отпущен с извинениями.

ПУТЬ К ВЛАСТИ

Теперь он арестован вновь.

Предприниматель из Северной Осетии Олег Тезиев занял пост главы правительства Юга почти случайно. Замысел Народного фронта Южной Осетии, видимо, состоял в том, чтобы в один из наиболее тяжелых для ЮО периодов пригласить на эту должность северянина и, сделав из него таким образом национального героя, вернуть затем во Владикавказ уже как потенциального лидера Северной Осетии. По конфиденциальной информации, сперва стать премьером ЮО предложили директору Северо-Осетинского института гуманитарных исследований Сергею Таболову, но тот отказался. После чего как-то сам собой возник Олег Тезиев.

Несмотря на определенную популярность, которой пользовался энергичный премьер в Южной Осетии, он в значительной степени оставался чужаком в Цхинвали. Практически все связи и контакты были переданы ему лидером Народного фронта Аланом Чочиевым. Именно он и рекомендовал Тезиеву ближайших помощников и советников — например, министра обороны Валерия Хубулова, командира ОМОНа Вадима Газ-

заева и других. Однако впоследствии как-то забылось, что инициатором всех назначений в правительстве и раздаче тех или иных полномочий был именно Алан Чочиев, а не Олег Тезиев, который в тот период стал легкой добычей кадровой политики Народного фронта.

По данным справки из Регионального управления по организованной преступности ГУВД администрации Московской области (РУОП АМО), находясь в Цхинвали, Тезиев в основном занимался закупкой оружия и вооружением юго-осетинских вооруженных формирований. На этой почве ему удалось в короткий срок наладить отношения с российскими военными, в том числе и с теми, кто принимает принципиальные политические решения. Фактически «победа» Южной Осетии в войне с Грузией явилась результатом невероятной активности Тезиева и его ближайшего окружения. Южная Осетия в очень короткий срок получила достаточное количество вооружения для того, чтобы противостоять грузинскому наступлению.

После прекращения боевых действий в Южной Осетии деятельность Тезиева практически полностью переместилась в Москву.

ПУТЬ В ТЮРЬМУ

В российской столице была создана система коммерческих предприятий, которые финансировались из числа денег, полученных Южной Осетией в результате раздела союзного бюджета. Предполагалось, что эти структуры будут снабжать Южную Осетию всем необходимым: оружием, продуктами питания, товарами первой необходимости, наличными деньгами (банковские операции с Южной Осетией были прерваны, и потому в Цхинвали месяцами не выдавали зарплату — не было наличных рублей, а Грузия вышла из рублевой зоны). Руководителями этих коммерческих структур стали московские осетины, в основном родственники лидера Народного фронта Алана Чочиева. При создании и финансировании этих организаций Тезиев (от лидера фирмы «Алагир») не требовал расписки, доверяя протее Чочиева, — впоследствии это привело к бесконечной череде разборок с привлечением профессиональных рэкетиров (Справка РУОП АМО, стр. 2).

Отсутствие Тезиева в Цхинвали и его операции с крупными денежными средствами создали ситуацию, при которой некоторые полевые командиры стали требовать гарантий того,

что Тезиев будет действительно работать в их интересах. Гарантом «верности» Тезиева стал его старший сын Теймураз, который был определен на службу в цхинвальский ОМОН, под обещание командира этого подразделения Вадима Газзаева следить за его безопасностью. Резонно предположение: фактически Теймураз Тезиев был заложником, а степень его безопасности определял не Газзаев, а командующий национальной гвардией Алан Джигоев по кличке Парпат (Пьяница). Именно он затем вывез Тезиева-младшего на своей машине из расположения ОМОНа и потребовал с премьер-министра миллиардную сумму наличными в обмен на сына. (Эта информация предоставлена автору бывшим помощником премьер-министра Южной Осетии Евгением Крутиковым).

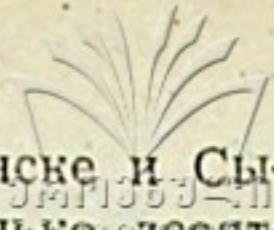
Сын Тезиева был выкуплен за труднопроизносимую сумму. Сейчас большинства участников этой драмы уже нет в живых: Вадим Газзаев был убит на пороге своего дома бандой мародеров, а Алан Джигоев (Парпат) застрелен в расположении ОМОНа его новым командиром Сиукаевым. Однако эта история, которую долго скрывали, отлично демонстрирует степень криминальности военного и политического руководства Южной Осетии. Полевые командиры, многие из которых не гнушаются торговлей наркотиками в Грузии, ракетом в Северной Осетии и Москве, похищением людей и перепродажей краденых автомашин, открыто вымогали деньги у Тезиева. Он, по версии следствия, стал едва ли не основным каналом поступления оружия и наличных денег для некоторых вооруженных формирований в Южной Осетии.

ПУТЬ НА ТОТ СВЕТ?

Олег Тезиев окончательно переехал в Москву весной 1993 года с приближенными к нему людьми (среди них следствию известны бывший военный служащий, офицер Псковской ВДД и бывший комендант города Цхинвали Алексей Ткачук и цхинvaleц Ацамаз Алборов). Помимо коммерческой деятельности, они занимались закупкой оружия у офицеров Псковской воздушно-десантной дивизии и через эту же преступную группу (около 30 человек) контрабандой оружия из Эстонии. (Этот момент следствие считает установленным. Справка РУОП АМО, стр. 2).

Размах деятельности юго-осетинских торговцев оружием показывает тот факт, что продажа тяжелого вооружения Те-

зиеву совершалась практически открыто — в Саранске и Сызрани премьер Южной Осетии сумел купить несколько десятков единиц бронетехники, а в Пскове речь шла о продаже зенитных комплексов «Игла» (советский аналог «Стингера»). Санкции на продажу Южной Осетии (в лице Тезиева) значительного числа бронетехники и оружия были даны весьма крупными политическими фигурами в Москве, что придает следствию скандальный характер: дело Тезиева может стать крупнейшим процессом о коррупции и незаконной финансовой деятельности некоторых высших офицеров Генштаба, командования ВДВ и, по конфиденциальным данным, не имеющим пока документального подтверждения, сотрудников администрации аппарата президента России.

В вину Олегу Тезиеву и арестованному в подмосковной Апрелевке Алексею Ткачуку вменяется также рэкет. Это обвинение стало следствием разборок среди московских коммерсантов осетинского происхождения, фирмы которых незаконно финансировал Тезиев. Некоторые из них (например, Валерий Кайтуков, проживающий ныне в Торонто, руководитель фирм «Кадешк» и «Безопасность») обвинили Тезиева и приближенных к нему в рэкете и официально обратились в органы МВД после того, как были вынуждены «отчитаться» за свою деятельность перед финансировавшим их Олегом Тезиевым (Уголовное дело № 101393). Напряженная атмосфера сложилась также вокруг бывшего лидера Народного фронта Южной Осетии Алана Чочиева, который, по его собственным словам, «оставил политику и научился в Москве делать деньги». Есть информация, что именно он — бывший идеолог независимости Южной Осетии — стал инициатором ряда финансовых операций, которые едва не разорили Тезиева и принесли немалый доход коммерсантам — родственникам Чочиева. На данный момент следствие располагает информацией о том, что Чочиев находится в США.

Олег Тезиев был едва ли не ключевой фигурой в ходе боев осенью 1992 года в Пригородном районе Северной Осетии. Тогдашний премьер СО Сергей Хетагуров и Александр Дзасохов за несколько дней до начала кровавой депортации ингушей из Пригородного района летали на вертолете в Цхинвали и уговаривали Тезиева «защитить Осетию от ингушей». Юго-осетинский отряд отличался исключительной жестокостью, которая была выработана в южанах годами кровопролитной войны на уничтожение с Грузией, мародерством и грабежами в ингушских селах. Впрочем, и северным собратьям досталось...

Командовали ими все тот же Алан Джигоев (Парпат) и министр обороны Валерий Хубулов.

В то же время Олег Тезиев представлял серьезную опасность для недолюбливавшего его правительства Северной Осетии как человек, который вполне мог претендовать на высокие должностные посты.

Есть несколько версий причин нынешнего ареста Олега Тезиева. В реальности люди его ранга и калибра практически никогда не попадают под следствие или арест — слишком сильны покровители и уникальные связи, которые позволяют совершать чрезвычайно рискованные и прибыльные операции с оружием и финансированием коммерческих структур. По одной из версий, Олег Тезиев был сдан обиженными на него московскими бизнесменами осетинского происхождения. В частности, документы, которые позволили предъявить Тезиеву обвинение в рэкрете и незаконном финансировании коммерческих организаций, были найдены во время обыска в помещении фирм «Кадешк» и «Безопасность» в районе метро «Авиаторная». По второй версии, арест Тезиева стал результатом противоборства в российском правительстве среди нескольких группировок, ориентированных в своей деятельности на теневую сторону кавказской политики России. Предполагается, что следствие выйдет через «дело Тезиева» на высокопоставленных сотрудников аппарата президента и правительства, против которых, собственно говоря, и идет игра. По третьей версии, Тезиев был арестован практически случайно в результате некорректного поведения Алексея Ткачука, однако вряд ли это объяснение заслуживает внимания.

Алексей БАСАЕВ
«Мегаполис-Экспресс»

Уважаемые читатели! Настоящий номер готовился и был сдан в производство более года назад. По техническим причинам издать его удалось только сейчас, в августе 1995-го.

РЕДАКЦИЯ

Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ

ИСПОВЕДЬ

(ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ «ЧЕРТОВА КОЛЕСА»
ГУРАМА ПАНДЖИКИДЗЕ)

Известная фраза о том, что когда гремят пушки, умолкают музы, в большом ходу сегодня у нас в Грузии, но, похоже, эта истина не всегда соответствует действительности, в чем нас убеждает картина, сложившаяся в грузинской литературе.

Последние четыре-пять лет мы, к несчастью, наслышаны разрывов снарядов и пулеметных очередей, чему причиной как внешние темные силы, так и внутренние распри, но это ни в коей мере не спугнуло музу грузинских писателей и уже тем более не заставило ее молчать. Разве новые эпические сочинения Реваза Джапаридзе, Арчила Сулакаури, Гиви Магулариа, Тамаза Чиладзе, Левана Саникидзе, Гурама Гегешидзе, Резо Чеишвили, Гурама Панджикидзе, Заура Каландиа и многих других (в том числе, что весьма примечательно, и политических лидеров и борцов Джабы Иоселиани и Георгия Чантурия), не говоря уже о замечательной публицистике, новеллистике или лирике, не развеивают миф о несовместимости пушек и муз?!

Так что патетический ответ Петриашвили и К° на их же риторический вопрос — «А где грузинские писатели?» — «Грузинские писатели на Мтацминде!» — достоверен лишь наполовину. На Мтацминде действительно покоятся замечательные грузинские писатели, но их творческие наследники продолжают стоять на службе Грузии. Да, они рядом с грузинским народом, в самой гуще его, именно «пером и штыком» (читай: автоматом) защищают неприкосновенность своей стра-

ны и достоинство нации. В качестве убедительного примера достаточно упомянуть о деятельности Гурама Панджикидзе, который, служа грузинской писательской семье, будучи председателем Союза писателей Грузии, сражался в Сухуми с оружием в руках и опубликовал на страницах «Мнатоби» новый роман.

В прошлом году журнал «Мнатоби» опубликовал роман «Чертово колесо», который еще раз предоставил нам возможность взглянуть на нашу жизнь глазами Гурама Панджикидзе. Его предыдущие романы убедили читателя в правдивости видения писателя, что прежде всего привлекает к нему внимание. Мастерство писателя сейчас воспринимается нами как уже нечто само собой разумеющееся, и все наше внимание направлено на то, что хочет он сказать нам своим новым произведением. Да, нас больше увлекает и волнует «что», нежели «как», поскольку это последнее в отношении к нашему автору давно уже определено.

И все-таки мне хочется напомнить читателю об одной характерной и значительнейшей черте творчества Гурама Панджикидзе, которая лично мне очень по душе. Несмотря на то, что он — плоть от плоти своего поколения, и все новшества, привнесенные временем, так или иначе в той или иной степени нашли отражение в его творчестве (например, склонность к психоанализу), главным его амплуа, думается, остается роль художественного летописца. Исследование психики и характера человека в разрезе генетической стабильности за счет внимания к социальному и историческому бытию порой приводит к высокохудожественным результатам, но, мне кажется, больше шансов на успех, а потому и большее воздействие на читателя имеют все же те произведения, где на фоне современной писателю общественной жизни и с ее помощью происходит раскрытие духовного мира героев. Никто не станет отрицать огромное влияние на литературу двадцатого века, скажем, Джойса и Пруста, но оно все же частично, фрагментарно, скоротечно, фундаментом же на протяжении веков остается то, что условно можно назвать реалистичностью или «летописанием», или чем-то подобным.

Мне уже приходилось говорить, и здесь я хочу повториться: литература — зеркало жизни, и, как бы нас ни убеждали в обратном, мировая и национальная наша культура говорят о том, что литературу питает жизнь, что она неотделима от реальности и попытка разъединить их — пустая и к тому же вредная ватя.

Гомеровская обитель богов оказалась отражением вполне реального мира, и это в полной мере подтвердили археологические раскопки последнего времени, потрясшие весь мир (нам следовало бы догадаться об этом и раньше, ибо, как говорил Гомер, сердце человека более всего захватывает песня, рассказывающая о недавних событиях). Мудрая и красивая поэма Руставели была вдохновлена действительностью современной поэту Грузии. На фоне опасных приключений рыцаря печального образа и его комического спутника Сервантес развернул картину жизни не только Ламанчи той эпохи, но и всей Испании, и мировая литература не знает более значительных художественных полотен, а равные им, почти все без исключения, лишь подтверждают ту непреложную истину, что литература есть прямое или аллегорическое выражение бытия и духа своего времени.

Литература каждой уходящей эпохи хранит для потомков след своего времени, правда, отличный от исторического, но не менее достоверный. По силе же воздействия с художественным словом ничто не сравнимо. Грузинская литература двадцатого века в будущем определенно будет представлять интерес и, по моему глубокому убеждению, в центре внимания окажутся, в первую очередь, именно те произведения и те писатели, которые расскажут правду о нашем сложном и трагическом времени. В этом смысле все творчество Гурама Панджикидзе и его новый роман представляют несомненную ценность.

Я назвал свою статью заметками, потому что убежден, что «Чертово колесо» Г. Панджикидзе заслуживает детального и всеохватывающего исследования, настолько значительны затронутые в нем проблемы, настолько широка развернутая в нем панорама жизни Грузии. По мнению одного крыла современной французской литературной критики, в литературе уже нет надобности, критики должны исследовать непосредственно общественные проблемы, либо же писать о том, что надлежит делать литературе и чего она не делает. Как видно, в сегодняшней Франции отклонение литературы от основного течения жизни более чувствительно, чем у нас, хотя и грузинская литература порой увлекается локальными вопросами, ограничивающими кругозор, нюансами постижения характера, эстетизмом и тому подобным, что в любом случае представляет интерес, но в меньшей степени служит той главной функции художественного произведения, о которой шла речь.

«Чертово колесо» — роман-исповедь, в котором его герой Арчил Гордели безжалостно обнажает перед автором мо-

тивы и чувства, определившие его жизненный путь. За редким исключением, когда автор предлагает «собственный текст» в виде наблюдений или выводов, либо же рассказывает об отдельных эпизодах, роман фактически является обширной автобиографией героя, поведанной перед самоубийством.

Подобный ход Гурам Паджикидзе использовал и ранее, в романе «Год активного солнца», где академик Леван Гзиришвили исповедуется перед самоубийством своему ученику Нодару Геловани, но там мы имели дело с иными мотивами самоубийства, конечно же, неприемлемыми, но тем не менее возвышенными, жертвенными, к тому же линия Гзиришвили была одним из ответвлений сюжета. А в «Чертовом колесе» мы слушаем исповедь почти на протяжении всего романа, и поскольку она вместила в себя всю биографию уже пожившего человека, активной личности со всеми движущими ее мотивами, перед нами по-новому раскрываются весьма значительные этапы общественной жизни, и мы понимаем, как трагична участь этого счастливого на первый взгляд и удачливого человека.

Действительно, Арчил Гордели, глава известной в Тбилиси семьи, знаменитый ученый, изобретатель, начальник Управления горной химии и геологии, супруг прекрасной Лонды, художника и искусствоведа, отец молодого, подающего надежды физика Дато, всеми уважаемая личность, на первый взгляд, должен быть очень доволен своей судьбой. Но когда из его же исповеди мы узнаем, какой ценой достиг он всего этого, т. е. что скрывается за этим блестящим фасадом, становятся понятными и его отчаяние и последний роковой шаг. Оказывается, успехов на службе он достиг ценой предательства науки, более того, фактически — предательства своей страны, ради карьеры он пожертвовал даже своим руководителем, по-отцовски заботящимся о нем, задушил в себе чувство истинной любви, а затем смирился и с изменой жены, проглотил немало больших и малых оскорблений, дабы сохранить свою «респектабельность» и «респектабельность» своей семьи, дабы не лишиться «блага», приобретенного на протяжении десятков лет компромиссами или предательством.

Кто такой Арчил Гордели? Подлец по натуре, подонок без чести и совести, злой дух, продающий ради карьеры свою душу?.. Или истинный сын своего времени, у которого не хватило сил для борьбы со злом и который предпочел самопожертвованию примирение со злом? На эти вопросы читатель должен ответить сам. Но это отнюдь не простое дело, по-

341199944
11-12-99

сколько перед нами обнажены не только чувства и переживания героя, но и силы, формирующие его характер и душу.

Память Арчила Гордели хранит все катаклизмы, потрясшие нашу общественную жизнь с 30-х годов по настоящее время: довоенные репрессии (жертвой которых стали и члены его семьи), война и ее трагические последствия для побывавших в плену (судьба его отца), гонение и притеснение членов семей репрессированных (выпавшие и на его долю), смерть Сталина и крушение тирании (сложный и труднообъяснимый феномен всеобщего горя), новая политика империи («Грузия без грузин»), эпидемия коррупции (продается все и вся), война в Афганистане (апология жестокости и насилия), национально-освободительное движение (его истинное и фальшивое крыло).

Все это писатель иллюстрирует документальной фактурой (пребывание на посту секретаря ЦК КП Грузии Акакия Мгеладзе, бойня 9-го марта 1953 года, визит Никиты Хрущева в Грузию и его безнравственные капризы, история росписи церкви Кашвети и многое другое), перемежая ее вымышленными историями.

Известно, что Гурам Панджикидзе — мастер острых сюжетов и эпизодов, с помощью которых заставляет читателя почувствовать и пережить реальные явления. И в новом романе эта способность писателя не только не потускнела, но проявилась с большей силой. Удивляет его способность не упускать из виду ни малейшей детали нашего быта и проникать в самые отдаленные и потайные уголки человеческой души.

Итак, в романе во всей полноте предстает наша общественная, социальная, политическая жизнь на протяжении почти 60 лет. Становится ясно и то, как давила на человека государственная или личностная диктатура. Может быть и Арчил Гордели — одна из жертв этой трагедии? Но разве не одного с ним поколения Манана Шелиа и Сосо Хомерики, чистые и твердые духом люди? К сожалению, таких людей очень мало, большинство пошло по пути компромиссов. Кто может провести грань между допустимым и недопустимым компромиссом? Арчил Гордели попытался сделать это, но у него ничего не получилось, и он увяз в болоте соглашательства.

В «Чертовом колесе» перед нами не только раскрывается широкая панорама жизни, мы сталкиваемся с бесчисленным множеством проблем, рождающих горькие мысли о жизни нашей страны и нашей собственной жизни, мы еще раз оглядываемся на пройденный путь, и нами, помимо всего прочего,

овладевает чувство самоосуждения, без которого невозможно истинное очищение. И если этим мы обязаны роману, то стало бы, спорить о его благом воздействии на разум или душу читателя не приходится.

В «Чертовом колесе» столько скрытого или явного зла с тайными или явными убийствами, развращенностью, предательством, бесчестьем, что все это может привести читателя в отчаяние независимо от того, результат ли это государственной тирании или нравственного падения личности. К сожалению, менее всего это можно объяснить художественным вымыслом, и мы, современники и участники этой жизни, рискуем окончательно утратить веру в спасение.

Безнравственность и преступления, встречающиеся на каждом шагу, кажутся нам неодолимыми. Кто бы мог подумать, что национально-освободительное движение примет такой уродливый вид, что к нему примажется столько подонков, которые опорочат его. Но как учит библейская мудрость, путь к свободе лежит через пустыню. Поэтому мы должны набраться ума и терпения, чтобы сохранить веру в себя, чтобы та незаметная, но добрая сила, которая должна спасти нас, не ускользнула от нашего внимания. Наше спасение — миссия будущих поколений, мы же, потрясенные умножившимися убийцами и грабителями, дармоедами и спекулянтами, вообще паразитами и предателями родины, обязаны увидеть эту здоровую молодую силу, которая все громче заявляет о себе.

Легче всего отчаяться и смириться с судьбой, но это гибельный путь, труднее всего стать на путь борьбы, который и приведет к спасению. Рано или поздно общество избирает именно этот путь, что позволило человечеству дожить до сегодняшнего дня. Так что оптимизм отнюдь не придуманное кем-то понятие, это реальное чувство и сила как в литературе, так и в жизни.

Роман «Чертовое колесо», несмотря на разворачивающиеся в нем трагические события, связанные с преступлениями и насилием, все же не отнимает у нас надежды, не лишает веры в будущее. Подтверждением этого является образ Дато Гордели, безгрешного сына грешного отца, который, простив своего отца, устремляется в будущее.

„Поэт“ А. Церетели в переводе Б. Пастернака

Тема поэта и назначение поэзии — одна из центральных в творчестве Акакия Церетели. По определению выдающегося грузинского лирика и мыслителя, поэт — не какое-то особое, исключительное существо, а выразитель окружающей его действительности с ее противоречиями и изменчивостью. Наиболее ярко эта точка зрения отражена в стихотворении «Поэт» (1886), в котором поэт выступает в роли посредника между небом и землей, но не пассивным «рупором обстоятельств», а творческим мыслителем, глубоко проникающим в жизнь и привносящим в нее элементы своего мировидения.

Назначению поэзии и месту поэта в жизни народа посвящены такие стихотворения А. Церетели, как «Лжепоэту» (1884), «Памяти Гоголя» (1886), «Больной поэт» (1894), «Назначение поэта» (1898), «Лира» (1901) и др. В них ставятся вопросы о сущности поэзии, о тернистом пути художника-творца, «возвещающего миру правду», о высокой ответственности поэта перед своим народом. В стихотворении «Лира» четко определены задачи поэзии, говорится о предназначении поэта:

И чувство и разум, вдвоем,
Качавшие вас в колыбели,
В свободном полете своем
Вам ставят высокие цели.
Склонить вас к иному чему
Бессильны слова и внушенья.
Лить свет, точно звезды, во тьму —
Удел ваш и предназначенье!

(Пер. Б. Пастернака)

Стихотворение «Поэт», находясь в русле той же проблематики, представляет, на наш взгляд, особый интерес, так как оно в концентрированной форме выражает поэтическое кредо

А. Церетели, его понимание высокой миссии художника-творца. Стихотворение интересно своей многозначностью и многоплановостью: с одной стороны, это программное стихотворение с четко выраженной авторской позицией, а, с другой, — подлинно художественное произведение, привлекающее своей глубиной и возможностью различных толкований. Каждая строфа настолько емка, что может быть проанализирована не только в контексте всего стихотворения, но и сама по себе.

Поскольку непосредственной темой статьи является анализ стихотворения «Поэт» в контексте поэтического мира Б. Пастернака, обратимся к самому тексту (в переводе Б. Пастернака), который дает богатый материал для наблюдений и творческих сопоставлений. Первая строфа в переводе Б. Пастернака звучит так:

То я мудрец, то — сумасброд,
Я ни глубокий, ни плоский.
Дитя падений и высот,
Я жизни отголосок. (с. 102).

В подстрочнике:

Я то безрассуден, то мудрец,
А порой ни то и ни другое.
Глас окружающего мира,
Я не принадлежу ни земле, ни небу.

Как видим, Б. Пастернак сохраняет общую образность стихотворения, перенося в русский текст излюбленный А. Церетели прием контраста, в чем-то родственной фольклорному «отрицательному параллелизму». Как считает Г. Маргвелашвили, по принципу контраста построена вся поэзия А. Церетели, сумевшего соединить в своем творчестве романтическую мечту и реальную действительность, создавшего с помощью образов-символов ту эмоциональную атмосферу, к возникновению которой «как раз и должен вести весь «сноп» предполагаемых, возможных, но не всем доступных и не для всех обязательных ассоциаций»².

Позиция А. Церетели близка Б. Пастернаку как в плане идейного осмысления, так и в смысле художественного воплощения. Б. Пастернак придерживался принципа «поэзии-губки»,

---

¹ Церетели Акакий. Лирика, 1965, с. 145. В дальнейшем дитирею стихотворения А. Церетели по этому изданию с указанием страниц.

которая должна впитывать в себя все многообразие жизни, создавая вторую реальность — искусство. Поэзия, по Пастернаку, разлита в мире, для нее нет ни низких, ни высоких тем. Не случайно последняя строка первой строфы звучит в пастернаковском переложении так: «Я жизни отголосок». В своем оригинальном творчестве Б. Пастернак решает тему поэта и назначения поэзии в несколько ином ракурсе, однако мысль о том, что поэт — глашатай добра и справедливости, призванный слышать голос грядущего, органична для его поэзии:

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов...
Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать².

Переводы Б. Пастернака — это творческая интерпретация тем, идей, образов, близких поэту по своей философской, мировоззренческой и художественной направленности. В «Заметках переводчика» поэт так определяет сущность переводческого искусства: «Соответствие текста — связь слишком слабая, чтобы обеспечить переводу целесообразность. Для того чтобы перевод достигал цели, он должен быть связан с подлинником более действенной зависимостью. Отношение между подлинником и переводом должно быть отношением основания и производного, ствола и отводка. Перевод должен исходить от автора, испытавшего воздействие подлинника задолго до своего труда. Он должен быть плодом подлинника и его историческим следствием... Переводы мыслимы, потому что в идеале они должны быть художественными произведениями и при общности текста становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью»⁴.

Ярким образцом подобного перевода и является стихотворение А. Церетели «Поэт», в котором Б. Пастернак, с одной стороны, стремится проникнуть в истоки грузинской поэтической традиции (с ее склонностью к афористичности, гиперболизму, контрастным сопоставлениям, народной символике и

² Маргвелашвили Г. Акакий Церетели, Тб., 1960, с. 123.

³ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы, М-Л., 1965, с. 447—448.

т. д.), а, с другой, преломляет ее сквозь призму собственного мироощущения и классических традиций русской литературы.

Вторая и следующая за ней третья строфы в переводе Пастернака несколько отличаются от оригинала: если А. Церетели подчеркивает роль поэта как посредника между миром природы и человеком, в сердце которого, как в зеркале, отражается только то, что в него попало, то Пастернак больше подчеркивает творческую роль самого поэта-творца, создающего второй мир — мир искусства на основе своего опыта и знаний. Хотя мотив творческого мыслителя явственно ощущается и у Церетели, но у Пастернака он усилен и выдвинут на первый план. В переводе вторая и третья строфы звучат так:

Глубокомыслью не дивись,
На красоту не сетуй:
Все чувства мощные слились
В отзывчивости этой.
Способность замечать дала
Мне в дерзкий дар природа,
И я ловлю, как зеркала,
Все, что мелькнет у входа.

Ср. у А. Церетели:

Не спрашивай, увидев меня неразумным,
Не удивляйся и мудрости.
Совсем другой властелин
У этих моих чувств и мыслей.
Это сердце, превращенное в зеркало,
Создание природы:
Оно показывает лишь то лицо (образ),
Которое в него заглянуло.

Как видим, Пастернак смягчает тему посредничества, навывая ее «отзывчивостью» поэта, благодаря которой он может становиться то глубокомысленным, то простоватым, не теряя при этом всей «мощности» своих чувств.

Третья строфа в переводе Пастернака приближается к оригиналу: в ней присутствует тот же образ зеркала, в котором отражается все многообразие мира. Мотив зеркала не чужд Пастернаку — в сборнике «Сестра моя — жизнь» он исполь-

---

⁴ Пастернак Б. Заметки переводчика. В кн.: Б. Пастернак об искусстве, М., 1990, с. 161.

зует этот образ как символ преобразования мира реального в мир искусства, в мир мечты:

Несметный мир семенит в месмеризме,
И только ветру связать,
Что ломится в жизнь и ломается в призме,
И радо играть в слезах.
Души не взорвать, как селитрой заложь,
Не вырыть как заступом клад.
Огромный сад тормошится в зале
В трюмо — и не бьет стекла.

(«Зеркало», с. 114)

Первоначально это стихотворение называлось «Я сам», что еще раз подчеркивает связь образа зеркала с мироощущением самого поэта и с его размышлениями о сущности поэзии-губки. Поэтому данный образ органично вплетается в художественную ткань поэтического мира Пастернака, являясь в то же время неотъемлемой частью мироощущения А. Церетели.

Четвертая и особенно последняя, пятая, строфы вносят в стихотворение пушкинское начало поэта-пророка, который является не просто посредником между небом и землей, но и «истины орудьем». По мнению А. Кутелия, слова о том, что поэт не принадлежит ни земле, ни небу, были сказаны А. Церетели не для того, чтобы «представить поэта каким-то особым существом, отрешенным как от земли, так и от неба, и обитающим между этими сферами, а чтобы представить его простым посредником между землей и небом, то есть обыкновенным человеком, объединяющим в своем творчестве действительность и идеалы, реальность и мечту»⁵.

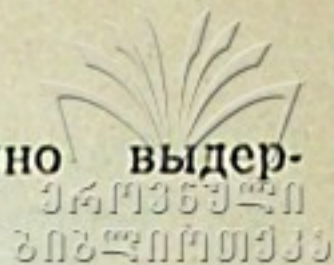
На наш взгляд, А. Церетели, действительно, не хотел представлять поэта особым существом, и если исходить из текста, поэт для него — только посредник. Однако рассматривая данное стихотворение в контексте всего поэтического творчества А. Церетели, следует отметить, что он всегда помнил о высоком предназначении поэта, о его особой миссии. Поэтому последние две строфы стихотворения в пастернаковском переложении не противоречат авторскому замыслу. Они являются результатом творческого переосмысления подлинника, благодаря которому создается новое произведение, сохранившее ху-

---

⁵ Кутелия А. Философские и общественно-политические взгляды А. Церетели, Тб., 1972, с. 91.

дожественные достижения оригинала и одновременно
жанное в традициях русской поэтической школы:

Но слышу и передаю
Лишь то, что в полной мере
В придачу к своему чутью
На опыте проверю.
Итак, не то, что в первый миг
Предполагают люди,
Я жизни чистый проводник
И истины орудье.

Ср. у А. Церетели:

И язык говорит о том, что ухо
Услышало от другого,
Либо глаз увидел, а разум
Взвесил и оценил.
Я не то, что Вы думаете обо мне,
И не то, что думают другие.
Я посредник простой:
Принадлежу то земле, то небу.

Таким образом, анализ творческой интерпретации стихотворения А. Церетели «Поэт» в контексте поэтического мира Б. Пастернака, а также в плане осмысления его теоретических воззрений на сущность перевода позволяет на конкретном примере выявить особенности восприятия одной литературной традицией художественного опыта другой. Воспринимая в переводимом произведении то, что близко его поэтическому мировидению, переводчик создает оригинальное произведение, которое, не противореча авторскому замыслу, становится фактом собственной литературной традиции.

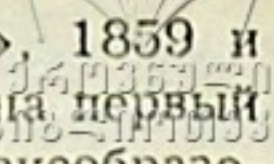

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

V. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ МЕТОД

Как известно, усилия Ж.-Б. Ламарка и других естествоиспытателей увенчались созданием эволюционной теории, которая приняла наиболее завершённый вид в трудах Ч. Дарвина

1859 и др.

(«Происхождение видов путем естественного отбора», 1859 и др.). Теория, предложившая относительно простой и, на первый взгляд, логичный способ объяснения механизма жизнеобразования и жизнедеятельности живых организмов, обрела многочисленных сторонников не только в среде естествоиспытателей, но также этнографов, психологов, социологов, историков. Идеи Дарвина оказали огромное влияние на умонастроение представителей образованных кругов Европы, художественную интеллигенцию.

Формула Герберта Спенсера «Общество есть организм» (1876 г.) вовсе не казалась его современникам красивой метафорой — английский ученый всерьез доказывал, что «постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого существа»¹. Всплеск интереса к дарвинизму отмечался в последние десятилетия XIX века — неудивительно, что он проник в эти годы и в литературоведение, этот чуткий барометр общественного сознания.

Эволюционный метод в литературоведении разрабатывался в трудах В. В. Плотникова, Н. И. Кареева, П. Д. Боборыкина, В. В. Сиповского, А. М. Евлахова — в России, Ф. Брюнетьера — во Франции, В. Шерера — в Германии, Ф. Х. Стоддарда и В. Л. Гросса — в США, Киты Абашидзе — в Грузии и ряда других ученых. Некоторые идеи Александра Веселовского предвосхитили эволюционный метод, что, однако, еще не дает оснований считать его родоначальником эволюционного метода. Большая часть работ в русле эволюционизма создана в период между 80-ми годами XIX столетия и первой четвертью XX века, причем, наибольшая активность в стане эволюционистов наблюдалась в 80-е годы, когда появились классические в своем роде труды Кареева и Брюнетьера. И хотя непосредственным толчком к формированию метода послужила «идея закономерного и постепенного перехода от более простых к более сложным формам» (Евг. Жураковский), серьезные ученые-гуманитарии (к числу которых принадлежали по существу все видные представители эволюционного метода) не скрывали своего скептического отношения к возможности механического перенесения методов естествознания в сферу

---

* Продолжаем публикацию серии статей «Методы изучения и анализа литературных произведений». Начало см. в №№ 9, 11 за 1990 г. и 4, 6 за 1991 г.

¹ Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1876. т. 2, с. 499.

исторического и художественного изучения. Да и сам термин «эволюция» в течение довольно длительного промежутка времени вызывал у адептов метода двойственную реакцию. Так, в 1900 г. Боборыкин со всей определенностью утверждал, что дарвинизм «конечно, нельзя прямо переносить в исследование изящной литературы...» Евг. Жураковский в 1903 г. считал еще невозможным «говорить о теории литературной эволюции так определенно, как в биологии...» Профессор Сиповский в 1906 г. сетовал на то, что «термин, вполне ясный в применении к явлениям физического мира, теряет свою определенность, едва его начнут применять к явлениям историческим».

Поворот к эволюционизму был вызван главным образом жаждой заполучить солидный научно-философский метод исследования, апробированный в других областях: прежние методы изучения литературы на эту роль явно не подходили. В 1886 году Кареев выступил с программным заявлением, где констатируется, что «время догматической эстетики с ее неподвижными понятиями и логически стройными систематизациями прошло. Наука поставила вопросы об искусстве на почву психологического и исторического изучения произведений искусства, и результатом должна явиться эволюционная эстетика, эволюционная философия искусства»². Связанные с эволюционным методом надежды и чаяния критиков хорошо отразил Боборыкин. «Только при таком методе, — писал он, — будет возможно выяснить органическую связь, существующую между личным и коллективным творчеством. Только он позволяет определить сколько-нибудь точно действительные завоевания изящного творчества над живою жизнью, претворение всякого рода элементов культуры... в нечто, отвечающее самостоятельной потребности человеческого духа в прекрасном. Всякое другое изложение... будет лишь замаскированной социологией, публицистикой, этикой, а не научно-философским опытом исследования человеческого изящного творчества»³.

Оценить глубину различия между эволюционным и историческим (в частности, культурно-историческим) подходами к художественному творчеству поможет анализ понятий «вну-

---

² Кареев Н. Литературная эволюция на Западе. Воронеж, 1886. с. 26. Далее ссылки на это издание прямо в тексте статьи.

³ Боборыкин П. Д. Европейский роман в XIX столетии. СПб., 1900, с. 380. Выделено мной. — В. Ч. Далее ссылки на это издание прямо в тексте статьи.

трениая хронология» и «внешняя хронология», положенных в основу этих подходов. «В чем отличие эволюции от истории?»⁴ задается вопросом Сиповский и отвечает: «Несомненно, что история... давно уже подошла к пониманию исторической жизни как процесса **развития** — развития учреждений, прав, идей, литературных форм. Это развитие социального организма из зародыша, развертывание широкой и сложной общественной жизни из ничтожного семени — процесс, который... так отличен от хронологической и прагматической истории, настолько сложен и так быстро разрастается, что его не удержать под скромным титулом истории, — ему нужно свое название. Таким является слово **эволюция**. ...Эволюционная теория, в приложении к истории, остается «умозрительным» построением, остается отвлеченной теорией. В этом заключается ее главное отличие от простого исторического изучения фактов: она приступает к объяснению фактов с более или менее готовой схемой, проверенной на длинном ряде аналогичных явлений. История изучает и объясняет факты; эволюционная теория более интересуется той связью, которая соединяет факты, теми процессами, которые претворяют один факт в другой. Второе отличие эволюционного метода от исторического заключается в том, что для первого важно не столько выяснение связи явлений с эпохой и писателем, важны не столько хронологические данные, сколько **фазисы** развития известного факта, та внутренняя хронология, которая ставит ряд явлений в последовательную генетическую преемственность»⁴. Надысторичность эволюционного метода, не нуждающегося в данных хронологии и географии, сказывается в «идеальных построениях» (например, эволюция лирики как рода литературы), которые нужны, как указывает исследователь, «для того, чтобы всякое «случайное» явление или группа явлений литературной жизни, не определенные хронологически (например, какая-нибудь народная обрядовая песня...), не поставили исследователя в тупик: умея определить, к какому фазису эволюции относится интересующее его явление, он всегда может определить, из какого явления оно произошло и какое породит» (там же, с. 38).

Таким образом, эволюционный метод можно определить как метод, который прослеживает преломление в отдельных литературных произведениях тенденций, коллизий, идей, уже

---

⁴ Сиповский В. В. История литературы как наука. СПб., 1906, с. 34—36. Далее ссылки на это издание прямо в тексте статьи.

наметившихся в рамках литературного процесса эпохи или в границах тех или иных литературных родов и жанров определенного периода. Эволюционный метод изучает «последовательность и преемственность литературных явлений, причины и условия, формы и законы, внутренние и внешние отношения этого процесса, в котором новое приходит на смену старому, из него вырабатываясь, его преобразуя и вытесняя, с ним вступая во взаимодействие...» (Кареев). Сущность эволюционного метода, по Боборыкину, состоит в том, что он берет главным объектом «не авторов со всей совокупностью их литературной деятельности, а известные произведения, как такие продукты отдельных талантов, в которых следует видеть кульминационные пункты собирательного творческого процесса в тот или иной момент» (с. 379). По лаконичному замечанию Сиповского, эволюциониста «интересуют не явления в процессе, а процесс в явлениях». Картина мира, как ее видит эволюционист, весьма своеобразна. «Ход литературной жизни, представляется эволюционисту в виде волнообразной линии, — замечает Сиповский, — причем, на гребнях волн оказываются те произведения, которые составляют «этапы литературной эволюции» — «дорожные вехи», указующие направление этой эволюции. Эти гребни соединены произведениями второстепенными и третьестепенными; таким образом, привлекается вся литература, необходимая для разрешения поставленных задач»⁵. Культурно-историческому методу эволюционный метод обязан контраргументами, которые он черпал в нем, развиваясь в борьбе с ним — в полном соответствии с доктриной Дарвина.

В 1880 году молодой ученый Владимир Плотников (1855—?) предъявил за первый семестр студенческую работу «Основные принципы научной теории литературы». Через семь лет издающиеся в Воронеже «Филологические записки» напечатали этот труд как «методологический этюд», задача которого «состоит в выяснении возможности научной теории литературы как систематического исследования общих фактов и законов исторического развития литературы. Эта наука должна существенно отличаться от той смеси эмпирических обоб-

---

⁵ Сиповский В. В. О методах естествознания в литературе и истории литературы. — Известия Бакинского гос. университета, 1921, № 1, 2-й полутом, с. 275. Далее ссылки на это издание прямо в тексте статьи.

щений с практическими правилами, которая преподается в наших школах под названием «теории словесности»⁶. Работа Плотникова, несмотря на ряд положительных откликов, не привлекла к себе должного внимания специалистов⁷ да и само имя ученого вплоть до недавнего времени пребывало в тени. Теперь, по прошествии ста с лишним лет, справедливость требует признать глубоко новаторский характер труда, в котором развернута оригинальная концепция теории литературы, не утратившая своего значения и поныне. Сам же автор, обосновывая применение к изучению литературы многоступенчатого синтетического метода, внес весьма существенный вклад в разработку теории литературной эволюции и заслуживает признания как один из пионеров эволюционного метода.

Представляя литературу в виде «некоторых единообразий сосуществования и преемственности явлений, подобных тем, какие усматриваются решительно повсюду в природе и в жизни человека» (с. 14), Плотников видит задачу научного исследования литературы в том, «чтобы открыть эмпирические законы, управляющие ее ходом, и связать их с общими законами человеческой природы посредством дедукции, показывающих, что таких именно производных законов естественно ожидать, как следствий законов основных. Отсюда видно, что процесс исследования в области литературы представляет три главных современной литературы. Затем эти данные путем индукции сводятся к некоторому числу единообразий сосуществования и последовательности, или эмпирических законов. Наконец, эмпирические законы дедуктивным путем объясняются из общих законов человеческой природы и, таким образом, возводятся в степень научных истин, или законов в собственном смысле, система которых и составляет научную теорию литературы» (с. 38-39. Выделено мной. — В. Ч.). Таким образом, теория литературы есть, по Плотникову, конкретная дедуктивная наука, состоящая из двух частей — эмбриологии (учение о возникновении литературы) с двумя подразделениями (ис-

⁶ Плотников В. В. Основные принципы научной теории литературы. — Филологические записки, Воронеж, 1887, вып. 3, с. 1. (продолжение см. в вып. 4, 6, за 1887 г., а также 1-2 за 1888 г.). Далее ссылки на это издание прямо в тексте статьи.

⁷ Ученых-руствелологов, в частности, наверняка заинтересует факт обращения Плотникова к поэме Руставели как «случаю полного слияния идеи с идеалом, который сам по себе становится средоточием и целью художественного произведения». (с. 66).

следование исторического генезиса литературы и психологического генезиса отдельных произведений) и феноменологии (учение об общих литературных явлениях) с двумя подразделениями (статика и динамика литературы). В первой части «раскрывается тесная органическая связь, соединяющая литературу с природою и жизнью человека, и через нее и с целым механизмом вселенной», во второй — объясняется «сам процесс литературы, как он дан в истории и современной действительности...» (с. 41). Феноменология излагает общие законы литературного процесса — единообразия сосуществования (статика) и единообразия последовательности (динамика). Каждое подразделение делится в свою очередь на ряд элементов, которые представлены теоремами, законами, формулами и фактами. Законы, имеющие отношение к эволюции, являются законами динамики, среди них — законы дифференциации и интеграции; закон действия бесконечно малых причин; закон влияния целого на части и частей на целое; закон сохранения, превращения и наследственности; закон борьбы за существование; законы миметизма и реакции и другие. Факт развития, относящийся к общим единообразиям последовательности в природе и литературе, ученый комментирует следующим образом: «Причина развития заключается частью в том, что каждая причина производит более одного действия, частью же в том, что каждое действие обратно действует на свою причину и производит в ней соответствующие изменения, которые опять реагируют на каждое из действий и т. д.» (с. 73).

Последовательный эволюционист по своему мировоззрению, Плотников полагал, что «способность и стремление человеческой природы к совершенствованию» лежит в основе литературного процесса и является причиной литературного прогресса, как и «прогресса всей цивилизации» (с. 75). Главный статико-динамический закон, выведенный ученым, гласит: «...Прогресс литературы параллелен и пропорционален прогрессу всей цивилизации» (с. 84). Отсюда следует ряд важных следствий, а именно, что «с развитием литературы каждого народа уменьшается сила влияния на нее физических условий», «постепенно сглаживаются резкие национальные ее особенности», а общечеловеческие элементы, наоборот, постоянно усиливаются («закон возрастающей международной»). В области литературных форм наблюдается «постоянное движение от однообразия форм к крайнему их разнообразию» (с. 86). Из-

менения затрагивают также язык, слог и стих⁸. К очевидным недостаткам рецензируемого труда следует отнести тот факт, что сам материал художественной литературы представлен у Плотникова крайне скупо — эволюционный метод у него не работает на практике.

Считая литературу «продуктом взаимодействия... психофизической организации человека и условий его естественного положения в природе и развития в истории», Плотников подключал науку о литературе к ряду наук «положительных». «Подобно другим положительным наукам, — писал он, — и наука о литературе должна раскрыть общие факты и законы, под которые подходили бы все частные факты и отношения между ними; она должна дать общую схему, в которую укладывались бы все разнообразные и разрозненные детали литературной истории» (с. 57). Приведенное требование могло бы послужить превосходным эпиграфом к штудиям формалистов и семиотиков, много поработавших в деле реализации этой программы, но прошедших мимо результатов, полученных русским эволюционистом.

Наиболее крупным представителем эволюционного метода в литературоведении был профессор Варшавского и Петербургского университетов, историк, философ и теоретик литературы Н. И. Кареев (1850—1931). В трехтомном труде «Основные вопросы философии истории» (1883—1890) ученый разработал «общую теорию исторической эволюции», частной конкретизацией которой явилась теория литературной эволюции, изложенная им в монографии «Литературная эволюция на Западе» (Воронеж, 1886). Труд Кареева имеет, на мой взгляд, основополагающее значение для понимания теории и практики эволюционного метода, этого одного из наименее изученных методов исследования художественного творчества.

Говоря о «текущем содержании в изменяющихся формах, представленном нам литературой», ученый замечает: «Это течение и это изменение в определенном и последовательном порядке есть эволюция, как бы ни неправилен казался нам этот порядок. Эволюция явлений не диалектика понятий, но и не причудливая смена фигур в калейдоскопе: в ней есть свои несвязности и неправильности, но есть и своя логика: эта

---

⁸ Боборыкин усматривал эволюцию «в построении художественных произведений, в возрастающем богатстве языка, в ритме фразы... в описаниях природы и во всем, что относится к участию личности автора, ее настроений и намерений» (Цит. соч., с. 38).

логика и этот порядок делают возможным и теорию литературной эволюции и историю литературы. Литература имеет свою эволюцию, как и все движущееся и изменяющееся, живое и живущее в мире и в человеческом обществе» (с. 37). Один из постулатов теории Кареева гласит: «...эволюцию литературной деятельности невозможно изучать вне связи с общей историей общества: в ней лежат причины и условия количества, силы и направления этой деятельности» (с. 42). Ученый выводит 22 правила (они названы «общими положениями»), регулирующие теорию литературной эволюции и затрагивающие вопросы среды, соотношения традиции и творчества и др. Здесь же дана общая дефиниция литературной эволюции, которая, «как и всякая иная эволюция ... есть взаимодействие творчества и традиции, деятельности и среды: деятельность обусловлена средой, и среда создается деятельностью» (с. 65). Одно из важнейших правил гласит: «С развитием общества литературное творчество делается более личным...» (с. 67). (Личное творчество ученый считал «главным фактором литературной эволюции»). Кареевым было сформулировано и положение об эволюционном идеале литературы, который представляет собой «полное отражение действительности в произведениях слова через наибольшее количество высокообразованных и разнообразных индивидуальностей, вносящих в свою деятельность ясное сознание о ее значении и цели, о своих личных способностях и задачах времени...» (с. 69). По мнению автора, «при эволюции литературы в этом направлении возрастает ее общественное значение» (там же).

Значительный интерес представляет вопрос о методе гуманитарных наук, детально разработанный русским ученым. Поскольку «изображение культурно-прагматической эволюции всей общественной жизни есть общая и последняя цель исторической науки», то очевидно, что «история литературы должна быть культурно-прагматическим изображением литературной эволюции на почве общей эволюции общества и в связи с другими частными эволюциями, которые на нее влияли» (с. 73-74). Кареев составляет для историка литературы подробную методологическую программу, эпиграфом к которой могут служить его же слова: «Историк литературы должен вдвинуть изучаемые им произведения на занимаемые ими места, найти для изучаемых им фактов причины, следствия и условия» (с. 99). Схематично эту программу можно представить так: 1/ изучение отдельных произведений с помощью «сравнительного приема в самом широком смысле»; 2/ пере-

ход к внелитературной (физической) действительности для установления «причин фактов, обнаруженных сравнительным изучением»; 3/ характеристика «литературной физиономии автора» на основе сравнительного анализа его произведений, изучения его психологии, биографии, среды и других факторов; 4/ сравнение произведений разных авторов одной эпохи, изучение «иных источников» и «общих условий» для воссоздания «литературной физиономии века»; 5/ сравнение произведений разных эпох одного народа для уяснения «литературной физиономии народа» на основании литературных произведений как «свидетельств» и «при помощи характеристики всей жизненной обстановки народа, его учреждений, религиозных верований, его философии и науки, его искусства, его нравов и обычаев, всей его жизненной деятельности, всех его судеб» (с. 101-103). «Так изучение литературных памятников, — резюмирует ученый, — выводит... на более широкую арену жизни писателя, жизни отдельной эпохи, жизни целого народа» (с. 103). Вся эта грандиозная программа, на первый взгляд, вполне согласуется с задачами культурно-исторической школы. Однако заключительный комментарий Кареева не оставляет сомнений в том, что биографическому, культурно-историческому и сравнительно-историческому методам он отводит одну лишь вспомогательную роль, расчищая дорогу эволюционному методу, ради которого и проводилась вся эта подготовительная работа. «Вглядитесь теперь в подробности этой сложной работы, — предлагает ученый. — Исходным пунктом были литературные произведения: вы изучаете их, как ваши главные и основные факты, вы обобщаете эти факты и получаете литературную физиономию писателя, эпохи или народа, а т. к. ничто не остается неизменным и все развивается, то вы следите за эволюцией литературной физиономии автора, века или целого общества на протяжении всего их существования. Вот специальная задача историка литературы» (с. 103). Касаясь вопроса о взаимоотношении сравнительно-исторического и эволюционного метода, Кареев замечает: «Эстетические, психологические и социологические вопросы теории литературы лучше всего разрешаются посредством сравнительного изучения исторического материала, но такое изучение не есть еще история литературы: последняя имеет своею целью не выработку общих теоретических положений, а изображение последовательности и преемственности литературных явлений, имевших место в действительности. Но раз возникла история литературы, она также должна иметь свою теорию...» (с. 335). Эволюционная

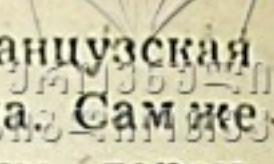
теория литературы, как явствует из приведенного высказывания, должна явиться вслед за эволюционной историей литературы, а не предшествовать ей.

Монография Кареева насыщена богатым фактическим материалом и ценными наблюдениями над литературным творчеством народов Западной Европы в середине века и позже — вплоть «до торжества французского классицизма в век Людовика XIV». На основе конкретного анализа текстов им был сформулирован важный закон литературной эволюции, действие которого подтвердил последующий ход развития литературы. «Общий ход литературной эволюции, — гласит закон, — заключается в ослаблении традиционности путем: а) развития творчества (личного. — В. Ч.) и б/ взаимодействия традиций вследствие, во-первых, международных влияний, усиливающихся с общим развитием жизни, и, во-вторых, большего, с течением времени, накопления литературного материала, дающего большее количество образцов» (с. 332-333). Следует однако отметить, что и данный закон, как и всякий, относящийся к литературе, не является абсолютным: нельзя исключить тенденции возврата к традиционности как реакции на разгул индивидуализма, тенденции, существенно влияющей на общий ход эволюции и изменяющей ее направление (в частности, история китайской литературы знает целые периоды такого возврата).

На Западе образцом эволюционного метода считаются труды критика и литературоведа Фердинанда Брюнетьера (1849—1906), профессора Высшей нормальной школы — «Эволюция жанров в истории литературы» (1890) и «Эволюция французской лирической поэзии в XIX веке» (т. 1-2, 1894-95).

Основная мысль первого труда — литературный жанр есть подвластное законам естественного отбора и борьбы за существование сложное тело, подверженное метаморфозам и распаду. В соответствии с биологическими законами, Брюнетьер констатирует различные состояния жанра — его молодость, истощение, упадок, близость смерти, видоизменение. Уподобление жанра биологическому виду есть, на мой взгляд, всего лишь остроумная аналогия; однако у французского критика на развертывании этой аналогии зиждется, по существу, вся концепция жанра. Заслугой Брюнетьера является попытка установить объективные закономерности национального литературного и критического процесса, сопровождаемая критикой старого эстетического метода, ставившего во главу угла монографическое изучение писателя. Отождествляя понятие научности с

методами естествознания, Брюнетьер полагал, что французская критика неуклонно двигалась в сторону эволюционизма. Сам же критик, которого называли «литературно-критическим дарвинистом», пришел к идее эволюции не сразу, а через догматическую критику, отзвуки которой слышны в разбираемом сочинении, и недостаточно, по мнению его русского коллеги Боборыкина, проникся «той идеей, что эволюцию изящного творчества следует изучать прежде всего на психо-эстетической почве». Подобно Карееву, Брюнетьер выступал поборником сравнительных приемов исследования как орудия классификации. Немалый интерес представляют конкретные эволюционные цепочки, выстраиваемые французским критиком, правда, иной раз они кажутся недостаточно мотивированными. Так например, лирику французских романтиков он возводит к красноречию церковного деятеля и писателя XVII века Боссюэ (от Боссюэ, Бурдалу и Массийона через полувековое «молчание» — к Руссо и от него — к Ламартину, Гюго и А. де Виньи).

Вклад Брюнетьера в теорию эволюционного метода не сопоставим с вкладом Кареева и Плотникова — французский ученый не создал концептуально ярких идей, не вывел ряд запоминающихся законов и правил. Высказанная им в одной из работ мысль о существовании единой эволюционной схемы как для общеевропейской литературы в целом, так и для отдельных национальных литератур, была слишком удобной, чтобы отвечать действительности. Сила Брюнетьера состояла прежде всего в практических результатах примененного им метода, на которые моментально отреагировала европейская критика в виде сочувственных откликов и подражательных сочинений.

Одним из самых ортодоксальных последователей Брюнетьера был известный грузинский критик Кита Абашидзе (1870—1917). Своему главному сочинению «Этюды о грузинской литературе XIX века» (т. 1-2, 1911—1912) он предпослал предисловие, содержащее теоретическое обоснование эволюционного метода в трактовке Брюнетьера. Отбирая для своих «этюдов» лишь тех писателей, которые «занимают то или иное место на ступенях эволюционного процесса», критик пишет: «...в эволюции литературы мы должны уделить внимание лишь тем [писателям], кто внес что-либо новое в ход литературы, или же улучшил старое и довел его до возможного предела; место должно принадлежать тем, кто либо ускорил этот ход, либо

изменил его направленность, либо же приостановил этот ход»⁹. В соответствии с этой общей установкой эволюционного метода, не признававшего «табеля о рангах», Абашидзе выстраивает галерею грузинских писателей XIX века, в которой не нашлось места ни Александру Орбелиани, ни Лаврентию Ардазиани, ни Даниэлу Чонкадзе, не говоря уже об Екатерине Габашвили или Сопроме Мгалоблишвили. В полном согласии с так называемым «вторым литературным законом» Брюнетьера Абашидзе считал, что грузинская литература XIX века «по пятам следовала за европейской литературой» и что она «полностью подчинялась» закону, приписывавшему отдельным национальным литературам роль частной модели общеевропейского литературного процесса, в котором имела место последовательная смена романтизма, реализма, натурализма, неоромантизма и символизма. Однако именно на примере грузинской литературы XIX столетия это доказать труднее всего; неудивительно поэтому, что эволюционная схема критика содержит ряд существенных натяжек, вызванных желанием подогнать изобилующий своеобразиями национальный литературный процесс под дедуктивную схему.

Как видим, теория эволюционного метода разработана весьма основательно — в первую очередь благодаря усилиям Кареева и Плотникова. Бесспорна теоретическая ценность работ Вильгельма Шерера¹⁰, Сиповского и Евлахова. Своеобразная попытка примирить труднопримиримое — эволюционный метод с эстетическим — принадлежит Боборыкину. Кареев, Брюнетьер и Боборыкин добились также весомых практических результатов, применив эволюционный метод к исследованию европейской литературы разных эпох и отдельных жанров (в частности, романа). Эволюционный метод помог Ките Абашидзе построить классификацию новой грузинской литературы. Прямым следствием применения эволюционного метода явилось расположение материала по жанрам, предпринятое в «Лекциях по истории русской литературы» (Баку, 1921) профессором Сиповским.

Если исторические методы изучения литературы стремились к накоплению большего числа литературных и окололитератур-

---

⁹ Абашидзе К. Этиюды из истории грузинской литературы XIX в. Тб., 1967, с. 5—6 (на груз. яз.).

¹⁰ Я имею в виду посмертно опубликованную в 1888 году «Поэтику» этого видного представителя культурно-исторической школы.

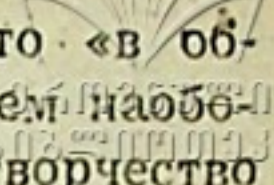

ных фактов, чтобы затем с большой осторожностью прийти к заключению о связи этих фактов с автором и эпохой, то эволюционный метод занимался отсеиванием фактов и отбором лишь тех из них, которые представляют собой характерные срезы (эволюционисты называли их ступенями, фазами или вехами) исследуемого процесса с тем, чтобы найденную закономерность экстраполировать затем на другие ряды аналогичных фактов. В поисках закономерностей художественного процесса эволюционисты заходили столь далеко, что захватывали и будущее, прогнозируя дальнейший ход развития литературы. Для историка художественный процесс — непрерывный поток, подчиненный хронологическим ориентирам, для эволюциониста — дискретный ряд, опирающийся на ориентиры логические (не всегда совпадающие с хронологическими). Выражаясь образно, эволюционист заменил микроскоп биноклем. Профессор Сиповский приводит два характерных примера. Так, для эволюциониста «Руслан и Людмила» не столько факт, относящийся к Пушкину, сколько конечный пункт эволюции волшебного романа. Историк способен лишь констатировать непонимание, с которым был встречен в России «Борис Годунов», сославшись на увлечение Пушкина Шекспиром, тогда как эволюционист все расставит по своим местам, подключив «непонятное» произведение к эволюции западноевропейской (а не русской) драмы. Верно, что «историк никогда не напишет «истории европейской народной лирики» и даже вообще «истории народной поэзии», т. к. здесь для истории нет точек опоры, нет хронологии» («История...», с. 38).

Наиболее плодотворной критике эволюционный метод подвергся в работах Боборыкина, который упорно не желал расставаться на заре нового века с «эстетическими предрассудками» и считал, что «эволюцию изящного творчества следует изучать прежде всего на психо-эстетической почве» (с. 31). Анализируя естественнонаучные аналогии Тэна и признавая, что «аналогия существует между развитием человеческого общества и внешней природой», русский писатель и ученый без оснований возражал: «...но позволительно ли выводить из этого, что самые общие признаки, распространяющиеся на целый народ и на целую расу, должны непременно представлять собою высшую ступень и в эстетическом смысле? Это весьма сомнительно и не подтверждается историей эстетического развития человека» (с. 92). Протестуя против типично эволюционистского взгляда на художественное творчество как отражение общественной жизни (наиболее последовательно эту мысль

проводил в своих трудах Кареев, утверждавший, что «в общем литература гораздо больше зависит от жизни, чем наоборот» (с. 324). Боборыкин резонно замечал: «И творчество есть часть жизни» (с. 124). Однако даже и такому наименее ортодоксальному эволюционисту, как Боборыкин, не удалось избежать иллюзий, навеянных в умах ученых дарвинизмом. Так, русский критик и романист совершенно серьезно полагал, что роман, «этот преобладающий вид изящной литературы», «должен свершить свою эволюцию в полном соответствии с движением и ростом, а затем перерождением и падением всей деятельности человеческой души, зависящей от судеб общей органической жизни на нашей планете» (с. 43). Вообще же тесно связанная с теорией прогресса дарвиновская теория эволюции, как и всякая материалистическая теория, очень располагала к разного рода утопиям. Если поборника исторического метода изучения литературы главная опасность подстерегает при переходе от эмпирических фактов к обобщению, то эволюционист, подбирая характерный факт, рискует ошибиться, невольно «упаковывая» изобилующий исключениями живой художественный процесс в удобную логическую схему. Вероятность ошибки возрастает, когда выведенный «закон» экстраполируется на ряд аналогичных фактов, да еще не установленных, а лишь предполагаемых и предугадываемых. Художественный процесс любой эпохи знает огромное число исключений. Описать все эти исключения (недаром эволюционисты так не любили «скачков»), объяснить их и привести к какому-либо общему знаменателю, не говоря уже о том, чтобы предугадать их — задача, которую пока не удастся решить ни одному методу изучения литературы.

В рамках теории эволюции была предпринята попытка (Сиповский) вывести формулу «эволюции общества», которая «слагается из целого множества отдельных эволюций тех личностей, из которых слагается общество» («История...», с. 40). Такая простая арифметика оттеняла механический, не творческий характер диалектики, положенной в основание теории эволюции. Рассматривая «всякое новое произведение» как «результат скрещения эволюции личности с эволюцией литературного материала» (там же, с. 44), Сиповский вводит понятие «нитей» индивидуальной эволюции вкуса и впечатлений. «Эти отдельные нити, — говорит он, — все различной величины, но приблизительно нормируются средним уровнем развития общества во всякий определенный момент его жизни. Закон приспособления и борьбы за существование постепенно подрав-

нивает длину этих нитей» (с. 40). Продиктованный теорией вероятности усредненно-статистический подход здесь не столько результат естественнонаучных увлечений уважаемого профессора, сколько ответ, подсказанный самой теорией эволюции¹¹. По меткому замечанию Б. Г. Кузнецова, «Дарвин открыл статистические законы филогенеза: среда управляет судьбою вида, судьбою статистического множества, изменяя только вероятность тех или иных индивидуальных судеб». Судьба одного организма была безразлична «для филогенетической эволюции, для гибели или процветания вида»¹².

Эволюционная теория Дарвина в последнее время подверглась столь сокрушительным ударам, что уместнее было бы говорить о ней как о научной гипотезе, очень удобной для биолога. Что же касается фантастического постулата о выходе человека из животного царства или допущения, что «все органические существа, когда-либо жившие на Земле, могут происходить от одной первобытной формы»¹³, то можно лишь удивляться тому, что эти представления дошли до наших дней. Противоречащий высшим устремлениям человеческого духа и моральному чувству человека безличный дух дарвиновской теории соблазнил целое поколение художников кризисной эпохи (среди которых — Э. Золя, Ф. Ницше, О. Уайльд), он продолжает оказывать свое пагубное влияние и сегодня, когда человечество стоит перед угрозой экологической и термоядерной катастрофы. Однако именно сейчас становится все очевиднее, что «принцип эволюции является философским тупиком» (архимандрит Рафаил). Два девиза эволюционной теории, высеченных Кареевым, — «из ничего ничто не происходит» и «природа не делает скачков» — не внушают ныне особого доверия в свете новых научных данных. Но одно дело — мировоззрение, другое — метод, тем более, когда речь заходит о

---

¹¹ Ср. характерный (и в высшей степени неубедительный) пример описания частной эволюции как модели эволюции общей: «Если бы удалось собрать все рисунки какого-нибудь великого художника, от младшего до зрелого возраста — мы имели бы в своем распоряжении всю схему развития его таланта. Эта схема совпала бы с той схемой, по которой развивалась вся история живописи: от рисунков дикаря до современного искусства» (Сиповский В. В. История..., примеч. к с. 40).

¹² Кузнецов Б. Г. Этюды об Эйнштейне. М., 1970. с. 113—114.

¹³ Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. М., 1987, с. 356.

методе гуманитарной науки. Сиповский дал исчерпывающее описание сферы приложения эволюционного метода в литературоведении, который «может дать блестящие результаты в применении к произведениям народной словесности, при выяснении судеб литературного жанра, стиля, при выяснении развития личности, или целого народа, поскольку это развитие сказалось в произведениях поэтических. Он дает блестящие результаты, когда нам приходится высказаться по поводу какого-нибудь отдельного литературного явления, не связанного с эпохой. В исторических построениях эволюционный метод применим лишь в некоторых частных случаях, именно тогда, когда поэтическое творчество известного момента 1/ находится вне чуждых влияний и знает самостоятельное развитие; 2/ когда оно богато и свободно выражает идеи современного исторического момента; 3/ когда личность поэта не находится в разладе с жизнью общества...» («История...», с. 47). (Эволюционный метод наряду со статистическим незаменим при изучении массовых явлений литературной жизни, поскольку оба они базируются на законе больших чисел и теории вероятности. В то же время эволюционный метод наряду со сравнительно-историческим незаменим при работе с текстами, дошедшими до нас в неполном или же искаженном виде — правильно выстроенная дедуктивная схема позволяет восполнить ошибку.

Теперь уже очевидно, что эволюционный метод оправдал часть возлагавшихся на него надежд. Предположение, что эволюционная теория «поможет установлению более прочного метода» и что она (даже в качестве гипотезы) «может оказаться пригодной в деле всякой обобщающей синтетической работы» (Боборыкин) оказалось взвешенным и реальным. При всем своем равнодушии к отдельно взятому литературному произведению эволюционный метод значительно расширил возможности анализа художественного творчества, сумев отделить главное от второстепенного, существенное от несущественного. Часть выведенных с его помощью законов сохраняет свою работоспособность и поныне, другая часть требует уточнений, критического анализа или пересмотра. Слова Кареева — «Над выяснением идеи эволюции предстоит еще работать очень много...» — актуальны в 1993 году так же, как и в 1904-м¹⁴. Предстоит также привести в стройный порядок элементы эво-

¹⁴ Имеется в виду статья Кареева, помещенная в XL томе (79-м полутоме) Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона.

люционной теории, чтобы последняя предстала в ~~завершенном~~ виде. Обширный материал, представленный в многочисленных трудах, требует строгой систематизации, причем значительный диапазон выказываний по одним и тем же вопросам создает дополнительные трудности. За прошедшие десятилетия в русле эволюционного метода не создано по существу ни одного значительного труда. Сейчас мы можем лишь повторить сказанное Сиповским в 1921 году: «Пока нет возможности, за недостатком разработанного материала и подготовительных работ, построить общую всеобъемлющую эволюцию литературы, а потому, при помощи этого метода, возможны лишь исследования частичного характера (эволюция жанров, языка, стиля, литературных типов, идейного содержания избранной области литературы, взятой за несколько смежных эпох, эволюция личности). Лишь со временем, когда в распоряжении науки будут иметься в достаточном количестве и собранный материал, и частичные разработки его, возможны будут и попытки построения общей литературной эволюции» («О методах естествознания...», с. 277-278).

Противополагающий себя биографическому, культурно-историческому и сравнительно-историческому методам эволюционный метод находит точки соприкосновения с социологическим и статистическим методами изучения литературы. Главной его заслугой было установление внутренних закономерностей изучаемого явления, поэтому к нему в большей мере применим термин «научно-философский метод». Эволюционный метод пришел в науку о литературе из естествознания, поэтому нелишне будет вспомнить напоследок мудрое предостережение Боборыкина: «Принципы, методы и приемы точного знания не дадут нам верных выводов в деле красоты, если мы будем целиком брать аналогии из области природы и применять их к той сфере душевной деятельности человека, где проявляется нечто, не имеющее прямой связи с пользой и даже с моралью...» (с. 107).

Мудрый суд

На протяжении всей своей истории грузинский народ понес не одну утрату. Одна из самых тяжелых — разрушение и уничтожение многих памятников культурной жизни (начиная от легендарного Армазского идола), в том числе (точнее, прежде всего) — гибель старинных рукописей, имеющая место и поныне. Поэтому порой мы вынуждены судить о прошлом лишь по намекам, обнаруживаемым в дошедших до нас источниках, а для просвещенной Европы значительные, подчас важнейшие достижения грузин, прежде всего в интеллектуальной области, оставались и вовсе неизвестными. Элементарный пример: с «Витязем в тигровой шкуре» (XII в.), этим провозвестником Ренессанса, иноязычный читатель познакомился лишь в XX веке. «Лечебная книга Карабадин» (XV в.) до сих пор неизвестна за пределами Грузии. Все это — следствие нашей многострадальной истории, которая отдается эхом и в нашей современности. Просвещение, информация о нашем прошлом, как и настоящем, должны сыграть роль моста, сближающего народы. В этом — главная задача нашей статьи.

Автор «Восхваления и восславления языка грузинского», одного из самых известных, но до сих пор не до конца расшифрованных гимнов, неизвестен. Есть мнение, что это — деятель X века Иоанэ-Зосиме. Однако в одной из сохранившихся его работ критикуются особенности грузинского летосчисления, между тем как автор «Восхваления...» считает грузинский календарь примерным. Сам текст гимна также нуждается в уточнениях. Нет и достойного перевода этого маленького шедевра средневековой литературы на русский язык. Поэтому мы приводим фактически подстрочник. (За образец нами взят текст гимна, опубликованный в сб. «Самеба», под редакцией Гурама Барнова, Тбилиси, изд-во Мерани, 1991, с. 15—16, на груз. яз.).

ВОСХВАЛЕНИЕ И ВОССЛАВЛЕНИЕ ЯЗЫКА ГРУЗИНСКОГО

Схоронен язык грузинский как свидетель дня Его второго пришествия, дабы о каждом из языков Бог судил сим языком.

И язык сей спящим доныне пребывает, а в Евангелии именован он Лазарем.

И обращен Ниною, благодатью обновленной¹, и Еленою-царицей. Они же — две сестры, подобные Марии с Марфой.

И дружбою сие нарек Евангелист. Всякая тайна схоронена в сем языке.

Четыре дня как мертв он. Об этом рек Давид-пророк: «Тысяча лет — как день один».

И в Евангелии грузинском, главе Матфеевой есть буква — «Цил»², в ней — четыре тысячи сокровений³.

Они суть четыре дня, и четыре дня уже почивший в смерти, освященной Им.

И сей язык, Христовым именем хваленый и благословленный, униженный и гонимый, ждет дня своего — второго пришествия Господа.

И в нем знаменье есть: сто четыре года, превосходящие другие языки от дня пришествия Христова до нынешнего дня⁴.

И все, написанное здесь, в свидетели зову: эти сто четыре года и «Цил» в алфавите.

Как видим, в «Восхвалении...» в зашифрованном виде сообщается тайна возникновения и мудрости грузинского языка: «Схоронен (надежно спрятан. — М. Д.) язык грузинский»... Может ли живой разговорный язык быть спрятанным? Язык, как и народ, либо существует, либо нет. Значит, разбирается не о живом языке, а о письменности, которая действи-

¹ Подразумевается обращение в христианство. Надо думать, автор гимна использует известное церковное положение о «новом человеке» — возрожденной, обновленной христианским учением личности.

² Алфавитное название 31-й буквы — звука древнегрузинского алфавита — Ⴀ — с' — имеющей числовое значение 4000.

³ Так переводчик интерпретировал древнегрузинское слово «мараги», «მარაგი», что означает скрытое богатство, т. е. клад, или сокровенную тайну, тайну за семью печатями.

⁴ В научной литературе, посвященной «Восхвалению...», обычно приводится другая дата — 94 года.

тельно может быть схоронена (сохранена), а потом найдена и возобновлена. А письменность — это письмо, алфавит. О нем и идет речь, а еще точнее — о схороненной в нем эзотерической мудрости: Лазаре.

«Нина и Елена-царица обратили его...» Итак, он был создан давным-давно, в языческое время, но не сохранился, был «погребен», а распространители христианства в Грузии извлекли его на свет Божий, как Лазаря из гроба, и использовали в духовных целях. Вот здесь и содержится один из тех «намёков», о которых говорилось выше, по которым можно восстановить (при отсутствии других документов) прошлое. Известно, что в первой (сохранившейся) грузинской исторической летописи Леонти Мровели (XI век н. э.) говорится (на основании каких-то потерянных впоследствии документов) о том, что царь Парнаваз (III век до н. э.) ввел в Грузии «книжничество грузинское». Эта цитата подверглась сомнению, прежде всего из-за отсутствия письменных источников того времени, указывалось и на отсутствие необходимости в такой письменности: только принятие Грузией христианства поставило вопрос о чрезвычайной важности перевода греческих духовных книг, Священного писания на грузинский язык, что и привело к созданию грузинского письма. Впрочем, имеются и другие материалы. Так, по сведению Гурама Шарадзе, Теймураз Багратиони видел у католикоса Антония II утраченный впоследствии (!) документ о дохристианском происхождении грузинского алфавита. В ущелье реки Арагви были найдены (1986) так называемые Даватовы стелы. На одной из граней стелы № 1 обнаружены датированные 284 годом до н. э. выщербленные 37 букв нашего древнего алфавита «асомтаврули» (Т. Гамкрелидзе. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность, 1989).

Однако вернемся к «Восхвалению...». Оно довольно недвусмысленно говорит именно о двойном рождении нашей письменности «асомтаврули»: сперва в седые языческие времена (эта письменность уснула смертным сном, подобно Лазарю, а затем во времена христианизации Грузии, когда острая потребность в ней вернула наш алфавит в строй, не воскресив однако Лазаря, т. е. не использовав всей заложенной в нем Божьей мудрости, что произойдет лишь ко времени второго пришествия Иисуса. Таким образом, правы и те, кто связывает возникновение грузинской письменности с древнесемитским алфавитом и халдейской мудростью, и те, кто видит в ней продукт влияния византийской культуры. С тем лишь

замечанием, что первое, так сказать, физическое рождение нашего алфавита произошло в дохристианское время.

Далее возникает вопрос: каким образом Мессия на Страшном Суде будет судить о Мире с помощью грузинского языка? Да можно ли вообще представить Спасителя, говорящим на языке, который никто другой не понимает? Естественно, нет: значит, в тексте подразумевается что-то другое. Что же? Это, прежде всего, «четыре тысячи сокровений» грузинского языка (точнее, его алфавита). Их расшифровка еще ждет своего исследователя, но на два указания автора гимна следует обратить особое внимание. Это, прежде всего, «сто четыре года, превосходящие другие языки»... что есть криптограмма грузинского летосчисления, ровно на 104 года (5604—5500) превосходящая одну из принятых тогда в мире систем Аниана Александрийского. Что касается другой цифры — «94 года», фигурирующей в иных текстах, то имеется литературоведческая версия происхождения этой даты: 94-й год от Р. Х. есть время создания Евангелия от Иоанна, где описывается судьба Лазаря, которой, по мнению автора «Восхваления...», подобна судьба языка грузинского. И второе — буква «Цил», в которой, по данным Рамаза Патаридзе («Грузинское письмо асомтаврули», 1980), зашифрован показатель $p=3,14$, повсеместно используемый при математических расчетах, особенно в геометрии и астрономии.

Так или иначе, но автор «Восхваления...» в любом случае делает упор на научную ценность грузинского письма. Это письмо, этот алфавит включает в себя большую сумму знаний, особенно в области математики, хронологии, астрономии, дающих возможность всесторонне оценить мир и его достижения. И отсюда: все племена и народы судимы будут Богом, исходя из их вклада в цивилизацию, в человеческий прогресс, в науку, в знания. Божий Суд — это Суд не эмоций, а Суд разума, и мудрость получает высший балл по Божественной шкале.

Полагаю, что не существует ни одного религиозного трактата, тем более такого древнего, в котором с такой очевидностью была бы высказана мысль о Мудром Суде, о приоритете знаний и разума и ответственности человечества перед Богом за свое интеллектуальное развитие.

РАЗГОВОР О МАНДЕЛЬШТАМЕ

(РАЗДУМЬЯ И НАБРОСКИ)

«Он — никуда, я — ниоткуда» — вот еще одно кредо, кредо до поэзии, и, прибавим, констатация судьбы: «В лицо морозу я гляжу один».

Может быть на таких совмещениях и зиждется тайна «наплыва» Мандельштама? Пастернак говорил о том, что уровень искусства измеряется глубиной биографического отпечатка. Биографический отпечаток — движущая сила.

Биографический отпечаток не исчерпывается личным местоимением первого лица. Там всегда наличествует нечто большее и грандиозное: Природа, Бог.

В лицо морозу я гляжу один...

Пропустим рассуждение о трагизме — возможно, оно тут и неуместно.

Поговорим о Мандельштаме, поговорим о личности, о глубине биографического отпечатка.

Но прежде всего — каким условиям должна удовлетворять личность, чтобы меня затрагивал ее отпечаток в искусстве?

Личность не только — дух, а и плоть. Так вот плоть эта должна быть сладостной.

Такой мне представляется плоть Мандельштама. Я заимствую этот эпитет у Катаева. «Мне долго и сладостно снился Мандельштам» — это об этом, это привязывается к этому. Я не могу сказать того же о плоти Пастернака. Мандельштам же мне дорог весь. Я не совсем понимаю, что означало «есть от Христова тела», но, мне кажется, тут близкое состояние.

Бунин **насильно** заставляет себя полюбить. Писательство — его шанс на бессмертие. Бессмертие сходит к Мандельштаму задаром, он не прилагает к тому никаких усилий. Оно само идет к нему. А —

На Москва-реке почтовым пахнет клеем,
Там играют Шуберта в раструбы рупоров.

Что это за клей! Бог ты мой! На этом клею «марки и открытки, на которых носимся и несемся мы».

«Носимся и несемся» — вы чувствуете, какой смолой проступает сладость той плоти?

Поэтому «люблю Мандельштама» должно означать не только стихи Мандельштама, а плоть его... Вот почему Белла Ахмадулина готова разрыдаться над строкой мемуаров, сообщающей, что Мандельштам любил пирожные.

Мандельштам любил пирожные — это сообщение ныне не менее ценно, чем то, в котором говорится, какого импрессиониста более предпочитал.

Выпьем за наше ячменное горе...

Есть у нас паутинка шотландского пледа...

Еще жива женщина — да продлятся ее дни — со смерти которой — страшно подумать — уйдет человек, знавший тепло, температуру, запах его...

Плоть Мандельштама — предмет литературоведения.

Но хочу ли я узнать его интимную переписку? Нет.

Есть обширная область в искусстве, очень не однозначная, но которую по ощущению можно определить как исчезновение, грубо говоря, содержания — я бы предпочел говорить об исчезновении материи. Но что значит **исчезновение**, а тем более **материи**. Такого для нас, материалистов, не бывает. Есть ведь, например, великий закон сохранения энергии — ничего не может исчезнуть. Не может исчезнуть и в искусстве — что-то появляется взамен — общее количество энергии сохраняется. Но в этом-то и штука, что появляется нечто, которое никакими другими словами, как «ничего», «из ничего», «из ниоткуда», «никуда» и т. п. — не определишь.

Насколько мне помнится, это Блок в заметке «Читая Мопассана» замечает, что в какой-то момент чтения он оказывается в некой радужной клетке, и уже безразлично, о чем говорится и что там происходит — он в радужной клетке искусства — и уже все равно, что герой «Милого друга» пошляк — не это становится важным, возможно, сам Мопассан им любит и в этом романе обожает пошлость жизни. Становится неважным, о чем он.

Я недаром в самом начале заговорил о широком диапазоне этого «**ниоткуда**» и «из ничего». Потому что диапазон этот

от «блаженного бессмысленного слова», как бы действительно ничего не значащего, до «еще как о чем», еще как откуда.

Далеко теперь та стоянка,
Тот с водой кипяченой бак.
На цепочке кружка-жестянка,
И глаза застилающий мрак.

Попытаемся убедить, что поэзия и этого четверостишия «из ничего», вернее же «все равно о чем». Погодите, он об этом сказал еще определенной:

Я хотел бы ни о чем
Еще раз поговорить,
Прошуршать спичкой, плечом
Растолкать ночь, разбудить.

Не «еще раз», а всегда хотел — «ни о чем». Очень трудно прерывать цитату. Ну так не будем ее прерывать:

Раскидать бы за стогом стог,
Шапку воздуха, что томит;
Распороть, разорвать мешок,
В котором тмин зашит.

«Зачем, зачем?» — спросите вы:

Чтобы розовой крови связь,
Этих сухоньких трав звон,
Уворованная нашлась
Через век, сеновал, сон.

(1922)

А раз процитировали все, кроме начала, то вот и начало:

Я не знаю, с каких пор
Эта песенка началась, —
Не по ней ли шуршит пор,
Комариный звенит князь?

Я не знаю, что такое литературоведение. Какая-то стрельба не по цели; стрела пущена в сторону и все равно достигает мишени.

Я считаю, что в какой-то момент сказанное — в силу сказанного ли — или помимо — перестает иметь значение и вступает взамен его бытия как бы в небытие.

Возможно, произошло столь полное растворение автора в

вещи, что уже имеет значение только его личность; а все остальное, как результат, отступает на второй план. Может быть, может быть.

Я не знаю, как это формулировать — это надо испытать. (Так испытал Блок, читая Мопассана — вдруг, как бы даже вопреки читаемому). Это одно из самых-самых состояний (возвышенных), доставляемых искусством, — не знаю, соответствует ли ему понятие катарсиса — освобождение, очищение? Вряд ли.

Проследим же за полетом стрелы, пущенной в сторону. Вернемся к стоянке, где с водой кипяченой бак и цепочка, жестянка и глаза застилающий мрак.

Бывает «отсутствие» содержания в самом содержании — условно назовем это «высоким эолийским строем», например:

Зачем же лодке доверяем
Мы тяжесть урны гробовой
И праздник черных роз свершаем
Над аметистовой волной?

Тут «бессмыслица» — «блаженное бессмысленное слово», бред, алогизм — непрописанность реальности — заданы, нет «вещности» («на цепочке кружка-жестянка»).

К чему я клоню? Стоит ли соединять то и это, настаивать на их родстве — однородстве — идентичности? Ведь даже в стихах одного круга, блаженно бессмысленного, высокого эолийского строя — какая разница, скажем, между стихами 1917 года «Еще далеко асфodelей» и стихами тридцать седьмого?

Я в львиный ров и в крепость погружен...
В лицо морозу я гляжу один...

Стихи, разделенные таким промежутком времени, очень трудно поддаются быть в одном круге. Круг не размыкается, не впускает, то есть развитие происходило общее, а не внутри круга. Видимо существует общее правило — с тех пор, как стали писать циклами — к «Стихам о Прекрасной Даме» ничего нельзя добавить — как бы ни были впоследствии близки им отдельные поздние стихотворения.

«В беспамятстве ночная песнь поется». «Беспамятство», Верховная Бессмыслица и т. п. — возможно, главное в этой системе — в этой ли только? Компоненты поэзии — ее бесприемная суть. Она не имеет общего — т. е. имеет, но сторонится и приукрашивания действительности и «обнажения» ее.

Она с пестротой жизни; и та стоянка еще, оказывается, хороша не потому, что дальше будет еще хуже, а хороша сама по себе — как проявление пестроты, ветвистости...

Тут поблизости, может быть, еще закон: как ни прячь судьбу — а она все равно — не то чтобы выглядывает, а все же ощутима. (Что это значит?! Наличие неблагоприятной судьбы — залог поэзии?).

И в царстве мертвых не бывает
Прелестных, загорелых рук.

Это, наверное, о тех «европейках нежных», от которых он принял столько «надсады и горя».

Заметим, от этих, т. е. женских образов, еле помеченных — «Ты все толкуешь наобум» до «Есть женщины сырой земле родные» — какая дистанция.

А я ищу не дистанцию — а нечто противоположное...

Может быть, тут нужно вспомнить опять-таки мандельштамовское понятие веера, о котором — в статье Мандельштама «О природе слова»?

Вот в чем там суть: временно разделенные явления могут оказаться рядом, как доли закрытого веера.

Прелестных, загорелых рук...

Этот разговор, кажется, о самой сути предмета — но он не достигает высот «Разговора о Данте». То — литературоведение будущего, а наш разговор о Мандельштаме вынужденно метафизичен...

В «Разговоре о Данте» — речь о самом зарождении — не готовом результате — там суть поэзии — досутевая, зарождающаяся в горле, вышагивающая ногами, и потому совсем другая терминология — не обычная. Чего стоит такое, например, понятие, как исполнительский порыв!

Мандельштам оперировал не мертвыми, а живыми величинами. Мы же препарлируем...

Завтра меня тут не будет — еще одно доказательство существования Бога, не нуждающегося в доказательствах...

Где лист на том дереве?

Где события — они тоже сваливаются, как лист. Например, розы в банке, и как точно о розах — Ахматова:

Все возьми, но этой розы алой
Дай мне снова свежесть ощутить.

Как обозримо творчество Мандельштама! Оно как ^{настоя-} настоящий город, например; Батуми (такими и должны быть города). Так и стихи Мандельштама — все знают друг о друге, ходят в гости друг к другу — все и все буквально в двух шагах. От порта до бульвара, от центрального проспекта до вокзала и до базара. Не существует далеко — это удивительное, пьянящее ощущение. Не нужен автобус, не нужен трамвай, не нужен телефон, потому что отношения здесь не такие, чтобы предупреждать о визите.

И по бульвару ходят рядом «У Чарльза Диккенса спросите» и «Жил Александр Герцевич».

Может быть, потому он не петербуржец и не москвич в полном смысле этого слова — хотя он и обессмертил эти города, и они ходят друг к другу («Над желтизной правительственных зданий» и «Иль на трамвае охлестнуть Москву»).

Это уже натяжка — ведь он, как никто, и москвич и петербуржец. А впрочем: «Я в Риме родился» — в Риме, обозримом, как Батуми.

Что, кстати, пишет Мандельштам о Батуми?..

Не надо забывать:

Воздух дрожит от сравнений.

Ни одно слово не лучше другого.

Земля гудит метафорой.

Трижды блажен, кто введет в песнь имя.

Две точности:

Первая: «И не слезть было с горы» — это та точность, которая возникает только на «месте преступления».

Это когда реальность почище вымысла:

Сегодня ночью не солгу...

.....

Чай с солью пили чернецы...

.....

Отсюда же и «О, если бы найти фонарь на длинной палке».

Вторая точность не подсказана впечатлением, зоркостью... Она иррациональна, но не перестает быть точностью — например, сказать о хрустале венецианском:

Тают горы голубого дряхлого стекла.

(Это не действительностью подсказано — оно становится действительностью).

Две точности соответствуют двум противоположным твор-

ческим принципам. Скажем, «Стихи об Армении» и «Флейты греческой...»

Все, что ты видел, забудь!

О чем это?

Причем тут все — не все — оно все — особое:

Птицу, старуху, тюрьму
Или еще что-нибудь.

Безразлично что — вот что подчеркнуто перечислением. Оно не выборочно — тут нет предпочтений.

Да, бывает такое состояние — «Все, что ты видел, забудь», оно поэтическое, творческое, причем, весьма не азбучное.

Азбучное поэтическое состояние — из первых, т. е. поэтических состояний — это о том, что все — невыразимо. Кажется, оно ни разу не выражено Мандельштамом. Скорее противоположное у него: то, что выразилось, вырвалось, вернись обратно в тишину, музыку, первопричину!

Останься пеной, Афродита...
Вернись в смесительное лоно,
Откуда, Лия, ты пришла.

Это — музыкальный, исполнительский порыв, ничего общего не имеющий с аффектированными афористическими медитациями типа:

Молчи, скрывайся и тай...
Другому как понять себя!

Вот стихи Мандельштама 1909 года:

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить...

Почему?

Потому же, почему

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту...

Чтобы звериная душа осталась сама собой — она остается:

И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

Все это еще в достаточной степени умозрачительно (влияние Гумилева?).

Есть стихотворения, целиком продиктованные увиденным. Например: «Я видел озеро, стоящее отвесно» — и, хотя кажется, каждая строка в нем противоречит тому, что можно было бы увидеть — это не фантазия, а точность зрения — эмоциональный глазомер и слух. Там скала — вздыхает. Это услышано, а не придумано.

Есть два греха в мышлении — схематизм, схоластическое стремление подогнать под схему — неважно, впрочем, что.

Может быть, чтобы избежать схематизма, нужно прежде всего искать не подтверждения правил, а только исключений.

Никаких утверждений. Не буду томить, скажу и о прозе: нет, не скажу... Нехорошо получится, нельзя избежать упоминания личностей.

Стрела у нас летела в цель...

Какая там цель. Ты говорил: «из ничего», «из ниоткуда» — да ничего подобного — главную прелесть стихов Мандельштама именно составляют их «привязанность», ясность их происхождения — откуда родились и из чего.

Разве нуждается в комментарии стихотворение «Я в львиный ров и в крепость погружен...» — что тут отразилось впечатления от пения Мариан Армстронг?..

Другое дело, что стихи существуют на всех уровнях: фонетическом, досмысловом, смысловом...

Стихи никогда ничего не теряют, они приобретают только.

Приятно сводить стихи к первопричине их, от чего они пошли, за что «зацепились». Насколько это благороднее, чем заниматься смыслом, расширенным до бесконечности — резонанством.

Обусловленность обстоятельствами, понятность Мандельштама последнего периода такой пронзительности, что лучше ее не понимать!

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости...

И сам он писал Тынянову: «В последнее время я становлюсь понятен решительно всем — это грозный симптом...», т. е. он, по существу, думал тогда о том же — об ускользающей сути поэзии, оказывающейся не там, где ее ищут, — по определению все того же А. Блока.

Пример точности: «И не слезть было с горы...»

В стихах один смысл.

На фонетическом уровне им вообще не нужно смысла...

Под кожевенной маской
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.

Тут все продиктовано, все списано с натуры, с происшедшего — никакого второго смысла.

Но Мандельштам ведь не «изобразитель» —

Блаженное бессмысленное слово —

Эолийский высокий строй... оставлены?

Тут и восторг души и радость бытия, тут та многосмысленность смысла, и кроме того завораживающее, заклинающее: «Рассказывай еще!» «Тебя нам слишком мало». В конечном счете происходит исчезновение материи, и стихи вновь возникают из ничего.

Все это правда, но есть в ней какая-то неубедительность.

Материнское и отцовское начала стихотворения; черты действительности, так сказать, оплодотворившей стих: кожевенная маска, фаэтоны — все реалии Шуши — отцовское; материнское — растворяется, расширяется, «не шутя уходит в океанское безвластье».

И еще раз скажу, что многосмысленность поэзии зиждется на односмысленности. В стихах — один смысл.

Мандельштам различал: «говорить словом» и «говорить сознанием», например, излагая свою мысль.

Кожевенная маска, Шуша, Нагорный Карабах — ни в коем случае, не информация, не соответствие натуре.

Наплыв Мандельштама на русскую поэзию уже такого рода, что он собою замещает ее. Можно вести разговор о поэзии вообще — имея в виду одного Мандельштама в качестве универсального образца. В этой несправедливости есть своя справедливость.

Мандельштам не похож на Пастернака, или, вернее, Пастернак не похож на Мандельштама. Индивидуальность Мандельштама ближе к общим свойствам поэзии, ее тайнам. Сильно окрашенная поэзия Пастернака не возбуждает соблазна анализа.

Самое потрясающее и в Мандельштаме и в Пастернаке — то, что они самые что ни на есть реалисты.

Пусть Мандельштам мистифицирует действительность: «Неужели я увижу завтра... Там зрачок профессорский ординарный — египтологи и нумизматы» — какой это, в итоге, реализм!

Такая же точность зарисовки, как, допустим, у Пастернака:

Гуляющие в мягких склепах
Вдыхают...

У Мандельштама даже на сто лет вперед дан обобщающий портрет армянского ученого:

Это птицы сумрачно-хохлатые
С жестким мясом и широкою грудиной.

Интересно свести Пастернака и Мандельштама, конечно, не в качестве бегунов («Вы помните, как бегуны...»), пусть даже соревнующихся в «честь весны».

Они и так соединены посмертно бессмертием. Но, отбросив разделяющие их жизненные обстоятельства, хочется представить их рядом гуляющими, пусть по той же липовой аллее...

Поздний Пастернак и поздний Мандельштам — это рифмуется.

Поэзия так широка, что вмещает и Пастернака и Мандельштама.

У Пастернака черты действительности даны с такой неостывшей достоверностью, что кажется, что это уже не черты, а сама действительность. Это тот высший импрессионизм, единственно который имеет право называться реализмом...

У Мандельштама черты недействительности, которые ни разу — ни в начале пути, ни в конце — в этом путь его необычайно един — не позволил себе Пастернак.

Но, видимо, поэзия нуждается и в антидействительности — позволила себе вместить больше личной судьбы, чем сверх действительность, чем конкретность, возведенная в степень Пастернаком... Но, может быть, у Пастернака это позволило сказать больше о массовых судьбах и действиях.

В тот год митинговали и деревья.

Но не в этом дело.

Такое стихотворение, как «Разменяйте мне мой золотой», мыслимо у Пастернака.

Лирика Мандельштама — всегда от первого лица, и в этом

смысле она обычна, хотя тут очень много деликатно отстраненного — при всем при том, что она исходит прямо от первого лица, тут много мнимого — Мандельштам не решается на прямую речь, но формально все как будто соблюдено.

Лирика Пастернака возникает из эпического, почти полного самоустранения, а, тем не менее, не менее лирически-трепетна.

Тем часом, как сердце, плеча по площадкам,
Вагонными дверцами сыплет в степи...

Прямая речь при мнимой прямой речи все же редка у Мандельштама — такой, например, обнаженности:

И спичка серная меня согреть смогла б.
О если бы найти фонарь на длинной палке —

далее должны произойти чудеса — на эту тему можно рассуждать столетия и написать тома.

Мандельштаму «не нужно пропуска ночного». Пастернаку нужна «охранная грамота».

Одни из самых мужественных поэтов, при всех обстоятельствах остававшиеся самими собой...

Лишь тот из круга убежит,
Тот самый, тот, который...

Пастернак побивает все рекорды, хотя он совсем не рекордсмен — ведь состязаться не с кем — вы — чтение, он — действительность. Разница чудовищная, еще небывалая. Может быть, только в прозе — Толстой?

Вот пример рекорда не рекорда — о комаре — да о комаре ли?

Сквозь блузку заронить нарыв
И сняться красной балериной...
О верь игре моей и вере.

Странная эта книга Пастернака. Сдается, да и не книга она вовсе.

Тихо взявши гавань за плечи,
Мы отходили за пакгаузы.

Вы хотите писать прозу — пишите — но все время держите в голове движение овечьего стада, не забывайте о непрерывных поперечных движениях в общем потоке, вызванных

тысячью причин — от задумчивости отдельной овцы, не вовремя задумавшейся, до необходимости обойти препятствие — да мало ли по какой причине. Мандельштам писал: «Проза ассиметрична, ее движение — движение словесной массы — движение стада, сложное и ритмичное в своей неправильности; настоящая проза — разнобой, разлад, многоголосие, контрапункт, а «Записки чудака» — как дневник гимназиста, написанный полустихами».

Тут, видимо, еще вот в чем дело — ощущение стиха, как пришедшего ниоткуда, идет, так сказать, с двух концов (с другого конца).

Когда человек хочет о чем-то информировать — это всегда чувствуется — раскройте газету и прочтите самую что ни на есть оснащенную «художествами» статью.

Антиинформационность — вот еще причина ощущения ниоткуда стихов, прозы. Тут другие совсем задачи.

У Пастернака информационность мнимая.

О если бы достать фонарь на длинной палке.

Вот чем должно перебиваться молчание — это никуда и ниоткуда, это ни к чему не обязывает, но нужно, как воздух, и может сопровождать постоянно, время от времени, как глубокий вдох или выдох.

И с петухом в горшке прийти во двор к гадалке.

«Четвертую прозу» можно пересказать только средствами танца. Дикарской, должно быть, пляской. Съедаемый да изобразит людоеда.

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола.
Это мачеха Кольцова,
Шутишь: родина щегла!

Воробьевского райкома
Не забуду никогда.

Связь связная.

Ветер нам утешенье принес.

Откуда они приходят, строки из Мандельштама? По какому поводу. А может быть, то какая-то Верховная Беспричинность. Они падают как метеориты — есть в этом своя космогония. Память, беспамятство тут играют первую роль.

На меня нацелилась груша и черемуха.

А в общем эти общие рассуждения о Мандельштаме только отвлекают от него. Речь может идти только об особой Гармонии, внесенной им в мир, — о выпрямительном вдохе, дуговой растяжке. Только с ним можно дышать, когда и воздуха нет.

Твое пограничное ухо —
Все звуки ему хороши —
Желтуха, желтуха, желтуха
В проклятой горчичной глуши.

Губ шевелящихся...

Видно, даром не проходит шевеленье этих губ...
стью — не считаясь с равнодушием печальных наборщиков готового смысла («Разговор о Данте»), живет поэзия.

«Поэтическая речь создает свои орудия на ходу и на ходу же их уничтожает» («Разговор о Данте»).

Мандельштам, Пастернак — подобны океану, который уходит во время отлива. Кто или что управляет приливами и отливами? За отливом уследить невозможно. Просто вдруг не идет Мандельштам или Пастернак. Но вот прилив — какой-нибудь пустяк служит толчком: «Я хочу поужинать, и звезды золотые — в кошельке», «Мелкие чиновники, японцы — теоретически чужой казны» — и уже океан раскинулся во всю ширь — бормочет, шумит...

«Феодосия» — попытка соединения. Она написана тогда же, когда и «Венецейской жизни мрачной и бесплодной» (и все примыкающие и близкие этому стихотворению стихи 19—20 гг.). Непреображенная реальность — напоминает «Сон Шехерезады». Вот синтез — четыре гениальные строки:

Прозрачна даль, Немного винограда.
И неизменно дует ветер свежий.
Недалеко до Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

Сказать: «но трудно плыть» в 20—22 гг.!!! — такая точность и вечность!

То, что отрицал Мандельштам в литературе — прогресс, развитие — возможно, все-таки имеет место под другими наименованиями. Может быть — рост? Вот ведь самые совер-

шенные стихи Мандельштама 20-х годов — «Чуть мерцает призрачная сцена» — это еще только проба, в этом совершенстве возможна тоненькая ниточка роста, совершенствования — такого рода записи с натуры.

Вот, пожалуйста, и «1-го января 1924 г.». Тут уже немислимое совершенство — оно, видимо, еще и расположено в пространстве так, что становится средоточием, — к нему из прошлого протянуты и некрасовские строки и ямщицкие песни, а из будущего — чуть ли не все его достижения, которым будут приписывать особые поэтические качества.

По переулочкам, скворешням и застрехам,
 Недалеко, собравшись как-нибудь, —
 Я, рядовой седок, укрывшись рыбьим мхом,
 Все силюсь полость застегнуть.
 Мелькает улица, другая,
 И яблоком хрустит саней морозный звук,
 Не поддается петелька тугая,
 Все время валится из рук.

«Стереть дневные впечатления».

И не забыть, что всегда:

Я хотел бы ни о чем
 Еще раз поговорить.

Как бы тому не мешало время...

Это «ни о чем» может быть сродни простой песенке о глиняных обидах (Ср. «Крутая соль торжественных обид»!)

Но —

Век мой, зверь мой...

Но это все не очень просто —

И в траве гадюка дышит
 Мерой века золотой...

Видимо, это не стереть!

Я знаю, с каждым днем слабеет жизни выдох,
 Еще немного — оборвут
 Простую песенку о глиняных обидах
 И губы оловом зальют.

Публикация Киры ВОЛЬФЕНЗОН-ЦЫБУЛЕВСКОЙ
 и Павла НЕРЛЕРА.

Главный редактор **Роман МИМИНОШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Нана КАНДЕЛАКИ, Камилла КОРИНТЭЛИ (зам. главного редактора), Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ.

Художник Ал. Ахсахалян

Технический редактор К. Котомина

Корректор И. Ахсахалян

Сдано в набор 2.11.94. Подписано к печати 3.08.95.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага газетная Печать
высокая. Печ. л. 7.0. Усл. печ. л. 11,9. Уч. изд. л. 14,0
Тираж 300. Заказ 1040. Цена договорная.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

Адрес редакции: 380008. Тбилиси, ул. Костава, 5.
Телефоны: 93-65-15, 99-06-59, 93-31-43, 93-65-19.

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси,
ул. Костава, 14.

ი 116/9

ქართული
ИНДЕКС-7611733

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურა და ხელოვნება“
(რუსულ ენაზე)

დაშუქდებულა საქართველოს (წერალთა კავშირი)
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

